

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Ф. Херберт

ДЮНА

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Фрэнк Херберт

Д Ю Н А

Фантастический роман

Перевод с английского

Книга первая

Ереван 1990

С самого начала надо позаботиться о своем месте в жизни, чтобы не уподобиться маятнику. Это знает каждая сестра Бене Гессери. И Муад Диб Империи падишаха Шаддама IV. Особое внимание надо обратить на то, что он жил на планете Арраки. Пусть не введет вас в заблуждение, что он родился на Келадане, где и провел первые пятнадцать лет. Но настоящая его родина — Арраки, планета, более известная под названием «Дюна».

Все, что вы здесь прочтете, нам рассказала принцесса Ирулен.

* * *

За неделю до отъезда на Арраку, когда предотъездная суета достигла апогея, старуха пришла навестить мать Пола.

Ночь в Кастель Келадан была жаркой, но груда камней, служивших домом уже двадцати шести поколениям семьи Атридесов, дышала той же приятной прохладой, которая была им свойственна перед изменением погоды.

Старуха открыла боковую дверь и прошла под сводом коридора к комнате Пола, заглянула и стала рассматривать лежащего в постели мальчика.

При затемненном свете лампы, висящей у самого потолка, разбуженный мальчик различил маячившую у двери на шаг впереди матери грузную женскую фигуру.

Старуха более всего походила на ведьму: волосы, как спутанная паутина, темное лицо, глаза сверкали, словно драгоценные камни.

— Не мал ли он для своего возраста? — спросила старуха. Ее голос был хриплым и гнусавым.

— Всем известно, что в нашей семье взрослеют поздно, Ваше Преподобие, — ответила мать Пола своим мягким контральто.

— Слышала, слышала, — прохрипела старуха. — Но ему уже пятнадцать лет.

- Да, Ваше Преподобие.

— Он проснулся и слушает нас, — сказала старуха. — Вот маленький лукавец. — Она хихикнула. — Но хитрость и нужна нашему королевству. И если он действительно Квизац Хадерах, тогда...

В тени своей кровати Пол приоткрыл глаза. Два по-птичьи ярких овала — глаза старухи — казалось росли и увеличивались, проникая в его душу.

— Спи спокойно, — сказала старуха, — завтра тебе понадобятся все твои силы и способности для встречи с моим Гом Джаббером. — И она ушла, оттолкнув мою мать и с треском захлопнув за собой дверь.

Разбуженный Пол лежал и думал о том, кто же такой Гом Джаббер.

Из всего этого самым странным для него было поведение старухи — она обращалась с его матерью как со служанкой, а не с леди Бене Гессери — матерью наследника Герцога. Может Гом Джаббер имеет какое-то отношение к Арраки? — размышлял он.

Предстояло так много узнать.

* * *

Зуфир Хават, магистр убийств его отца, как-то объяснил ему — Харконнены с Арраки их смертельные враги. Сама планета их — феодальное владение для обогащения по контракту с СНОАМ. Теперь Харконнены удалились, чтобы быть замененными домом Атридесов — явная победа Герцога Лето. Да, говорил Хават, этот человек — грозная опасность для всех, потому что он пользовался большим расположением в доме Ландсраат. Человек, пользующийся таким расположением, желает все больше и больше власти, сказал Хават.

Арраки — Дюна — пустынная планета. Пол снова заснул. Ему снились арракинские пещеры, молчаливый народ, движущийся вокруг него в тусклом свете осветительных шаров. Там было угрюмо, похоже на церковь, и он слышал слабый шум воды. Даже во сне Пол помнил, что будет вспоминать его, когда проснется. Почему-то сны всегда исполнялись. Пол это хорошо знал.

Сон растаял. Пол проснулся и ощутил теплую постель. И все думал, думал. Мир Каствля Келадана без игр, без друзей не принесет ему печали при расставании. Доктор, его учитель, намекал на то, что на Арраки ему будет свободнее. Люди, нашедшие приют в пустынном краю, жили без власти над ними Кейдосики ба-

шаров. Люди песков называли себя Свободными, они не были зарегистрированы в Импернал Регенте.

Почувствовав насколько все в нем напряжено, Пол решил воспользоваться одним из уроков, которым обучила его мать. При быстрых вдохах, сопровождающихся концентрацией воли, он впадает в состояние протрации... направленное сознание, сосредоточенное по желанию... кровь, обогащенная кислородом, устремляется в самые отдаленные области тела... безопасность не достигается одним лишь животным инстинктом... животное сознание не имеет власти над данным моментом, ни над мыслью, ни над телом, животные удовольствия не захватывают власть над сознанием... человек нуждается в изначальном устройстве, которое дает ему возможность увидеть самого себя... концентрирует сознание по своему выбору.

Когда заря желтым светом тронула окна комнаты, Пол ощутил луч света веками. Он открыл глаза, потом услышал звуки суматохи и беготни в замке.

Дверь, ведущая в холл, отворилась и в нее проскользнула мать. Черная лента поддерживала на затылке волосы цвета бронзы, ее лицо было бесстрастным, глаза зеленого цвета — серьезные.

— Ты проснулся? — спросила она. — Хорошо ли ты спал?

— Да.

Вынув из шкафа полуформенную куртку, она повернулась к нему. Над нагрудным карманом был вышит красный ястребиный клюв — герб Атридесов.

— Поторопись, — сказала она. — Преподобная Мать ждет.

— Я как-то видел ее во сне. Кто она?

— Она была моей учительницей в школе Бене Гессери. Сейчас она Предсказательница Правды Императора. Ты... — заколебалась она, — ты должен рассказать ей о своих снах.

— Ладно. Это из-за нее мы едем в Арраку?

— Мы не получили еще Арраки. — Она встряхнула брюки и повесила их рядом с курткой. — Поторопись, не заставляй Преподобную Мать ждать.

Пол сел, потирая колени.

— Кто такой Гом Джаббер?

И снова он уловил ее почти незаметное колебание, нервное напряжение, в котором он почувствовал ее страх.

Джессика подошла к сыну, отдернула шторы и посмотрела в сад.

— Ты скоро о нем узнаешь.

Он уловил страх в ее голосе и удивился. Джессика, не оборачиваясь, проговорила:

— Преподобная Мать ждет.

Преподобная Мать, Гаиус Хэлен Моахим, сидела в кресле, наблюдая за тем, как к ней подходят мать с сыном. Окна по бокам кресла выходили на южный берег реки, на зеленые земли семьи Атридесов, но она не интересовалась этим ландшафтом. Этим утром она почувствовала себя хуже, чем обычно. Вину за это она возлагала на космическое путешествие. Необходимо было выполнить поручение, требующее ее личного внимания. Даже она не могла избежать личной ответственности, когда этого требовал долг.

Черт бы побрал эту Джессику, подумала Преподобная Мать. Если бы она родила нам девочку, это было бы более желательно.

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и сделала реверанс. Пол отвесил короткий поклон. Нюанс приветствия Пола не ускользнул от внимания Преподобной. Она сказала:

— Он вежлив, Джессика.

Рука матери легла на плечо Пола и осталась там. Даже ее ладонь, как показалось Полу, излучала страх. Потом она сделала над собой усилие.

— Так его учили, Ваше Преподобие.

«Чего она боится?» — удивился Пол.

Старуха посмотрела на Пола немигающим взглядом. Она заметила большое сходство с его родителями.

— Ну что ж, — сказала Преподобная Мать. — Посмотрим, как его учили, — старческие глаза метнули жесткий взгляд на Джессику. — Оставь нас одних. Занимайся своими делами.

Джессика сняла руку с плеча Пола.

— Ваше Преподобие, я...

— Джессика, ты знаешь, что так должно быть.

Пол озадаченно посмотрел на мать.

Джессика выпрямилась.

— Да, конечно...

Пол перевел взгляд на Преподобную Мать. Страх, который испытывала его мать, заставил его нахмуриться.

— Пол...

Джессика глубоко вздохнула.

— Это испытание... оно важно для меня.

— Испытание?

— Помни, что ты сын Герцога.

Она повернулась и пошла к двери, сухо шелестя платьем. Дверь за ней плотно закрылась. Пол, сдерживая гнев, повернулся к старухе. Почему она обращается с леди Джессикой, как с простой служанкой?

В глазах морщинистого рта старухи мелькнула усмешка.

— Леди Джессика была моей служанкой в школе, мальчуган, была ею четырнадцать лет. — Она зевнула. — И была хорошей служанкой. А теперь иди сюда.

Эта команда словно хлестнула Пола. Он повиновался ей раньше, чем подумал. Использует на мне действие голоса, подумал он. И, когда он подошел к креслу, она жестом остановила его.

— Видишь это? — спросила она. Из складок своей зеленой юбки она достала железный кубик. Она повернула его, и Пол заметил, что одна сторона его была абсолютно черной. Ни один луч света не проникал, казалось, в него. — Положи в него правую руку, — сказала старуха.

Страх шевельнулся в душе Пола. Он хотел отступить, но старуха сказала:

— Так вот как ты слушаешься мать?

Он посмотрел в ее по-птичьи лучистые глаза. Медленно, чувствуя себя принужденным и не имея сил противиться, Пол положил руку в кубик. Первым чувством было ощущение холода, когда чернота сомкнулась вокруг кисти. Потом его пальцы коснулись металла и он ощутил в руке слабое покалывание, как будто она была придавленной.

Взгляд старухи сделался хищным. Она протянула к шее Пола руку. Он увидел в ней блеск металла и хотел повернуть голову.

— Стой! — рявкнула старуха.

Пол опять посмотрел на нее. Снова голос:

— Я лежу у твоей шеи, Гом Джаббер. Это игла с каплей яда на конце. А-а-а! Не отворачивайся, или почувствуешь этот яд на себе.

Пол попытался сглотнуть, но сухость во рту помешала ему. Он не мог оторвать взгляда от ее морщинистого лица, бледных десен над серебряными зубами, вспыхивающими, когда она говорила.

— Сын Герцога должен все знать о ядах. И в наше время этот способ нужен, чтобы отравить во время питья. Он называется «маски». «Аусмас» — чтобы отравить во время еды. Есть яды быстрые, есть яды медленные. А этот убивает только животных. Он для тебя нов.

Гордость заблестела в глазах Пола.

— Ты осмеливаешься предположить, что я животное? — надменно спросил он.

— Скажем так! Я предполагаю, что ты человек. Держись твердо! Предупреждаю тебя: не дергайся. Я стара, но моя рука успеет воткнуть иглу тебе в шею, прежде чем ты убежишь.

— Кто вы? — прошептал Пол. Каким образом вам удалось

убедить. мою мать оставить меня с вами один на один? Вы из Харконненов?

— Боже упаси, нет! А теперь молчи!

Сухой палец тронул его шею. И Пол подавил в себе желание отодвинуться.

— Хорошо, — сказала старуха, — первое испытание выдержано. Теперь осталось последнее: если не выдернешь руку — будешь жив, выдернешь — умрешь!

Пол глубоко вздохнул, унимая дрожь.

— Если я закричу, слуги будут здесь через секунду, и ты умрешь, старуха!

— Они не пройдут мимо твоей матери: она стоит на страже. Подумай! Твоя мать выдержала это испытание. Теперь твоя очередь. Будь тверд! Мы редко предлагаем это испытание мужчинам!

Любознательство превысило страх. Он почувствовал по голосу старухи, что она говорит правду. И он занялся самовнушением. Я не должен бояться. Страх угнетает ум. Страх — это смерть. Я буду смотреть ему в лицо. Я не позволю ему овладеть мною.

Он почувствовал, как спокойствие возвращается к нему, и сказал:

— Начинай, старуха!

— Старуха? — повторила она. — Ты смел, этого отрицать нельзя, мой милый. — Она наклонилась к нему поближе, понизив голос почти до шепота. — Ты чувствуешь боль в своей руке? Выдерни руку и мой Гом Джаббер коснется тебя. Смерть будет легкой, как удар кнута. Понятно?

Пол почувствовал, как увеличивается покалывание в руке, и крепче сжал губы. Как такое может быть испытанием? Он был удивлен. Покалывание перешло в зуд. Старуха сказала:

— Ты слышал, как животные перегрызают себе лапы, чтобы освободиться от ловушки? Это поступок инстинкта. Человек не остается в ловушке, выдерживая боль, надеясь до конца, что он сумеет убить того, кто поймал его.

Зуд перешел в жжение.

— Почему вы это делаете? — спросил Пол.

— Чтобы убедиться, что ты человек. Молчи!

Пол сжал левую руку в кулак, потому что жжение перешло и в нее. Оно медленно росло: все жарче, жарче и жарче. Он чувствовал, как глубоко впились ногти в ладонь. Он чувствовал, он попытался разжать кулак, но не смог шевельнуть пальцами.

— Горит! — прошептал он.

— Молчи!

Рука Пола задрожала, на лбу выступил пот. Казалось, каждая клеточка тела кричала: выдерни руку... но... Гом Джаббер! Не поворачивая головы, Пол попытался, скосив глаза, посмот-

реть, в каком положении Гом Джаббер. А услышав свое шумное дыхание, попытался унять его, но не смог.

— Пол!

Весь мир для него сосредоточился только на ней и на старческом лице, неподвижно обращенном к нему.

— Жар! Жар!

Ему казалось, как он чувствует, что кожа сворачивается на его руке, как плоть расплывается и исчезает, и остаются одни кости. И вдруг боль утихла, словно выключили ее. Обильный пот выступил на всем теле.

— Довольно! — пробормотала старуха. — Кул Вахад. Ни один еще ребенок, рожденный женщиной, не выдерживал такого. Я не должна была желать твоего поражения. — Она отодвинулась. — Молодой человек, можете посмотреть на свою руку.

Усмирив болезненную дрожь, Пол смотрел на лишенную света черноту. Каждое мгновение еще, казалось, было насыщено болью.

— Ну же! — крикнула она.

Пол рывком выдернул свою руку и с удивлением уставился на нее. Никаких следов на ней не было. Он поднял руку, повернул ее, пошевелил пальцами.

— Это только возбуждение нервов, — сказала старуха. — Зачем же калечить тех, кто может оказаться полезен? И все же, кое-кто дал бы все за тайну этого кубика.

— Но боль...

— Боль? — повторила она. — Человек может подавить любые ощущения в своем теле.

С моей матерью вы проделывали нечто подобное?

— А ты когда-нибудь просеивал песок?

Пол кивнул головой.

— Мы, Гессеры, просеиваем людей, чтобы найти человека.

Пол поднял руку, подавляя воспоминание о боли.

— И это все, что нужно — боль?

— Я наблюдала за тобой в этом положении. Наше испытание в критическом положении.

Пол услышал твердость в ее голосе и сказал:

— Это правда!

Старуха пристально посмотрела на него. Он уже чувствует правду! Может ли он быть им? Она подыкала волнение и напомнила себе: «Надейся только на наблюдения».

— Ты знаешь, когда люди верят в то, о чем говорят?

— Знаю!

Голос Пола был гармоничен, и старуха уловила эту особенность.

— Возможно, ты — Квизац Хадерах. Присядь у моих ног, братец.

— Я предпочитаю стоять.

— Твоя мать сидела однажды у моих ног.

— Я не она.

— Слегка ненавидишь нас, а? — посмотрев на дверь, старуха позвала: — Джессика!

Дверь мгновенно распахнулась, и вот она уже стоит на пороге, пристально оглядывая комнату. Она увидела Пола и тревога сошла с ее лица.

— Джессика, ты перестанешь когда-нибудь меня ненавидеть? — спросила старуха.

— Я и люблю и ненавижу вас одновременно. Моя ненависть — она от боли, которую я, должно быть, никогда не забуду. Моя любовь...

— Просто то, что есть, — закончила старуха и голос ее был мягок. — Теперь ты можешь войти, но веди себя тихо.

Джессика вошла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

«Мой сын жив, — думала она, — и он человек. Я всегда знала это... и он живет. Теперь и я могу жить дальше».

Пол смотрел на мать. Она говорила правду. Ему захотелось уйти и обдумать все, что произошло, но он знал, что не сможет уйти, пока старуха ему не разрешит. Она приобрела над ним власть. Они говорили правду. Его мать тоже прошла через это для какой-то таинственной цели и эта цель, видимо, была ужасна. Он тоже был уже заражен этой целью, правда, не знал ее сущности.

— Однажды тебе тоже придется стоять у этой двери, и это будет высшая мера доверия, — сказала старуха.

Пол посмотрел на руку, чувствовавшую боль, перевел взгляд на Преподобную Мать. Голос ее стал непохож на все другие, слышанные им когда-либо. И он понял, что теперь он получит ответ на любой вопрос, и что тот спокойный мир, в котором он жил, кончился.

— Для чего проводится это испытание на человека? — спросил он.

— Чтобы высвободить его личность!

— Высвободить?

— Когда-то человек надеялся только на машины, но это лишь позволило поработить их другими людьми, с более совершенными механизмами.

— «Да не сделаем машину подобием ума человеческого», — процитировал Пол.

— Из Бультер иан Джихади и Оранжевой Католической Библии, — сказала старуха. — Но вот, что не следовало бы утвер-

ждать. Так не заставь же машину быть подобием ума человеческого. Ты изучал Ментат?

— Я начал его с Зуфиром Хаватом.

— Великое восстание унесло все эти костыли, — сказала старуха. — Оно заставило человеческий ум развивать человеческие способности.

— Школа Бене Гессери?

Старуха кивнула.

— Древние школы дали нам двух последователей: Бене Гессери и космический Союз. Он, как мы считаем, придает значение только математике. Бене Гессери играет другую роль.

— Политика, — сказал Пол.

— Кул Вахад! — воскликнула старуха и сердито посмотрела на Джессику.

— Я ничего ему не рассказывала, — сказала она.

Преподобная Мать обратилась к Полу.

— Ты высказал замечательную догадку. Действительно, политика. Это в чем нуждается человеческий род, чтобы не порвалась его нить.

Надо понимать, что такое положение не может быть в отделении интересов человеческих от животных инстинктов — все во имя будущих поколений.

Слова старухи внезапно потеряли для Пола специфическую остроту. Он почувствовал наступление того, что его мать называла инстинктом правды. Не то, чтобы Преподобная Мать лгала, просто она верила в то, что говорила. Все это было связано с той же целью.

И Пол сказал:

— Но моя мать говорила, что последователи школы Бене Гессери не знают своих родителей.

— Генетические линии всегда есть и в наших записях, — сказала старуха.

— Тогда почему моя мать не знает их?

— Некоторым это удастся, но многим — нет. Мы бы могли например, захотеть ее брака с близким родственником, чтобы усилить генетическое влияние на потомков. Ведь для этого может быть много причин.

И снова Пол почувствовал отклонение от правды. Он сказал:

— Вы много на себя берете!

Преподобная Мать смотрела на него и думала: «Действительно ли он так думает?»

— Мы несем на себе большую тяжесть! — сказала она.

— Вы сказали, что я могу стать... Квизац Хадерахом? Это нечто Гом Джаббера для человека?

— Пол, — сказала Джессика, — ты не должен говорить таким тоном с...

— Я сама, — сказала старуха. — А теперь вот что, мальчуган. Тебе известно о предсказательном веществе?

— Вы принимаете его, чтобы отличить ложь от правды, так говорила мне мать.

— Ты видел когда-нибудь транс правды?

— Нет.

— Это средство опасно. — сказала старуха. — Оно дает внутреннее видение. Оно усиливает память и ламять предков. Мы можем таким образом заглянуть в память предков, и, таким образом, в прошлое. Но это доступно только женщинам. — Голос старухи стал печальным. — Но и мы в этом ограничены. Правда, сказано, что однажды мужчины смогут увидеть и мужское прошлое.

— Ваш Квизац Хадерах?

— Да, многие испытывают на себе это средство, но никому еще не удавалось это.

— Они потерпели поражение?

— О нет, — она покачала головой. — Все они погибли.

* * *

*«Попытка понять Муад Диб»,
не поняв его смертельных вра-
гов, это попытка увидеть
Правду без знания Лжи. Это
попытка увидеть Свет, не зная
Тьму. Это невозможно».*

*«Руководство Муад Диб» прин-
цессы Ирулен*

Это был выпуклый шар — изображение Мира, — вращающийся от нетерпеливых толчков полной, блестящей от колец руки. Глобус был прикреплен к стержню, выходящему из одной из стен в комнате без окон. На полках остальных стен были разложены свитки, книги, магнитные записи и фильмы. Комната освещалась золочеными шарами ламп.

В центре комнаты стоял эллипсоидный стол желто-розового цвета. Его окружали кресла. В одном сидел темноволосый юнец лет шестнадцати, круглолицый с мрачным взглядом. В другом помещался стройный, небольшого роста мужчина с женскими чертами лица. И юнец, и мужчина смотрели на глобус и человека, вертевшего его.

Из-за глобуса слышалось хмыканье, потом басистый голос произнес:

— Вот она, Питер, величайшая ловушка в мире. И Герцог угодит в нее! Его великолепие не сравнится с моим, не так ли?

— Конечно, барон, — отозвался мужчина. У него оказался мягкий мелодичный тенор.

Полная рука отпустила глобус и его вращение прекратилось. Теперь глаза всех находящихся в комнате могли созерцать неподвижную поверхность. Это был глобус, которые делают для богатых коллекционеров или для правителей планет Империи. Он

нес в себе характерные черты мастерства ремесленников планеты.

Полная рука снова опустилась на глобус.

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы Питер и вы, Фейд-Раус, посмотрели вот на эту широкую рябь между шестидестью и семидестью градусами. Не напоминает ли она, вам о сладкой карамели? Здесь есть и моря, и озера, даже реки. Может ли кто ошибиться? Ведь это Арелла! Единственная и неповторимая! Превосходное место для единственной в своем роде победы!

Улыбка тронула губы Питера.

— И только подумать, Барон, падишах Империи верит в то, что отдаст Герцогу вашу часть планеты.

— Подобные слова не имеют смысла, — прогремел Барон. — Ты сказал это, чтобы смутить юного Фейда-Рауса. Но нет никакой необходимости его смущать, моего племянника.

Юнец с угрюмым видом завозился в своем кресле, разглядывая черное трико, в которое он был одет.

В дверь, что была за его спиной, постучали, и он резко выпрямился.

Питер поднялся, подошел к двери и открыл ее настолько, чтобы можно было принять записку, скатанную в трубочку. Закрыв дверь, он развернул ее. У него вырвался смешок.

— Ну? — повелительно спросил Барон.

— Дурак нам ответил, Барон.

— Разве Атридесы отказывались сделать когда-либо благородный жест. Что он там пишет?

— Он очень неучтив, Барон. Обращается к вам, как к Харконнену. Никаких титулов, ничего!

— Это хорошее имя, — проворчал Барон. Голос выдал его нетерпение. — Так что же пишет дорогой Лето?

— Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я, имея достаточно много случаев убедиться в вашем вероломстве (о нем известно всем) уклоняюсь».

— И?

— «Жаль, что этому искусству все еще поклоняются в Империи». Он подписал так: «Граф Лето Арраки».

Питер рассмеялся.

— Граф Арраки! Господи! До чего же смешно!

— Замолчи, Питер, — сказал Барон. И тот сразу замолк. — Вот как? Вендетта, а? И он использует это старое милое слово, такое богатое традициями с тем, чтобы быть уверенным, что я пойму намек?

— Вы сделали шаг к миру, — сказал Питер.

— Для Ментата ты слишком разговорчив, Питер, — сказал Барон, а про себя подумал: «Я вскоре должен от него избавиться. Больше в нем нет надобности».

Барон посмотрел на своего наемного убийцу и только сейчас

заметил в нем то, что сразу замечали посторонние; блеклые глаза безо всякого выражения.

Усмешка скользнула по лицу Питера.

— Но, Барон! Я никогда не видел более прекрасного мщения. Это самое утонченное издевательство: заставить Лето обменять Келадан на Дюну и безо всяких условий, потому что так прикажет Император. До чего остроумно с вашей стороны!

Барон холодно сказал:

— У тебя несдержанные речи, Питер!

— О, я счастлив, мой Барон. Вы же... вас точет ревность.

— Питер!

— А-а-а, Барон! Разве не достойно сожаления то, что вы не можете сами привести в исполнение этот замечательный план?

— Однажды я задушу тебя, Питер!

— Ну, конечно, Барон! Наконец-то! Но с добрым поступком никогда не следует спешить, а?

— На что же ты надеешься, Питер?

— Мое бесстрашие удивляет Барона? — спросил Питер. Его лицо превратилось в хитрую маску. — Ага! Но как «браво» я знаю, когда ко мне подошлют палача. Вы будете сдерживаться столько времени, сколько я буду вам полезен. Иначе действовать будет расточительством: ведь я могу принести и пользу. Я знаю, что Дюна прекрасная планета — ущерба нам нет. Верно, Барон?

Барон молча смотрел на него. Фейд-Раус дернулся в своем кресле. Эти спорящие дураки, думал он. Мой дядя не может беседовать со своим ментатом без ссоры. Неужели они думают, что мне нечего делать больше, чем слушать их?

— Фейд, — наконец сказал Барон, — я велел тебе слушать и учиться, когда разговаривают старшие.

— Да, дядя, — сказал он.

— Иногда Питер удивляет меня, — сказал Барон. — Я не считаю боль необходимой, но он... он находит в ней какое-то удовольствие. Что касается меня, то я чувствую жалость по отношению к бедному Герцогу. Доктор уже вскоре займется им, и это будет конец всех Атридесов. Но Лето, конечно, узнает, кто направляет руку уступчивого доктора... и кто знает — это будет, наверное, выглядеть ужасно.

— Тогда почему бы вам не приказать доктору просто воткнуть ему кинжал между ребер? — спросил Питер. — Вы говорите о жалости, но...

— Герцог должен узнать, что я стал его роком, — сказал Барон. — И другие тоже должны узнать об этом. Это приведет их в замешательство, и я выиграю время для маневрирования. Эта необходимость очевидна, но я не обязан ею воспользоваться.

— Возможность маневрирования, — сказал Питер. — Взгляд Императора и так прикован к Вам, Барон. Вы слишком смелы.

В один прекрасный день Император пошлет легион-другой сардукаров сюда и это будет концом Барона Владимира Харконнена.

— Ты бы с удовольствием посмотрел на это со стороны, да Питер? — спросил Барон. Ты бы с радостью наблюдал как они разрушают мои города и берут этот замок. Да, ты был бы искренне рад. — Нужно ли было Барону спрашивать об этом? — Тебя слишком интересует кровь, — продолжал Барон. — Возможно, я слишком поспешил с распределением трофеев Арраки.

Питер сделал по комнате несколько удивительно мелких шагов и остановился за спиной Фейд-Рауса. Напряжение в комнате, казалось, сгустилось. Юнец обеспокоенно и хмуро посмотрел на Питера.

— Не играйте с Питером, Барон, — сказал он. — Вы обещали мне леди Джессику!

— Зачем она тебе? — спросил Барон.

Питер молча смотрел на Барона. Фейд-Раус шевельнулся в своем кресле.

— Дядя, может я пойду?

— Мой милый, ты слишком нетерпелив.

— Как дела с маленьким Полом? — спросил Барон Питера.

— Ловушка принесет его к нам, — пробормотал Питер.

— Я не об этом, — сказал Барон. — Ты упоминал о том, что служанка Бене Гессери принесет Герцогу дочь. Ты ошибся, а, ментат?

— Я не часто ошибаюсь, Барон, — сказал Питер и впервые в его голосе послышался страх. — Поверьте мне, что служанки Бене рожают в основном дочерей.

— Дядя, — сказал Фейд-Раус, — вы сказали, что я здесь услышу нечто важное для меня...

— Не торопись, — Барон шевельнулся возле глобуса. — Что же, Фейд, я позвал тебя сюда, чтобы немного поучить тебя мудрости. Ты ведь наблюдал за нашим добрым ментатом. Тебе следовало у него кое-чему поучиться.

— Но, дядя...

— Он очень умен, не так ли, Фейд?

— Да, но...

— Вот-вот, но... Он требует слишком много внимания. Всмотритесь в его глаза. Умный Питер, но все же слишком эмоционален к взрывам страсти. Умен Питер, но все же может заблуждаться.

Питер сказал угрожающим тоном:

— Вы вызвали меня сюда, Барон, чтобы поиздеваться надо мной?

— Ты должен бы знать меня лучше, Питер. Я просто хочу показать моему племяннику, что и ментат может быть ограничен

— Вы уже нашли мне замену?

— Замену тебе? Что ты, Питер. Где бы это я мог найти замену твоей хитрости и уму?

— Там же, где вы нашли меня, Барон.

— Возможно, стоит попытаться, — задумчиво сказал Барон. — Последнее время ты действительно кажешься неуравновешенным. И еще эти снадобья.

— Мои развлечения разве слишком дороги?

— Дорогой мой Питер, твои развлечения это то, что ко мне тебя привязывает. Как я могу против них возражать? Я просто хочу, чтобы мой племянник все знал о тебе.

— Тогда он должен все знать. Мне танцевать?

— Очень хорошо, — сказал Барон, — но сейчас помолчи. — Он посмотрел на Фейда. — Это наш ментат, Фейд. Он был воспитан и обучен выполнять определенные обязанности. Тот факт, что он находится в человеческом теле, не должен тебя смущать. Правда, это серьезное препятствие. Иногда я думаю, что древние с их мыслящими машинами были правы.

Губы племянника, генетический признак рода Херконненов, были несколько искривлены в изумлении.

— Это сравнение слишком уж нелепое, — сказал Питер. — Вы сами, Барон, могли бы создать нечто лучшее, чем те машины.

— Возможно, — сказал Барон. — Итак... Он глубоко выдохнул воздух. — Итак, Питер, опиши моему племяннику основные черты нашей борьбы с домом Атридесов.

— Барон, я предупреждал вас, чтобы вы не доверяли детали этой борьбы никому. Мои наблюдения над...

— Я сам буду судить об этом. Я дал тебе приказ, ментат. Предстань перед нами в одном из твоих многочисленных состояний.

— Пусть будет так, — сказал Питер. Он выпрямился и в нем появилось какое-то величие, как будто это была еще одна его маска, но на сей раз покрывающая его тело. — Через несколько дней весь клан Герцога Лето вступит на борт лайнера Космического Союза для следования в Арраки. Они прибудут скорее всего туда, чем в наш город Картаг, потому что ментат Герцога, Зуфир Хават, совершенно справедливо решит, что Арраки легче защитить, чем Картаг.

— Следи внимательно, Фейд, — сказал Барон, — наблюдай, как план врага становится твоим планом.

Фейд кивнул, думая: «Это уже получше. Старое чудовище наконец-то допустил меня к своей тайне. Должно быть он действительно хочет сделать меня своим наследником».

— Есть несколько вариантов, — продолжал Питер. — Я указал на более возможный. Тем не менее, мы не должны забывать возможность, что Герцог заключил с «Союзом» контракт, чтобы тот перенес его в более безопасное место внутри системы. Дру-

гие при подобных обстоятельствах с помощью защитных экранов скрылись из пределов Империи.

— Герцог слишком горд для подобного поступка, — сказал Барон.

— Это просто возможность, — сказал Питер. — Тем не менее, конечный результат был бы для нас тем же самым.

— Нет, не был, — проворчал Барон. — Я должен уничтожить его род.

— Это возможно, — сказал Питер. — Некоторые приготовления указывают на то, что клан собирается бежать, но сам Герцог не сделал ни одного подобного шага.

— Так, — вздохнул Барон, — продолжай, Питер.

— В Арраки Герцог с семьей займет дом графа и леди Фенринг.

— Посол и одновременно контрабандист, — хихикнул Барон.

— Чей посол? — спросил Фейд-Раус.

— Ваш дядя шутит, — сказал Питер, — Он называет его послом и контрабандистом, указывая на то, что интересы Империи и Арраки это контрабанда.

— Почему? — Фейд повернул озабоченное лицо к дяде.

— Не будь тупым, Фейд, — рявкнул Барон. Пока Союз остается вне контроля Империи, как может быть иначе? Как еще могли действовать шпионы и убийцы? Рот Фейда открылся в беззвучном «о-о». — Из этой резиденции мы подготавливаем нужные нам операции, — сказал Питер. — Так была задумана попытка покушения на жизнь наследников Атридесов, и она могла бы кончиться успехом.

— Питер, — прошипел Барон, — ты указывал...

— Я указывал на то, что может произойти несчастный случай, — сказал Питер, — и что попытка должна была оказаться пустой.

— Он еще молод, — сказал Барон, — и, конечно, потенциально более опасен, чем его отец... и с теми знаниями, что снабдила его мать... Проклятая женщина! Ладно, продолжай, Питер!

— Хават смог обнаружить, что мы подослали к нему агента, — продолжал Питер. — И подозрение его пало на доктора Уйе, что очень плохо для нас, так как он действительно наш агент. Но Хават, проведя расследование, обнаружил, что доктор выпускник школы Сак — а это является достаточным основанием для безопасности любого, будь он даже слугой. Считается, что с выпускником ничего невозможно сделать, не убив сам объект внимания. Тем не менее в том не раз убеждались, что стоит лишь найти точки соприкосновения и он окажется в его руках. Раз мы нашли, то и он может найти.

— Как? — спросил Фейд. Он нашел эту тему чрезвычайно

интересной. — Любому известно, что ниспровергнуть Империял-ответвление невозможно!

— В другой раз, — сказал Барон. — Продолжай, Питер!

— Руками Уйе, — продолжал Питер, — мы подбросили Хава-ту интересные подозрения. Самым смелым было то, что мы осмелились рекомендовать его вниманию ее.

— Ее? — переспросил Фейд.

— Саму леди Джессику, — сказал Барон.

— Ну, не грациозно ли? — спросил Питер. — Хават кинулся навстречу этой возможности, поскольку она могла сильно упрочить его положение ментата. Он мог бы даже попытаться устранить ее физически.

Питер нахмурился.

— Но я не думаю, что он смог завершить это дело до конца.

— Это ты бы не хотел этого, — сказал Барон.

— Не отвлекайте меня, — сказал Питер. — Пока Хават будет заниматься леди Джессикой, мы еще больше отвлечем его внимание восстанием нескольких гарнизонов в городах. Они, конечно, будут подавлены и Герцог должен поверить, что достиг необходимой безопасности. Потом, когда наступит момент мы дадим сигнал доктору и выступим сами...

— Давай, расскажи ему об этом, — сказал Барон.

— Мы двинемся, подкрепленные силой еще двух ментатов Сардукаров, переодетых в нашу форму.

— Сардукаров! — выдохнул Фейд. Он знал об этих ужасных имперских войсках — немилосердных убийцах.

— Видишь, как я тебе доверяю, Фейд, — сказал Барон. — Даже намек на это обстоятельство не должен достичь другого великого Дома, иначе Ландерсаад мог бы выступить, объединившись против Имперского Дома, и начался бы хаос.

— Главное вот в чем, — сказал Питер. — Поскольку Дом Харконненов используется для того, чтобы выполнять черную работу для Империи, мы все же будем в преимуществе, и, если умело использовать его, оно может принести огромное богатство и власть, которой никогда не будет у другого дома Империи.

— Ты, Фейд, понятия не имеешь, что поставлено на карту. У тебя не хватит воображения представить эту величину, начиная с того, что мы будем иметь постоянное представительство в компании СНОАМ.

Фейд кивнул. Богатство — это, конечно, вещь, тем более, что пути к нему идут через эту компанию. Ведь каждый благородный Дом черпает из ее казны, когда это возможно — все зависит от власти представителей правления директоров. А совет представляет собой образец политической власти в Империи, превосходящую установленную официальным путем выборов Ландерсаа-

да; который в свою очередь уравнивает влияние императора и тех, кто его поддерживает.

— Герцог Лето, — продолжал Питер, — может попытаться бежать к Свободным на краю пустыни. К ним же может и отослать семьи. Но все пути блокированы агентами Его Величества. Один из них, Кайнз, может помнит его?

— Фейд его помнит, — сказал Барон. — Продолжай.

— Не слишком-то вы любезны, Барон.

— Продолжай! Я приказываю! — крикнул Барон.

Питер пожал плечами.

— Если дело пойдет так, как планируется, то Дом Харконне-нов будет иметь поместья на Арраки в течение стандартного года. Ваш дядя получит разрешения на эти поместья. Его личный агент будет править там.

— Больше доходов, — сказал Фейд.

— Конечно, — согласился Барон.

— И Великие Дома будут знать, что только Барон смог уничтожить Атридесов, — добавил Питер.

— Да, они будут это знать, — выдохнул Барон.

— Самое интересное, что все это знает и Герцог, — сказал Питер. — Он и сейчас чувствует ловушку.

— Это правда, — сказал Барон и в его голосе послышались неожиданные нотки печали. И он ничего не может поделать. Даже жалко его.

Барон отошел от глобуса. И когда он вышел из тени, вся его фигура показалась во всем своем великолепии — огромная и чудовищно полная. И только ноги были слишком тонкими для такого тяжелого тела.

— Я голоден, — пробормотал Барон и, потирая огромные губы рукой, посмотрел на Фейда маленькими глазками над большими мешками. — Пойдем поедим перед дорогой.

* * *

*«Это сказала А. Алия-найф:
«Преподобная Мать должна
сочетать соблазнительные хит-
рости куртизанки с нетрону-
той величием богини, держа эти ча-
сти в равновесии так долго,
насколько позволяет ее юность.
А когда молодость и красота
исчезают, место равновесия
занимают коварство и наход-
чивость».*

*«Муад Диб», семейные коммен-
тари принцессы Ирулен.*

— Ну, Джессика, что ты теперь скажешь? — спросила Преподобная Мать.

Это происходило в Кастель Келадане в день тяжелого испытания Пола. Обе женщины находились в комнате Джессики одни, а Пол был в соседней.

Джессика стояла у окон, выходящих на юг, глядя в путаницу красок заката над рекой. Она расслышала вопрос и все еще не могла решить, как ей себя вести.

Она вспомнила про это испытание и прошептала:

— Бедный Пол...

— Я задала тебе вопрос! — голос старухи был раздраженным и настойчивым.

— Что? О!.. — Джессика оторвалась от прошлого и повернулась к старухе, сидящей у стены между двумя окнами, выходящими на восток. — Что же вы хотите, чтобы я сказала?

— Что я хочу? Я хочу, чтобы заговорила ты, — и в голосе старухи звучала тяжелая издевка.

— Да, у меня сын, — вспыхнула Джессика, хотя и понимала, что ее намеренно вводят в состояние гнева.

— Тебе было велено рожать для Атридесов только дочерей!

— Это так много для него значило! — взмолилась Джессика.

— И ты со своей гордостью смогла произвести на свет Кви-зац Хадераха!

Джессика подняла голову.

— Я знала, что это необходимо.

— Ты думала, только о том, что твой Герцог желает сына! — рывкнула старуха. — А желания Герцога не рассчитывались. Дочь могла бы стать невестой наследника Харконненов. Ты безнадежно усложнила дело. Теперь мы можем потерять весь наш род.

— И вы безгрешны, — сказала Джессика.

Она храбро выдержала взгляд старухи. Та вдруг пробормотала.

— Что сделано, то сделано!

— Я поклялась никогда не менять свои решения, — подтвердила Джессика.

— Как благородно, — рывкнула старуха. — Никаких сожалений. Посмотрю, как ты будешь предлагать цену, когда рука каждого человека будет подниматься на тебя, чтобы вымолить свою жизнь и жизнь своего сына.

Джессика побледнела.

— И нет никакого выбора?

— Выбора? И это спрашивает ученица Бене Гессери?

— Я спрашиваю лишь о том, что видите в будущем вы, с вашими большими возможностями.

— Я вижу в будущем то, что видела и раньше. Ты хорошо знаешь состояние наших дел, Джессика. Это в нашей крови побуждения смешивать кровь безо всякого плана. Империя, компания СНОАМ, все Великие Дома — все они лишь частицы, выброшенные на поверхность бурным потоком.

— СНОАМ, — прошептала Джессика. — Я думаю, что она уже решила, как поделить захваченное у Атридон.

— Что СНОАМ, когда даже погода в наше время похожа скорее на флюгер, — сказала старуха. — Император и его друзья требуют шестьдесят пять процентов от директорских прав компании. Конечно, и они почувствовали запах добычи. И чем она крупнее, тем больше вождение. Это — составная часть истории, девочка.

— Это именно то, что мне сейчас нужно, — сказала Джессика. — Взгляд в историю.

— Не надо шутить! Ты не хуже меня знаешь, какие силы нас окружают.

Джессика с горечью проговорила:

— А мы как щенки в потоке!

— Ох! Заткнись, девочка! На эту дорогу ты вступила сама. И я знаю, что тебя ожидает;

— «Я — Бене Гессери. Я существую только для того, чтобы наблюдать», — процитировала Джессика.

— Правильно! — сказала старуха. — И все, на что мы теперь можем надеяться — это спасти то, что можно, — основу для продолжения рода.

Джессика закрыла глаза, чувствуя, как слезы жгут ее веки. Наконец она сказала:

— Я заплачу за свои ошибки.

— А твой сын тоже будет платить за твои ошибки?

— Я постараюсь защитить его!

— Защитить! — фыркнула старуха. — Ты же хорошо знаешь, в чем гнездится слабость! Защищая его, лишишь его сил, чтобы выполнить свое предназначение.

Джессика отвернулась и посмотрела в окно.

Старуха поднялась, поправив платье.

— Позови мальчика. Мне пора уходить. — Потом голос старухи смягчился: — Джессика, девочка, я бы хотела остаться и помочь вам, но каждый должен идти своим путем.

— Я знаю.

— Ты дорога мне, как любая из моих дочерей, но я не могу мешать чувства с долгом.

— Я понимаю... необходимость.

— То, что ты сделала и почему ты это сделала — мы знаем обе. Но моя доброта заставляет сказать тебе, что у вас только один шанс из тысячи, что твой мальчуган будет Вершиной Бене-Гессери. Но не позволяй себе питать слишком сильную надежду.

Джессика смахнула слезы с уголков глаз. Жест был сердитый.

— Вы снова заставили меня считать себя маленькой девочкой, отвечающей первый урок. Люди не должны уподобляться животным. И я была так одинока.

— Это следовало бы сделать одним из испытаний, — сказала старуха. — Люди почти всегда одиноки. А теперь зови Пола, у него было время подумать. Я еще должна задать ему несколько вопросов.

Джессика кивнула и пошла к двери, затем открыла ее:

— Пол, войди к нам, пожалуйста.

Пол вошел с упрямой медлительностью. Он посмотрел на мать так, как будто она была ему чужой. Когда он посмотрел

на Преподобную Мать, его глаза стали настороженными. И снова он приветствовал ее как равный равную.

— Молодой человек, — сказала старуха, — давайте вернемся к вопросу о мечтах.

— Что вы от меня хотите? Не все сны стоят того, чтобы о них помнить, правда, могу вспомнить любой.

— И как ты узнаешь эту разницу?

— Просто знаю.

Старуха посмотрела на Джессику, потом опять на Пола.

— О чем ты грезил прошлой ночью? Достоин ли тот сон воспоминаний?

— Да.

Пол прикрыл глаза...

— Я грезил о пожаре... вода... и девушка в ней... очень худенькая, с огромными глазами. Ее глаза были ярко голубого цвета. Я разговаривал с нею и рассказал ей о вас.

Пол открыл глаза.

— И то, что ты рассказал странной девушке, произошло сегодня?

Пол подумал и сказал:

— Да. Я рассказал ей о том, что пришли вы и поставили мне на руки клеймо странности.

— Клеймо странности, — выдохнула старуха и посмотрела на Джессику, привлекая ее внимание к Полу.

— Скажи мне правду, Пол, ты часто видишь во сне то, что потом происходит наяву?

— Да. Я часто видел эту девушку раньше.

— Да? Ты ее знаешь?

— Я ее узнаю.

— Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

— Мы — в маленьком местечке среди скал, где можно укрыться. Почти ночь, но жара и сквозь щели скал я могу видеть дорожки песка. Мы... что-то ждем... я должен встретиться с какими-то людьми. И она боится, но пытается скрыть это от меня. Я не волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о воде твоего родного мира, Узул».

Пол открыл глаза.

— Ну, не странно ли? Мой родной мир Келадан. Я никогда не слышал о планете Узул.

— Было в этом сне еще что-нибудь? — спросила Джессика.

— Да. Но может быть она меня назвала этим именем, — сказал Пол. Мне это только что пришло в голову. — Он снова закрыл глаза. Она просила рассказать ей о воде. Я беру ее за руку и говорю, что прочту ей стихи. Я читаю ей стихи, но многие слова ей приходится объяснять.

Старуха посмотрела на Пола и сказала:

— Молодой человек, как Проктор Бене Гессери, я вижу перед собой Квизац Хадераха, мужчину, который станет одним из нас. Твоя мать тоже видела такую возможность, но она смотрела глазами матери.

Старуха замолчала и Пол заметил, что она хочет, чтобы он заговорил первым, но он стоял молча. Наконец она сказала:

— Кем станешь, покажет будущее. В тебе есть что-то, это я допускаю.

— Теперь мне можно уйти?

— Разве тебе не хочется узнать, что такое Квизац Хадерах? — спросила Джессика.

— Мне ведь сказали, что тот, кто пытался это узнать, умирал.

— Я могу тебе намекнуть, почему их попытки не удались, — сказала Преподобная Мать.

— Она говорит о намеках, значит сама ничего не знает, — подумал Пол.

— Тогда объясните.

— Он что, командует мною? — старуха улыбнулась и лицо ее еще больше покрылось морщинами. — Ну что ж, это хорошо.

Пол чувствовал удивление, ведь старуха говорила об элементарных вещах. Неужели она думает, что его мать вообще его ничему не научила?

— Это и есть намек?

— Мы здесь не для того, чтобы играть словами, — сказала старуха. — Ива сгибается под ветром, не разрастается, пока не станет стеной на его пути. В этом ее цель.

Пол пристально глядел на нее. Она сказала «цель» и он почувствовал, как это слово словно ударило по нему. Он ощутил вдруг приступ ужасной злобы: глупая старуха, набитая пошлостью.

— Вы думаете, что я смогу стать этим Квизац Хадерахом, — сказал он. — Вы сказали об этом, но не сказали ничего, как я могу помочь своему отцу. Я слышал весь ваш разговор с моей матерью. Вы говорили так, как будто мой отец уже мертв. Но это не так.

— Если бы мы могли что-либо сделать для твоего отца, то мы бы уже давно это сделали, — проворчала старуха. — Может, мы еще успеем спасти тебя, это все еще очень сомнительно, но возможно. Но для твоего отца мы уже не можем ничего сделать. Когда ты поймешь это и примешь за непреложную истину, ты усвоишь урок настоящего Бена Гессери.

Пол видел, как потрясли эти слова его мать. Он во все глаза смотрел на старуху. Как она могла сказать такое об его отце? Что заставляет ее так думать? В нем все кипело от негодования.

Преподобная Мать посмотрела на Джессику.

— Ты обучила его согласно Пути — я вижу все признаки этого. На твоём месте я сделала бы то же самое, и пусть дьявол приберет все правила.

Джессика кивнула.

— Теперь я предупреждаю тебя, — сказала старуха, — пренебрегая обычными правилами обучения. Внутренний голос подскажет ему свой путь его безопасности. Сделано хорошее начало, но мы не знаем, сколько всего ему понадобится... и что приводит в отчаяние.

Старуха подошла вплотную к Полу и посмотрела на него сверху вниз.

— Прощай, молодой человек. Надеюсь тебе повезет. А если нет — что ж, мы ещё можем добиться успеха своими силами.

Она снова посмотрела на Джессику. Между ними мелькнула искра понимания. Потом она, не оглядываясь, вышла из комнаты, шелестя юбкой. И комната, и все, кто в ней находился, уже улетучились из её мыслей. Но Джессика успела заметить на её морщинистых щеках слезы. Эти слезы высказали большее отсутствие решимости, чем любые слова и поступки в этот напряжённый день.

* * *

«Вы уже читали, что Муад Диб не имел друзей своего возраста на Келадаме. Опасность была слишком велика. Но у него были прекрасные друзья-учителя. Одним из них был Гурни Хэллек, трубадур-воин. Вы будете петь некоторые из песен Гурни после окончания чтения. Другим был Зуфир Хават, старый ментат — мастер убийств, — который внушал страх даже падишаху — императору. А также Дункан Айдахо, мастер фехтования Гайнеза, доктор Веллингтон Уйе, озаренный светом зрения, но ставший предателем, леди Джессика, которая направила своего сына по Пути Бене Гессери, и, конечно, герцог Лето, чьи отцовские чувства были до того открыты».

«Детство Муад Диб» принцессы Ирулен.

Зуфир Хават проскользнул в классную Капель Келадана и молча запер за собой дверь. Он постоял несколько мгновений, чувствуя себя усталым и старым. Его нога ныла в том месте, где когда-то была рана, полученная на службе еще старого Герцога.

«Уже третьему поколению служу», — подумал он.

Он оглядел комнату, залитую лунным светом, и заметил мальчика, сидевшего у двери над разложенными перед ним бумагами и картами.

Сколько раз я должен говорить ему не сидеть спиной к двери. Хават прочистил горло.

Пол остался сидеть в прежней позе. Хават снова кашлянул. На луну набежало облако и свет в комнате потускнел. Пол выпрямился и, не оглядываясь, сказал.

— Я знаю, я сижу спиной к двери.

Хават выдавил на лице улыбку и прошел через комнату. Пол поднял голову и посмотрел на старика, остановившегося около стола. Глаза Хавата были полны тревоги, они, казалось, так и излучали с темного, изрезанного морщинами лица.

— Я слышал как вы шли по дому и как открыли дверь.

— Но ведь к вам может зайти любой?

— Я могу еще отличить вас от любого.

Может быть, подумал Хават. Это его служанка-мать, конечно, многому его научила. Хотел бы я знать, что подумали бы об этом в ее драгоценной школе? Может быть, поэтому сюда и прислали старуху-Проктора — наставить нашу дорогую леди Джес-сику на путь истинный.

Хават поставил стул напротив Пола и сел лицом к двери. Откинувшись на спинку, он изучал комнату. Внезапно она показалась ему незнакомой, видимо потому, что вещи были уже на Арраки, остались только стул и зеркало, возле которого висела вся изрезанная мишень, похожая на лицо старого солдата, побывавшего во многих сражениях. И я, видимо, такой, подумал Хават.

— Зуфир, о чем ты думаешь? — спросил Пол.

Хават посмотрел на мальчика.

— Это тебя печалит?

— Печалит? Чепуха! Печально расставаться с друзьями. — Он посмотрел на карты. — И Арраки всего лишь одна из планет. Мой отец послал тебя навестить меня?

Хават нахмурился: мальчик слишком хорошо меня понимает, подумал он. Он кивнул головой.

— Ты думаешь, что было бы лучше, если бы он пришел сам? Но ты же знаешь, как он занят. Он придет попозже.

— Я изучал бури на Арраки.

— Бури? Понятно.

— Похоже на то, что они там страшные. Это слишком сильно сказано. Но эти бури распространяются на территорию в шесть тысяч километров и разрушают все на своем пути. Скорость достигает семисот километров в час. Почему там не возьмут погоду под контроль?

— У Арраки свои проблемы, стоящие слишком дорого. А Со-

юз требует слишком много за этот контроль. Дом твоего отца не слишком богат, и ты это знаешь.

— Ты когда-нибудь видел Свободного человека?

Умен мальчишка, подумал Хават.

— Видел и не видел, — сказал он. — Об этом народе много не скажешь. Они носят широкие накидки. И в любом закрытом месте можно почувствовать как от них воняет.

Пол глотнул, внезапно осознав важность этого сообщения. Костюмы специально предназначались, чтобы удерживать воду. Видимо, там приходилось перегонять собственные выделения, чтобы не мучиться от жажды.

— Вода там драгоценность, — сказал он.

Хават кивнул, думая о том, что ехать на эту планету надо подготовившись.

После этого Пол посмотрел на небо и увидел, что начинается дождь.

— Вода, — сказал он.

— Ты еще много узнаешь о ней, — сказал Хават. — Как сын Герцога ты не будешь испытывать в ней нужду, но вокруг...

Пол вспомнил слова Преподобной Матери: «Ты узнаешь о погребенных надеждах, о безумии пустыни. Тебе придется носить очки от солнца и не будет у тебя ничего для передвижения кроме собственных ног. Живя на Арраки — луна твой друг, а солнце враг».

И только сейчас, здесь, неделю спустя после встречи с Преподобной Матерью, Пол почувствовал страх. Он посмотрел на озадаченное и хмурое лицо Хавата. Он спросил его:

— Ты встречался с Преподобной Матерью?

В глазах Хавата появился интерес.

— Да, я с ней встречался.

— Она... — Пол заколебался.

— Да? Что она?

— Она сказала одну вещь, — Пол закрыл глаза и начал говорить, невольно повторяя чужие интонации: — Ты, Пол Атридес, сын Герцога, должен знать твердо одно: это нечто — что знали твои предки. — Пол открыл глаза и сказал: — Эти слова так рассердили меня, что я сказал, что мой отец правит целой планетой. Но она возразила, что он ее теряет. А когда я сказал, что мой отец взамен получит еще более богатую планету, она сказала, что он и ее потеряет, и что об этом знают все.

— Это верно, — пробормотал Хават.

— Тогда почему мы переселяемся?

— Потому, что это приказ Императора. Что еще изрекла эта кладезь мудрости? Эта шпионка?

Пол посмотрел на свою руку. «Она наложила на меня отпечаток власти», — подумал он.

— Она еще спросила, что значит понятие «править»? И я сказал, что это значит приказывать. Она на это сказала, что мне придется отказаться приказывать.

Здесь она попала в точку, подумав Хават, и кивнул Полу, чтобы тот продолжал.

— Она сказала, что надо действовать только убеждением, а не приказом. Она сказала, что к себе надо привлекать лучших людей.

— Она тебе не говорила, как твой отец привлек к себе таких, как Дункан и Гурни?

Пол пожал плечами.

— Потом она сказала, что хороший правитель должен знать все языки своих подданных. Зуфир? — спросил Пол, — будет ли Арраки такой плохой, как она мне описала?

— Ничто не может быть слишком плохим. Возьми, например, этих изменников—Свободных. Могу только сказать тебе, что наши данные говорят, что их там немало, гораздо больше, чем считают. И они ненавидят Харконненов всем сердцем, не пропускай это мимо ушей, мой мальчик.

— Мой отец говорил мне о Салузе II, — сказал Пол. — Знаешь, Зуфир, это похоже на Арраку... возможно не так, но похоже.

— Мы о ней знаем мало, — сказал Хават.

— Свободные нам помогут?

— Возможно, — Хават встал. — Сегодня я улетаю на Арраку. А ты пока позаботься о себе сам, хотя бы ради меня, старика, который тебя так любит, ладно? И сиди только лицом к дверям. Не то, чтобы я считаю, что в этом замке существует опасность для тебя, просто у тебя должна появиться такая привычка.

— Значит, ты сегодня улетаешь?

— Да, а ты последуешь за мной завтра. Следующая встреча на земле нового мира. Держись всегда начеку и ты полностью будешь в безопасности. — Он потрепал Пола по плечу и пошел к двери.

— Зуфир!

Хават оглянулся.

— Не сиди спиной к двери, — сказал Пол.

Усмешка скользнула по лицу старика.

Пол пересел на место Хавата.

Дверь напротив распахнулась и в нее вошел неуверенной походкой полный человек, вооруженный до зубов.

— Итак, Гурни Хэллек, — сказал Пол. — Теперь ты оружейный мастер?

Хэллек захлопнул дверь ногой.

— А ты предпочел бы, чтобы я еще играл с тобой?

Он оглядел комнату, подмечая, что люди Хавата поработали здесь. Пол наблюдал за ним. Круглый, как шар, человек сует-

ливо устраивался на стуле. Хэллек положил на стол свое оружие. Тут была и его рапира, кинжал и защитные ленты.

— Так для меня нет даже «доброго утра», — спросил он. — Какую колючку ты всадил в Хавата? Он промчался мимо меня как будто спешил на похороны своего старого врага.

Пол улыбнулся. Он больше всего любил этого толстяка, проказливый характер которого и его юмор не раз вызывали у него усмешку. Хэллек снял с плеча музыкальный инструмент и принялся что-то наигрывать на нем.

— Если бы не нужно было поговорить... — пропел он.

Пол встал и прошелся по комнате.

— Ну, Гурни, ты что, пришел заниматься со мной музыкой? А ведь пришло время подраться.

— Нет, нашим приятным дням пришел конец, — сказал Хэллек.

— А где Дункан Айдахо? — спросил Пол. — Разве он не собирается обучать меня сегодня обращению с оружием?

— Дункан со вторым отрядом направляется на Арраку. Все что у тебя осталось, так это я.

— Может, ты тогда споешь мне балладу? Я хочу знать, как же надо это делать.

Гурни рассмеялся и начал петь.

— Неплохо для тебя, — сказал Пол. — Но если бы моя мать тебя слушала, она приказала бы прибить твои уши для украшения замка.

Гурни подергал себя за уши.

— Неважное украшение.

Пол взял со стола защитный пояс и надел его.

— Защищайся!

Глаза Хэллека сделались круглыми от насмешливого удивления.

— Как? И твоя нечестивая рука поднялась на меня? Берегись, юный отрок.

Хэллек взял рапиру и взмахнул ею в воздухе.

— Я — дьявол, жаждущий крови!

Пол взял другую рапиру и встал в позицию, выставив ногу вперед.

— Ну и болвана же послал мне отец в учителя фехтования, — нараспев произнес Пол, нажимая кнопку защитного поля и чувствуя его действие.

Хэллек наблюдал за его действиями и, когда тупое лезвие направилось к нему, он пропустил его мимо груди.

— Превосходно, — сказал он, — но ты раскрылся для скользкого удара из-под руки.

Опечаленный Пол отступил.

— Следовало бы проучить тебя за такую неосторожность

Хэллек взял кинжал со стола.

— Вот с этой штуковиной не позволяй никому приближаться к тебе на расстояние вытянутой руки. Ты ведь учен и способный, но даже в шутку не позволяй этого.

— Я сегодня не в настроении.

— Настроении? — голос Хэллека выдал его бешенство. — При чем тут настроение? Ведь ты будешь драться по необходимости и настроение здесь ни при чем. Настроение необходимо только для любви, для борьбы оно не годится.

— Извини, Гурни!

— Твоего извинения недостаточно.

Хэллек активизировал поле и повел стремительную атаку. Кинжал был угрожающе направлен вниз, рапира вверх. Прыжок в сторону, потом вперед не застал Поля врасплох, но, отражая атаку, Полу пришлось отступить. Он почувствовал, как затрещало его поле, когда соприкоснулись рапиры.

«Что это нашло на него? — подумал Пол. — Он ведь не притворяется». И Полу пришлось выхватить кинжал.

— Почувствовал в нем надобность? — усмехнулся Гурни.

— «Предательство, — подумал Пол. — Но только не Гурни».

Они продолжали драться. Выпады и парирование, нападение и защита. Воздух в защитных полях становился все более спертым, но с каждым контактом запах озона становился все более сильным. Пол продолжал отступать, но старался приблизиться к столу.

Пол отпарировал удар вниз, увидя рапиру Хэллека над краем стола. Отскочив в сторону, он выбросил вверх руку с рапирой, а кинжал послал к шее Хэллека, остановив лезвие в дюйме от яремной жилы.

— Ты этого хотел, Гурни?

— Посмотри вниз, мальчуган.

Пол заметил, что лезвие рапиры Хэллека находилось против его паха.

— Нам бы следовало продолжить, — сказал Хэллек. — Но, когда тебя прижало, ты сразу научился драться. И сразу появилось настроение. — И Гурни усмехнулся волчьей улыбкой, дрожь пробежала по его багровому шраму. — А как ты на меня бросился, словно действительно хотел моей крови. — Хэллек отбросил кинжал. — Если бы ты дрался ниже своих возможностей, то мне пришлось бы оставить тебе метку в виде хорошенького шрама. Я не хочу, чтобы мой любимый ученик пал от первого же проклятого Харкошнена.

Пол выключил поле и облокотился на угол стола, переводя дыхание.

— Я этого заслуживаю, Гурни. Но мой отец рассердился бы на тебя за это. А я не хочу, чтобы ты платил за мои ошибки.

— Наоборот, он наказал бы меня, если я не сделал бы из тебя первоклассного бойца.

Пол выпрямился и сунул кинжал в ножны.

— То, что мы здесь делали — не совсем игра, — сказал Хэллек.

Пол кивнул. Его удивляла несвойственная Хэллеку серьезность и напряженность. Он посмотрел на извивающийся шрам под его подбородком, вспомнил историю о том, каким образом он был оставлен скотиной Рабаном, одним из приближенных Харконнена. И Полу вдруг стало стыдно за то, что он мог хоть на мгновение усомниться в Хэллеке. Потом он подумал, что, получая этот шрам, Хэллек чувствовал боль — боль, возможно, не такую сильную, какая была внушена ему Преподобной Матерью. Он отбросил эти мысли.

— Думаю, сегодня я питал надежду на игру, — сказал Пол. — В последнее время все делалось чересчур серьезным.

Хэллек отвернулся, скрывая свои чувства. Что-то жгло ему глаза. Боль жила в нем от потерянного вчера, унесенного от него времени.

Как быстро придется возмужать этому мальчику, подумал Хэллек. Как быстро придется ему научиться читать в своем сознании то, что являет собой жестокую необходимость.

Не оглядываясь, Хэллек проговорил:

— Я чувствовал в тебе игру, мальчуган, и мне ничего так не хотелось, как пойти ей навстречу. Но играм пришел конец. Завтра мы уезжаем на Арраку. Арраки — реальность. Харконнена — реальность.

Пол коснулся своего лба лезвием рапиры, которую он держал вертикально. Хэллек повернулся, увидел салют, кивком дал знать, что понял жест. Он указал на чучело.

— Давай теперь отработаем время. Покажи-ка мне, как ты справляешься с этой штукой. Я буду наблюдать отсюда: так мне лучше видно. Я предупреждаю тебя, я испытаю на тебе еще один вид нападения. От врага ты подобного предупреждения не получил бы.

Пол встал на носки и потянулся, расслабляя мускулы. Мысль о том, что стныне его жизни будет наполнена постоянными изменениями, нагнала на него тоску. Он подошел к чучелу, нажал на кнопку у него на груди и почувствовал, как защитное поле оттолкнуло клинок.

— Внимание! — крикнул Хэллек и чучело начало атаку.

Пол активизировал свое поле и принялся отражать удары и наносить ответные.

Хэллек наблюдал за его движениями. Его сознание, казалось, раздвоилось: одна его часть с непрерывным вниманием следила за борьбой, другая вигала далеко от нее.

— Я — хорошо тренированное плодовое дерево, — думал он. — Поле отточенных чувств и возможностей, и все они нестерпимо требуют своей пересадки в других.

Он почему-то ясно вспомнил юное лицо своей младшей сестры. Теперь ее не было в живых — она умерла в доме развлечений для отрядов Харконнена. Она любила цветы, но какие, он не помнил. Его беспокоило, что он не мог вспомнить.

«Умный дьяволенок, — подумал Хэллек, сосредоточившись теперь только на движениях руки Пола. — Он практикуется и учится по своему собственному методу. Это не стиль Дункана и уж, конечно, не то, чему учил его я. Эта мысль лишь ввергла Хэллека в еще более глубокую печаль. Я поддался настроению», — подумал он. И он принялся размышлять о том, испытывает ли мальчик по ночам страх, навеянный ему его мыслями.

— Если бы желания были рыбами; мы все бы забрасывали сети, — пробормотал он. Это было выражение его матери, он всегда прибегал к нему, когда чувствовал, как сгущается над ним чернота завтрашнего дня. Потом он подумал о том, какой странный вид должен быть у планеты, никогда не знавшей морей и рыб.

* * *

Уйе Беллингтон, Стард II 032—10.191, доктор медицины Сак Скул 10,13. Ванна Маркус, 10. 092—10, известен главным образом предательством Герцога Лето Атридеса (смотри библиографию, раздел VII — условия Империи и предательства).

Из словаря «Муад Диб» принцессы Ирулен.

Хотя он и услышал, как доктор Уйе вошел в учебную комнату, отметив нарочитую небрежность его шагов, Пол продолжал лежать на учебном столе, как его оставила массажистка. Он с удовольствием отдыхал после работы, которую задал ему Гурни Хэллек.

— Как ты удобно устроился, — сказал ему Уйе своим спокойным, высоким голосом.

Пол поднял голову, увидел в нескольких шагах от себя высокую фигуру человека, поймал взглядом его черную в складках одежду, квадратной формы голову с пурпурными губами и отвислыми усами, с бриллиантовой татуировкой на лбу, длинными черными волосами, перехваченными над левым плечом серебряным кольцом Сак Скул.

— Ты будешь рад услышать, что сегодня у нас нет времени для обычного урока, — сказал Уйе. — Скоро придет твой отец.

Пол сел.

— Тем не менее, я устроил так, что на пути к Арраке ты можешь просмотреть фильм-книгу и несколько уроков.

— О...

Пол принялся натягивать на себя одежду. Он был в востор-

ге от предстоящего посещения отца. Они провели вместе не так много времени с тех пор, как Император приказал принять им поместье на Арраки.

Уйе подошел к столу, думая: «Как развился мальчик за эти несколько месяцев. Какая потеря! О, какая печальная потеря!» И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. Что сделано, то сделано. И все ради того, чтобы Ванна не подвергалась больше обидам со стороны Харконненов».

Пол подошел к нему, застегивая пуговицы своей куртки.

— Что я буду изучать в пути?

— А... Наземные формы жизни Арраки. Планета, кажется, открыла свои объятия нескольким жизненным формам. Теперь это ясно. Я должен отыскать планетного эколога, когда мы прибудем, доктора Кайнза... и предложить ему свою помощь в изучении.

И Уйе подумал: «Что я говорю? Я лицемер даже перед собой!»

— А там будет что-нибудь о Свободных? — спросил Пол.

— О Свободных? — Уйе стиснул пальцами край стола и, увидев, что Пол заметил его нервный жест, отдернул руку.

— Может быть, у тебя есть что-нибудь обо всем этом населении Арраки, — сказал Пол.

— Конечно, Пол, — ответил Уйе. — Люди делятся на две основные группы: одна группа — Свободные, другая — грабены, синки и паны. Мне говорили, что они женятся и выходят замуж не только внутри одного племени. Женщины из деревень синков и панов предпочитают мужей из Свободных, их мужчины предпочитают жен из Свободных. У них есть поговорка: изысканность приходит из города, мудрость — из пустыни.

— У тебя есть их фотографии?

— Я посмотрю, что можно для тебя достать. Самой интересной чертой у них являются, конечно, глаза — совершенно синие, без белка.

— Мутация?

— Нет. Это связано с насыщением крови меланжем.

— Свободные должны быть очень храбрыми, если они живут на краю пустыни.

— По общим отзывам — да, — сказал Уйе. — Они слагают стихи о своих ножах. Женщины у них такие же свирепые, как и мужчины. Даже дети Свободных жестоки и опасны. Тебе, я думаю, не позволят с ними играть.

Пол посмотрел на Уйе. Его чрезвычайно заинтересовали замечания о силе Свободных. Вот люди, которые смогли бы победить!

— А черви? — спросил Пол.

— Что?

— Я бы хотел побольше узнать о песчаных червях.

— А... конечно. У меня есть фильмотека очень малого объема — только десять метров в длину и два метра в диаметре. Она была сделана на северной широте. Свидетели, на которых можно было положиться, сообщали о червях более четырех метров в длину и есть причины полагать, что есть и еще более крупные особи.

Пол перевел взгляд вниз, на коническую проекционную карту северных арраконских широт, расположенную на столе.

— Пояс пустынь и района южного полюса отмечены как не обитаемые. Это из-за червей?

— Из-за штормов.

— Но любое место можно сделать обитаемым.

— Если это экономически возможно, — сказал Уйе. — На Арраке много дорогого жемчуга. — Он погладил свои свисающие усы. — Скоро сюда придет твой отец. Прежде, чем я уйду, я хочу кое-что подарить тебе. Я набрал на этот предмет, занимаясь укладкой вещей. — Он положил предмет на стол. Он был черный, продолговатый, не больше подушечки большого пальца.

Пол посмотрел на него. Уйе отметил, что мальчик не тронул его, и подумал, что он очень осторожен.

— Это очень старая «Оранжевая металлическая библия», сделанная для космических путешествий. Она имеет свою собственную лупу и электростатическую вертящуюся схему. — Он взял ее в руки, демонстрируя. — Книга находится в закрытом состоянии под действием электрических зарядов, которые действуют на пружинный замок футляра. Ты нажимаешь на край — вот так — и страницы, которые ты выбрал, отталкиваются друг от друга и книга открывается.

— Она такая маленькая.

— Однако в ней восемьсот страниц. Ты нажимаешь на край... и заряды будут двигать страницы по мере того, как ты будешь их читать. Никогда не касайся страниц пальцами. Ткань, из которой они сделаны, слишком нежна. — Он закрыл книгу и протянул ее Полу. — Попробуй.

Уйе наблюдал за тем, как Пол трудился над приспособлением, от которого зависело движение страниц, и думал: «Я дал ему источник религии прежде, чем его предать. Это для того, чтобы я мог сказать себе, что он ушел туда, куда я уйти не смогу».

— Это должно быть сделано до того, как были созданы фильмокниги, — сказал Пол.

— Она весьма старая. Пусть это будет нашей тайной, хорошо? Твои родители могут решить, что подобная вещь слишком ценна для такого мальчика. — и Уйе подумал: «Его мать, конечно, задумалась бы над тем, что мной движет».

— Хорошо... — Пол закрыл книгу, продолжая держать ее в руке. — Она такая ценная.

— Доставь удовольствие старику, — сказал Уйе, — она была подарена мне, когда я был совсем юным. — И он подумал: «Я должен, должен поймать его ум, так же, как и его алчность» — Открой на čtyреста шестьдесят седьмой странице, где сказано: «Вся жизнь начинается с воды». На кромке есть маленькая зазубрина, с помощью которой можно отмечать нужные места.

Пол нащупал рамку и нашел две зазубрины: одна сидела несколько глубже, чем другая. Он нажал на последнюю и книга открылась на его ладони, и ее увеличитель скользнул на место.

— Прочти его вслух, — сказал Уйе.

Пол облизал губы языком и прочел:

— Подумай о том, чего не может слышать глухой. Что же это за глухота, которой мы все не могли бы обладать? Каких чувств мы лишены, если не можем видеть и слышать окружающий нас другой мир? Что такое есть вокруг нас, если мы не можем...

— Хватит! — крикнул Уйе.

Уйе закрыл глаза, пытаясь вернуть себе самообладание. «Что же явилось причиной того, что книга открылась на любимом месте Ванны?» Он открыл глаза и увидел, что Пол продолжает пристально смотреть на него.

— Прости меня, — сказал Уйе. — Это было любимое место моей умершей жены. Я совсем не это собирался от тебя услышать. Она оживило во мне воспоминания, которые... причиняют боль.

— Там две отметки, — сказал Пол.

Конечно, подумал Уйе, Ванна сделала свою отметку. Его пальцы более чувствительные, чем мои, и они нашли ее отметку. Это был случай, не более.

— Ты можешь найти эту книгу интересной, — сказал Уйе. — В ней много правдивых историй, таких же хороших, как добрая этическая философия.

Пол посмотрел на крошечную книжечку на своей руке — такая малюсенькая вещица. Да, она хранит в себе тайну.. нечто случится, пока он будет ее читать. Он почувствовал, как в нем опять шевельнулось предчувствие его ужасной цели.

— Твой отец может быть здесь каждую минуту, — сказал Уйе. — Почитаешь ее на досуге.

Пол тронул край книги, как ему показал Уйе. Она сама закрылась. Он сунул ее в свою тунику. Когда Уйе закричал на него, Пол на какое-то мгновение испугался, что тот заберет ее.

— Благодарю тебя, доктор Уйе, за подарок, — сказал Пол, как того требовал этикет. — Это будет наша тайна. Если ты хо-

чешь от меня какого-нибудь подарка, если я могу что-то для тебя сделать, говори без колебаний.

— Мне... ничего не нужно, — сказал Уйе.

И он подумал: «Зачем я стою здесь и мучаюсь? И мучаю этого бедного мальчика... хотя он этого и не знает. О, черт бы побрал этих зверей Харконненов! Почему они избрали для сьоей мерзкой цели именно меня?»

* * *

«Как нам приступить к изучению отца Муад Дибба? Герцог Лето Атридес был человеком скрытой доброты и скрытой холодности. Да, многое открывает путь к Герцогу: преданная любовь к его леди Бене Гессери, мечты насчет своего сына, преданность, с которой служили ему люди. Вы ясно видите человека, пренебрегшего Судьбой, одинокую фигуру, чей свет тускло мерцает за ярким пламенем славы его сына. И все же можно спросить себя: что такое его сын, если не ветвь от отцовского побега?»

*«Из Муад Дибба», замечания
принцессы Ирулен.*

Пол наблюдал за тем, как его отец входит, заметил охрану, занявшую посты у двери.

Герцог был высоким, с оливковой кожей. На его тонком лице теплыми были только серые глаза. На нем была черная форма с красными геральдическими ястребиными клювами на груди. Его тонкую талию опоясывал серебряный защитный пояс, почерневший от долгого пользования. Он спросил:

— Тяжело работать, сын?

Он подошел к столу, посмотрел на разложенные на нем бумаги, обвел взглядом комнату и снова посмотрел на Пола. Он чувствовал себя усталым и наполненным болью, но не показы-

вал этого. «Я должен использовать любую возможность и отдохнуть во время перелета на Арраки», — подумал он. Там отдыха уже не будет.

— Не слишком тяжело, — ответил Пол. — Все так... — Он пожал плечами.

— Да. Итак, мы завтра улетаем. Я буду рад, когда мы устроимся в нашем новом доме и все неприятности останутся позади.

Пол кивнул, внезапно вспомнив слова Преподобной Матери: «Для твоего отца... ничего».

— Отец, — сказал Пол, — неужели Арраки так опасна, как о ней говорят?

Герцог вынудил себя к обычному жесту и, улыбаясь, присел на край стола. Целые фразы пронеслись в его мыслях — те слова, которыми он мог бы рассеять хандру в своих людях накануне битвы. Но все эти фразы стерлись прежде, чем он смог их произнести, подавленные одной единственной мыслью: «Это мой сын».

— Она будет опасна, — согласился он.

— Хават говорит, что у нас есть план насчет Свободных, — сказал Пол. И он удивился про себя «Почему я не говорю ему о том, что сказала старуха? Как ей удалось заставить меня замолчать?»

Герцог увидел уныние своего сына и сказал:

— Хават, как всегда, видит главную возможность. Но есть и много других. Я вижу еще одну в СНОАМе. Отдавая мне Арраки, Его Величество вынужден отдать нам директорство в СНОАМе. Это трудное звено.

— СНОАМ контролирует пространство, — сказал Пол.

— И Арраки с его пространством — наша дорога в СНОАМ, — сказал Герцог.

— Преподобная Мать предупреждала тебя? — выпалил вдруг Пол. Он сжал пальцы в кулаки и почувствовал, как его ладони сделались влажными от пота. Чтобы задать этот вопрос, ему пришлось сделать огромное усилие.

— Хават сказал мне, что она напугала тебя своими предостережениями об Арраки, — сказал Герцог. — Не позволяй страхам воздействовать на свой ум. Ни одна женщина не захочет, чтобы ее любовь подвергалась опасности. За этими предупреждениями видна рука твоей матери. Прими это как знак ее любви к нам.

— Она же знает о Свободных?

— Да, и о многом другом.

— О чем?

Герцог подумал: «Правда может быть хуже собственных представлений, но даже опасные факты ценны, если ты, в силу своего обучения, умеешь с ними обращаться. Это как раз то, че-

му мой сын должен научиться во что бы то ни стало — умению обращаться с опасными фактами. Он выучится, он ведь так юн».

— Кое-что избежало хватки СНОАМа, — сказал Герцог. — Лес, ослы, лошади, китовый ус — самое прозаическое и самое экзотическое. Даже наш бедный рис панди с Келадана. Все, что перенесет Союз, создает ловкость Иказа. Но все тускнеет перед меланжем. За пригоршню спайса можно купить дом на Тупиле. Он не может быть произведен, он может быть добыт на Арраки. Он — уникален и имеет истинные гериатрические свойства.

— И теперь он будет под нашим контролем?

— До определенного предела. Необходимо считаться со всеми Домами, которые зависят от прибылей СНОАМа. И подумай о том, насколько размеры этих прибылей зависят от спайса — простого продукта. Представь себе, что бы случилось, если бы нечто понизило его добычу.

— Тот, у кого оказались бы запасы меланжа, стал бы хозяином положения. Остальные остались бы в дураках.

Герцог позволил себе удовлетворенно усмехнуться, глядя на сына и думая о том, насколько проникающей и по-настоящему тонкой является наблюдательность, которой тот обладал. Он кивнул.

— Харконнены были владельцами запасов в течение более двадцати лет.

— Они хотят, чтобы производство спайса сократилось, и ты был бы посрамлен.

— Они надеются на то, что имя Атридесов станет непопулярным, — сказал Герцог. — Подумай о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в некоторой степени, как на родителей — на их неофициального представителя. Подумай, какова была бы их реакция, если бы я стал ответствен за серьезное понижение их доходов. В конце концов, прежде всего — собственная выгода. К черту Великую Конвенцию! Нельзя позволять, чтобы кто-то доводил тебя до нищеты! — Жесткая усмешка тронула губы Герцога. — Они будут заниматься своей выгодой в любом случае, что бы со мной ни случилось.

— Даже если бы мы подверглись нападению с атомным оружием?

— Ничего нельзя исключать. Открытого неповиновения конгрессу не будет. Но всего остального надо ожидать... возможно даже распыления или отравления почвы.

— Тогда зачем же мы во все это влезли?

— Пол! — Герцог, нахмурившись, посмотрел на сына. — Знать, где находится ловушка — первый шаг к ее избежанию. Это похоже на обычную битву, сын, только на более высоком уровне — маневр внутри маневра... и так, по-видимому, без конца. Задача в том, чтобы распутать этот клубок. Зная, что у Харконненов

имеется запас меланжа, мы задаем другой вопрос: у кого еще есть запас? Это и будет списком наших врагов.

— У кого?

— У некоторых Домов, которые мы считаем недружественными, и у некоторых, которые считаем дружественными. В настоящий момент следует рассматривать их как нечто важное, потому что еще есть одно лицо, куда более важное: наш возлюбленный падишах-император.

Пол попытался увлажнить внезапно пересохшее горло.

— Разве мы не можем созвать Ландсраад и раскрыть...

— И дать нашим врагам знать, что нам известно, кто наши друзья? Да, Пол, теперь мы видим нож. Кто знает, куда он будет направлен следующим шагом? Если мы начнем раньше Ландсраада, это лишь создаст огромные беспорядки. Император будет все отрицать. Кто может ему противоречить? Все, что мы можем выиграть — это немного времени, пока будут продолжаться эти рискованные беспорядки. И откуда пойдет следующий удар?

— Все Дома могли бы начать собирать спайс.

— У наших врагов слишком длинная рука, чтобы можно было их победить.

— Император, — сказал Пол, — это значит сардукары.

— Без сомнения переодетые в форму Харконненов, — сказал Герцог.

— Нам могут помочь Свободные против сардукаров?

— Хватит говорить о Салузе II.

— Тюремной планете Императора?

— А что если планет-тюрем будет больше, чем одна? Вот вопрос о сардукарах, Пол. Откуда они берутся?

— Из планеты-тюрьмы?

— Они откуда-то появляются.

— Но наборы рекрутов, которые Император требует от...

— Это как раз то, во что мы должны верить: они всего лишь великолепно обученные молодые рекруты. Ты слишком слушаешь болтовню об императорских учебных кадрах, но баланс нашей цивилизации остается тем же: военные силы Великого Дома Ландсраада, с одной стороны, и сардукары с поддерживающими их рекрутами — с другой. Сардукары остаются сардукарами.

— Но любое сообщение о Салузе II утверждает, что там ад?

— Несомненно. Но если ты хочешь вырасти жестоким, сильным мужчиной, то условия подходят.

— Как же можно пробить лояльность подобных людей?

— Есть проверенные пути: на определенном знании их превосходства, мистическая тайна завета, мысли о разделенном страдании. Это можно сделать. Это делалось много раз и во многих мирах.

Пол кивнул, не отводя взгляда от отцовского лица. Он чувствовал близость откровения.

-- Подумай об Арраки, — сказал Герцог. — Внешние города и гарнизонные деревни такие же ужасные места, как и Салуза II. Глаза Пола широко раскрылись.

— Свободные!

— В потенции мы имеем там такие же сильные и свирепые отряды, как сардукары. Конечно понадобится терпение на их тщательное обучение и богатство на экипировку. Но Свободные там. . и сокровища спайса тоже там. Теперь ты понимаешь, почему мы летим на Арраки, зная о ловушке?

— Разве Харконнены не знают о Свободных?

— Харконнены презирают Свободных, охотясь на них ради развлечения, никогда не пытались их посчитать. Нам известно обращение Харконненов с планетным населением, надежд на его поддержку так мало, как только можно. — Металлическая нить из ястребиного клюва на груди отца сверкнула, когда Герцог переменил положение. — Тебе понятно?

— Нам надо немедленно начать переговоры со Свободными, — сказал Пол.

— Я послал делегацию, возглавляемую Дунканом Айдахо, — сказал отец, — Дункан человек грубый и беспомощный, но обожающий правду. Я думаю, что Свободные его полюбят. Если нам повезет, они начнут судить нас по нем.

— Да, Дункан — честь, — сказал Пол. — А Гурни — доблесть.

— Ты хорошо их назвал, — сказал Герцог.

А Пол подумал: «Гурни один из тех, кого Преподобная Мать назвала так...»

— Гурни сказал мне, что ты хорошо сегодня дрался, — сказал Герцог.

— Это не то что он сказал мне.

Герцог громко рассмеялся.

— А я уже решил, что Гурни разбрасывается фразами. Он сказал, что ты обладаешь приличными знаниями. Это его собственные слова — о разнице клинка и его острием.

— Гурни сказал, что в убийстве острием нет фанатизма, что нужно убивать лезвием.

— Гурни романтик, — проворчал Герцог. Этот разговор об убийстве, направленный его сыном, внезапно встревожил его. — Я бы предпочел, чтобы тебе никогда не пришлось убивать. Но если в этом возникнет необходимость, ты это сделаешь так, как сможешь: острием или лезвием. — Он посмотрел на небо, с которого капал дождь.

Видя взгляд отца, Пол подумал об этом, так как на Арраки никогда не видели этого. Эти мысли обратили его ум на другое.

— Корабли Союза действительно велики? — спросил он.

— Да, велики. Мы полетим на хайлайнере, потому что это долгий перелет. Все наши агрегаты и транспорт поместятся в угробе его трюма — они будут лишь малой частью судовой декларации грузов.

— А мы не можем оставить фрегаты?

— Это часть суммы, которую ты платишь за свою безопасность и безопасность Союза. Корабли Харконненов могут появиться совсем рядом и нам нечем будет от них отбиться.

— Я буду наблюдать за всеми и попытаюсь увидеть человека Союза.

— Тебе это не удастся. Даже их агентам не удастся увидеть человека Союза. Союз очень ревностно относится к поддержанию тайны, как к своей монополии. Не делай ничего такого, что может подвергнуть опасности наши торговые привилегии, Пол.

— Ты думаешь, что они скрываются потому, что изменились... и не выглядят больше людьми?

— Кто знает? — Герцог пожал плечами. — Это тайна, которую мы вряд ли разгадаем. У нас есть более насущные проблемы, и среди них — ты.

— Я?

— Твоя мать хочет, чтобы именно я сказал об этом тебе, сын. Видишь ли, в тебе могут скрываться способности Ментата.

Несколько мгновений Пол пристально смотрел на отца, неспособный говорить, потом произнес:

— Ментата! Я? Но я...

— Хават согласен, сын. Это правда.

— Но я думал, что обучение Ментата должно начинаться с младенческих лет, и об этом нельзя говорить, потому что может произойти ранее... — Он оборвал себя.

— Понимаю, — сказал Пол.

— Приходит день, — сказал Герцог, — когда потенциальный ментат должен узнать, что делается. Он не должен больше оставаться пассивным. Ментат должен сделать вывод: продолжать ему обучение или прекратить его. Некоторые могут продолжать, некоторые к этому неспособны. Только потенциальный Ментат может решить это для себя.

Пол вытер подбородок. Все специальные виды обучения, полученные им от Хавата и матери, контроль и острога чувствительности, изучение языков и нюансов голосов — это все стало пониматься им по-новому.

— Со временем ты станешь Герцогом, сын, — сказал ему отец. — Герцог Ментат — это было бы великолепно. Ты можешь решить сейчас или тебе понадобится время?

В ответе не было колебаний.

— Я буду продолжать обучение.

— Поистине великолепно, — пробормотал Герцог, и Пол увидел гордую улыбку на губах отца. Эта улыбка поразила Пола: она придала тонким чертам лица Герцога мертвый вид, сделав его лицо похожим на череп.

Полузакрыв глаза, он чувствовал в себе пробуждение ужасной цели. Возможно, быть Ментатом и есть ужасная цель, подумал он. Но ранее, когда он сфокусировался на этом, его новые знания отрицали эту мысль.

* * *

«С леди Джессикой и Арраки система Бене Гессери, основанная на слиянии проникновенно-легендарного посредством «Защиты миссионерки», пришла к своему завершению. Мудрость системы слияния среди известных частей Вселенной с мудростью пророчества для защиты самого Бене Гессери была оценена давно, но мы никогда не видели подобного доведения до пределов идеального единства личности. Пророчесственные легенды привились на Арраки настолько, что возвысились даже усвоенные языки. Но главное то, что и теперь установлено: скрытые возможности леди Джессики недооценивались».

Анализы, Арраканский кризис принцессы Ирулен (для секретного пользования, ВУ, регистрационный номер 8108858).

Все вокруг леди Джессики — большой арраканский холл и часть открытого пространства — было завалено их багажом: ящиками, коробками, сундуками, чемоданами, некоторые из которых были распакованы. Она слышала, как рабочие Союза выдвигали другую порцию груза.

Джессика стояла в центре холла. Она медленно повернулась, оглядывая затейливую резьбу. Этот немислимый анахронизм комнаты напомнил ей холл ее школы Бене Гессери. Но там он создавал ощущение теплоты, здесь же все было холодным камнем.

Какой-то архитектор глубоко изучил историю, прежде чем создать эти стены на опорах и темные драпировки, думала она. Сводчатый потолок высился над ней двумя ярусами, его огромная крестовина стояла должно быть очень дорого и была доставлена на Арраки через космос. Ни на одной планете этой системы не росли деревья, из которых можно было бы сделать подобные балки, если они только не были имитацией дерева.

«Нет, — подумала она, — это должно быть был правительственный дом времен старой Империи, стоимость в те времена не имела значения. Лето поступил мудро, выбрав для резиденции это место. Оно уважается арраканцами, чтящими традиции. И этот город был меньше, его легче было держать в порядке и оборонять».

Снова раздался грохотдвигаемых в дверь ящиков. Джессика вздохнула.

Прислоненный к коробке, справа от нее, стоял портрет Герцога. Перевязочная бечевка свисала с него, как потрепанная декорация. Кусочек бечевки все еще был зажат в руке Джессики. Возле портрета лежала черная бычья голова, насаженная на полированную доску. Блестящая голова смотрела в потолок, как будто животное было взрывать в этой наполненной эхом комнате.

Джессика сама удивилась, какое побуждение заставило ее первыми распаковать эти вещи: голову и портрет. Она знала, что в этом действии было нечто символическое. Ни разу с того дня, как посланцы Герцога забрали ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуверенной в себе.

Голова и портрет. Они усиливали ее чувство замешательства. Она пожала плечами и посмотрела на шель окна высоко над ее головой. Здесь все еще был ранний день, но небо в этих широтах было холодным и темным, чем теплоголубое небо ее родной планеты. Тоска по дому сжала ей грудь. Как он далеко, Келадан.

— Ну, вот мы и здесь

Это был голос Герцога Лето.

Она круто повернулась и увидела, как он выходит из-под арки, ведущей в столовую. Его черная рабочая одежда с красными ястребиными клювами на груди была пыльной и помятой.

— Ты, наверное, совсем потерялась в этом уродливом месте, — сказал он.

— Какой холодный дом, — сказала она.

Она посмотрела на его высокую фигуру, темную кожу. Глаза его напоминали о древесном дыме, но само лицо было лицом хищ-

ника: тонким, помимо резких углов и плоскостей. Внезапный страх перед ним стиснул ей грудь. Он стал таким далеким и неукротимым с тех пор, как подчинился приказу Императора.

— Холодно всему городу, — сказала она.

— Это грязный, пыльный, гарнизонный городишко, — согласился он. — Но мы его изменим. — Он оглядел холл. — Это зал для встреч. Я приглядел семейную квартиру в южном крыле. Там гораздо уютнее.

Он подошел к ней и коснулся ее руки, любуясь ее величавостью.

И снова он подумал, откуда же она родом? Из ветви королевских изгнанников? Она казалась более царственной, чем все члены императорской семьи.

Под его упорным взглядом она полуотвернулась, показывая ему свой профиль. И он подумал, что в ее красоте нет ничего такого, что выбилось бы из гармонии. Лицо правильной овальной формы под облаком волос отполированной бронзы. Широко поставленные глаза цвета утреннего неба Келадана — зеленые и ясные. Ее нос был маленьким, рот большим и ярко-красным, фигура у нее была хорошей, формы стройные: она была высокой и худощавой.

Он вспомнил, что сестры в школе звали ее костлявой, как сказали ему его покупатели. Но подобное сравнение было слишком упрощенным. Она внесла в род Атридесов царственную красоту. Он был рад, что Пол был похож на нее.

— Где Пол? — спросил он.

— Где-то в доме, берет уроки у Уйе.

— Возможно в южном крыле, — сказал он. — Мне кажется, я слышал голос Уйе, но у меня не было времени посмотреть. — Он посмотрел на нее и заколебался. — Я пришел сюда, чтобы повесить ключи от келаданского замка.

Она задержала дыхание, подавляя импульс броситься к нему. Повесить ключи здесь была завершающая определенность. Но время и место были неподходящими для изъяснения чувств.

— Я видела наше знамя над домом, когда мы въезжали, — сказала она.

Он посмотрел на портрет.

— Где ты собираешься его повесить?

— Где-нибудь здесь.

— Нет. — Слово показалось жестким и решительным. Оно сказала ей, что она может прибегать к различным трюкам, но открытый спор бесполезен. И все же она решила попробовать, даже если жест головы говорил ей о том, что ей не удастся его перехитрить.

— Господин мой, — сказала она, — если ты только...

— Ответ остается «нет». Я спокойно уступаю тебе во всем, но в этом — нет. Я только что был в столовой, где имеется...

— Нет, господин! Пожалуйста.

— Выбор следует сделать между твоим пищеварением и моей родовой гордостью, дорогая. Он будет висеть в столовой.

— Да, мой господин.

— Ты можешь и впредь следовать своей привычке обедать в своей комнате, когда это возможно. Я буду требовать, чтобы ты была на своем месте в торжественных случаях.

— Благодарю тебя, мой господин.

— И не будь со мной такой холодной и сдержанной! Скажи спасибо, моя дорогая, что я не женился на тебе! Тогда бы твое присутствие за столом во время каждой еды было бы твоим долгом.

Она кивнула, не меняя выражения лица.

— Хават уже устроил для нас места в столовой, — сказал он. — И в твоей комнате есть маленький стол.

— Тебе это не нравится... ты недоволен.

— Дорогая моя, я долго думал о твоём комфорте. Я нанял слуг. Они местные, но Хават проверил их. Все они Свободные. Они присоединились к нашим людям и те освободились от дополнительных обязанностей.

— Может ли кто-то из местных быть по-настоящему безопасен!

— Любой, кто ненавидит Харконненов. Ты можешь даже держать домоправительницу Шадоут Малес.

— Шадоут, — сказала Джессика. — Это титул Свободных.

— Мне сказали, что это означает «хорошо погруженная». Может быть, она не покажется тебе типичной служанкой, хотя Хават отзывался о ней хорошо на основе рапорта Дункана. Они убеждены, что она хочет служить, вернее, что она хочет служить тебе.

— Мне?

— Свободные узнали, что ты Бене Гессери, — сказал он. — Здесь ходят легенды о Бене Гессери.

«Миссионерия Протектива», подумала Джессика. Ни одно место ее не избегло, — Это означает, что Дункан действовал успешно? — спросила она. — Свободные могут быть нашими союзниками?

— Ничего определенного нет, — сказал он. — Они, как думает Дункан, хотят понаблюдать за нами некоторое время. Тем не менее, они обещали прекратить набеги на наши пограничные деревни в период перемирия. Это гораздо важнее, чем может показаться. Хават рассказал, что они нанесли Харконненам такой ущерб, что данные о нем заботливо скрываются, Но Император все равно узнал о малой эффективности власти Харконненов.

— Домоправительница из Свободных, — задумчиво протянула Джессика, возвращаясь к разговору об этом. — У нее будут чистоголубые глаза.

— Не позволяй внешности этих людей обманывать тебя — сказал он. — В них есть глубокая сила и здравая жизнеспособность. Я думаю, в них есть все, в чем мы нуждаемся.

— Это опасная игра, — сказала она.

— Давай не будем начинать все сначала.

Она заставила себя улыбнуться.

— Мы уже начали, в этом нет сомнения, — она быстро проделала обряд, ведущий к спокойствию; два глубоких вдоха, ритуальные мысли, а потом сказала: — Могу ли я быть тебе полезной после того, как закончу с комнатами?

— Ты должна как-нибудь объяснить мне, как ты это делаешь, — сказал он. — Как ты отбрасываешь от себя все беспокойства и полностью поворачиваешь к практической стороне дела, Это, должно быть, умение Бене Гессери.

— Это женское умение, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Что ж, занимайся комнатами. Проверь, чтобы рядом с моей спальней было помещение для большого кабинета. Здесь будет больше работы с бумагами, чем на Келадане. И, конечно, сторожевая. Она должна примыкать к кабинету. О безопасности дома не беспокойся. Люди Хавата основательно его перетрясли.

— Конечно, я не сомневаюсь.

Он посмотрел на часы.

— И ты должна проследить, чтобы все наши часы были переведены на арраканское время. Я назначил для этого специального человека. Он должен сейчас подойти. — Он откинул со лба пряди волос. — Теперь я должен вернуться на посадочную площадку. В любую минуту может прибыть второй корабль с вещами.

— Разве Хават не может их встретить, мой господин? У тебя такой усталый вид.

— Зуфир занят даже более, чем я. Ты же знаешь, что вся эта планета пронизана интригами Харконненов. Кроме того, я должен попытаться отговорить от отъезда нескольких опытных охотников за спайсом. Они, как ты это знаешь, имеют полное право на это при смене правителя, а этого планетолога, поставленного в качестве судьи изменения императором и Ландсраадом, невозможно подкупить. Он позволяет отъезд. Добыча спайса может потерять около восьмисот умелых рук, а грузовой корабль Союза уже стоит наготове.

— Мой господин... — она замолчала, не смея говорить дальше.

— Да?

Его невозможно будет отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, думала она. И я не могу использовать на нем свое умение.

— В какое время ты собираешься обедать?

Она не это хотела сказать, подумал он.

— Я поем в офицерской столовой в порту, — ответил он. — Вернусь очень поздно, ты меня не жди И... э, я пришлю охранника для Пола. Я хочу, чтобы он присутствовал на нашем стратегическом совещании

Он прочистил горло, как если бы собирался еще что-то сказать, потом, без предупреждения, повернулся и вышел, направляясь ко входу, откуда слышался стук опускаемых ящиков. Его голос, уверенный и презрительный, какой всегда был у него при разговоре со слугами, еще раз достиг ее слуха:

— Леди Джессика в большом холле. Немедленно идите к ней.

Входная дверь хлопнула.

Джессика повернулась и посмотрела на портрет отца Лето. Он был выполнен известным художником Альбом в зрелые годы старого Герцога, он был изображен в костюме матадора: красная накидка была переброшена через левую руку. Лицо его казалось молодым, едва ли старше лица Герцога Лето, и имело такие же ястребиные черты, тот же взгляд серых глаз. Она сжала пальцы в кулак, прижала к бокам и напряженно глядела на портрет. Черт бы тебя побрал! Черт бы тебя побрал! Черт бы тебя побрал!

— Что прикажете, ваше высочордие?

Джессика резко повернулась и посмотрела на приземистую седовласую женщину в бесформенном платье коричневого цвета. Женщина была такой же морщинистой и бесцветной как и те, что приветствовали их в порту. Все виденные леди Джессикой туземцы на этой планете были черны и изнурены. И все же Лето сказал, что они сильны и полны жизненной силы. И конечно их глаза — полные глубокой темной голубизны, без белка — скрытые, таинственные. Джессика силой заставила отвести от них взгляд.

Женщина поклонилась, не сгибая шеи, и сказала:

— Меня зовут Шадоут Мапес, ваше высочордие. Что прикажете?

— Вы можете обращаться ко мне «моя госпожа», — сказала Джессика. — Я не высочордная. Я — наложница Герцога Лето.

— Значит, есть еще жена? — спросила женщина, снова странно поклонившись.

— Нет, не было. Я единственная... спутница Герцога, мать его наследника.

Даже произнося эту фразу, Джессика внутренне смеялась над гордостью своих слов.

Странный крик послышался с проходящей возле дома дороги. Он повторился.

— Соо-ooo-соок! Соо-ooo-соок! — Потом: — Икхут-ай! Икхут-ай! — И снова: — Соо-ooo-соок!

— Что это? — спросила Джессика. — Когда мы проезжали по улице, я его несколько раз слышала.

— Это всего лишь продавец воды, моя госпожа. Но вам не стоит интересоваться такими, как он. Цистерна этого дома вмещает пятьдесят тысяч литров воды и она всегда полная. — Она посмотрела на свое платье. — А вы знаете, моя госпожа, я даже не надела здесь свой спокойный костюм! — Она хихикнула. — И я даже не мертвая.

Джессика заколебалась, желая расспросить женщину и не решаясь, поскольку самым важным сейчас было наведение порядка в замке. И все же она обнаружила, что мысль о том, что вода здесь является главной причиной благополучия, расстроила ее.

— Мой муж сказал мне о твоём титуле Шадоут, — сказала Джессика. — Я узнала это слово. Оно очень старое.

— Так вы знаете древний язык? — спросила Мапес и в странной напряженности стала ждать ответа.

— Языки — это то, чему учат в Бене Гессери прежде всего, — сказала Джессика — Я знаю Ботани Джиб и Чакобау, все охотничьи языки.

Мапес кивнула:

— Как раз так говорит легенда.

«Зачем я играю в этот обман?» — удивилась Джессика. Она читала по лицу Мапес, замечая мальчайшие детали его изменения.

— Я знаю темные вещи и пути Великой Матери, — сказала Джессика — Мизекес преяа, сказала она на языке Чакобау.

Мапес попятилась назад и казалась страшно испуганной.

— Я здесь много всего знаю, — продолжала Джессика. — Я знаю, что ты родила детей, что ты потеряла одного, что ты пряталась в страхе, что ты совершила жестокий поступок и совершишь еще. Я знаю много всего.

Мапес сказала тихо:

— Я не хотела вас обидеть, моя госпожа.

— Ты говорила о легенде в поисках ответа, — сказала Джессика. — Остерегайся ответов, которые ты можешь узнать. Я знаю, что ты пришла совершить насилие и за корсажем у тебя оружие.

— Моя госпожа, я...

— Есть отдаленная возможность того, что ты бы взяла всю жизнь, — сказала Джессика. — Но делая это, ты бы принесла большие разрушения, чем может вообразить твой дикий страх. Есть вещи худшие, чем смерть, даже для целого народа.

— Моя госпожа! — взмолилась Мапес. Она, казалось, была готова упасть на колени. — Оружие было послано тебе как подарок, чтобы ты могла доказать, что можешь быть первой.

— А должна ли я доказывать значение моей смерти? — сказала Джессика. Она ждала и казалась спокойной тем спокойствием, какое делало Бене Гессери такой странной в борьбе.

«Теперь посмотрим, в какую сторону склонится ее решение», — думала она.

Мапес медленно сунула руку за ворот и извлекла темный футляр, из которого торчала черная серебряная рукоятка. Она взялась одной рукой за футляр, другой за рукоятку, выдернула из футляра молочно-белый клинок и держала его на весу. Клинок казался сияющим и блестящим своим собственным светом. Он был как бы с двумя остриями и имел длину сантиметров двадцать.

— Вам это знакомо, моя леди? — спросила Мапес.

Предмет мог означать только одно. Джессика была уверена, что это легендарный криснож Арраки, нож, который никогда не вывозился с планеты и о котором было известно только по неясным слухам.

— Это криснож, — сказала она.

— Вы так легко об этом говорите, — сказала Шадоут. — Вам известно его назначение?

И Джессика подумала: все велось к этому вопросу. Вот причина, по которой эта Свободная пошла мне в услужение — задать этот вопрос. Мой ответ может ускорить насилие или... что? Она хочет получить от меня ответ о значении ножа. На языке Чакобуа она зовется Шадоут. Нож на этом языке называется «создатель смерти». Она начинает беспокоиться. Я должна ответить теперь же, промедление опасней неверного ответа.

— Это «создатель»...

— Эйе-е-е-е! — завывала Мапес.

Это был крик смерти и радости одновременно. Она так дрожала, что лезвие ножа отбрасывало блики света по всей комнате.

Джессика ждала. Она намеревалась сказать, что нож — «создатель смерти» и потом добавить древнее слово, но сейчас все чувства воспротивились этому, каждый кусочек ее тела. благодаря длительной тренировке, чувствовал опасность. Ключевым словом было: создатель, создатель, создатель.

И все же Мапес держала нож так, как будто хотела пустить его в ход.

Джессика сказала:

— Неужели ты думала, что я, зная о тайнах Великой Матери, не знаю создателя?

Мапес опустила нож.

— Моя госпожа, когда так долго живешь пророчествами, минута облегчения наступает как удар.

Джессика подумала о пророчестве. Да, цель была достигнута: защитная легенда, внушенная этим людям, однажды понадобилась Бене Гессери. Да, этот день пришел.

Шадоут вернула нож в ножны и сказала:

— Это неустойчивый нож, леди. Держите его всегда при себе. Если он пробудет неделю вдали от плоти, то начнет распадаться. Он ваш, пока вы живы.

Джессика протянула правую руку, продолжая рискованную игру.

— Мапес, и ты вложила клинок в ножны неокровавленным?

Вскрикнув, она уронила ножны в руку Джессики, и, рванув на груди платье, крикнула:

— Возьми воду из моей жизни!

Джессика выдернула нож из ножен, направила лезвие на нее и увидела страх в глазах женщины.

«Яд на нем?» — подумала Джессика. Она протянула руку и сделала царапину над левой грудью Мапес. Появилась кровь и тотчас же пропала. Ультраометрая каогуляция, подумала Джессика. Влагозадерживающая мутация!

Она убрала нож в ножны и сказала:

— Застегните платье, Шадоут.

Та, дрожа, повиновалась. Глаза без белков пристально смотрели на Джессику.

— Ты наша, — пробормотала она. — Вы — она.

От двери снова донесся шум разгрузки. Мапес быстро схватила нож и сунула его Джессике за корсаж.

— Тот, кто видел нож, должен быть очищен или заклеен! — прошептала она. — Вы знаете это, моя госпожа.

Теперь я знаю это, подумала Джессика.

Шадоут привела себя в порядок и сказала:

— Неочищенные, видевшие криснож, не могут покинуть Ар-раки живыми. Никогда не забывайте об этом, госпожа. Вы были проверены крисножом. Теперь все должно идти своим порядком. Спешить нельзя. — Она посмотрела на груды ящиков. — А пока для нас здесь много работы.

Джессика колебалась. «Все должно идти своим порядком» — это было специфическое выражение из набора магических формул «Миссионерия Протектива»: «Приход Преподобной Матери освобождает тебя». Но я же Преподобная Мать, думала Джессика. И потом Великая Мать! Эту они вырастили здесь! Какое должно быть уродливое место!

Деловым тоном Шадоут сказала:

— С чего мне начать, моя госпожа?

Джессика инстинктивно почувствовала, что нужно взять обычный тон. Она сказала.

— Этот портрет старого Герцога следует повесить на одной из стен в столовой. Напротив него должна висеть голова быка

Шадоут подошла к голове быка.

— Какое это должно быть огромное животное, если у него была такая голова, — сказала она. — Вначале ее нужно почистить, моя госпожа?

— Нет.

— Но к ее рогам пристала грязь.

— Это не грязь, — это кровь старого Герцога. Эти рога были покрыты прозрачным фиксатором через час после того, как это животное убило его.

Шадоут выпрямилась.

— Вот как, — произнесла она.

— Это всего лишь кровь, — сказала Джессика. — Это старая кровь. А теперь помоги это повесить. Такие вещи очень тяжелы.

— Неужели вы думаете, что вид крови может меня встревожить? — спросила Шадоут. — Я из пустыни и достаточно видела крови.

— Я...знаю, — сказала Джессика.

— И часть ее была моей собственной, — сказала Шадоут. — Больше, чем вы обнажили этой маленькой царапиной.

— Ты бы хотела, чтобы я разрешила глубже?

— О, нет! Тогда бы вода стала испаряться в воздух через порез. Вы все сделали верно.

А Джессика, замечая изменения голоса, почувствовала, какой серьезной она стала при словах «вода тела». И снова чувство тоски охватило ее при мысли, насколько сильна вода на Арраки.

— На какую сторону мне стоит повесить каждую из этих игрушек?

А она практична, эта Шадоут, подумала Джессика. Она сказала:

— Решай сама, Шадоут. Это неважно.

— Как скажете, моя госпожа. — Она наклонилась и стала освобождать голову от упаковки. — Так ты убила старого Герцога? пропела она.

— Помочь тебе? — спросила Джессика.

— Я справлюсь, моя госпожа.

«Да, она справится, — подумала Джессика. — Вот что свойственно всем Свободным: справляться во что бы то ни стало».

Джессика почувствовала ножны под корсажем и подумала о долгой цепи делений той Бене Гессери, что оставила здесь одно из своих звеньев. Благодаря ее деятельности она пережила сегодня смертельный кризис. «Спешить нельзя», — сказала Шадоут.

И все же в этом месте чувствовалась какая-то торопливость, наполнявшая Джессику дурным предчувствием. И на это чувство не могли повлиять ни все приготовления «Миссионерия Протектива», ни тщательная проверка Хавата.

— Когда все повесишь, начни раскладывать эти ящики, — сказала Джессика. — У одного из грузчиков, работающих у входа, есть все ключи и он знает, как раскладывать вещи. Возьми у него ключи и список. Если у тебя появятся вопросы, я буду в южном крыле.

— Как прикажете, моя госпожа, — ответила Шадоут.

Джессика повернулась и пошла, думая: «Может быть, Хават и считает эту резиденцию безопасной, но здесь что-то не так. Я это чувствую».

Ее охватило непреодолимое желание видеть сына. Она пошла к сводчатому проходу, ведущему к обеденному залу и семейному крылу. Она шла все быстрее и быстрее, пока не побежала.

После ее ухода Шадоут прекратила разворачивать бычью голову и, глядя Джессике вслед прошептала:

— Она действительно одна из них. Бедняжка.

* * *

*«Уйе! Уйе! Миллиона смертей
не было достаточно для Уйе!»*

*Из истории детства Муад Дибя,
принцессы Ирулен.*

Дверь была открыта. Джессика вошла в нее и оказалась в комнате с темными стенами. Слева от нее стояла низкая тахта с верхом из кожи и два пустых книжных шкафа, висела бутылка с водой, запыленная на выпуклых сторонах. Справа от нее, закрывая другую дверь, стояло еще несколько пустых шкафов, письменный стол с Келадана и три стула. У окна, как раз напротив нее, стоял спиной к ней доктор Уйе и внимательно смотрел на разворачивающуюся перед ним картину.

Джессика сделала вперед еще один неслышный шаг. Она увидела, что одежда Уйе помята, а с правого бока испачкана белым. Со стороны он казался бесплотным и серым в своих широких одеяниях, марионеткой, застывшей в ожидании того момента, когда хозяин дернет его за веревочку. Лишь квадрат головы с черными длинными волосами, прихваченный серебряным кольцом Сак Скула, казался живым.

Она еще раз оглядела комнату и не увидела в ней никаких следов сына, но дверь справа от нее, как она знала, вела в маленькую спальню, занять которую Пол выразил самое горячее желание.

— Добрый день, доктор Уйе, — сказала она. — Где Пол?

Он кивнул как бы кому-то за окном, и не оглядываясь, сказал:

— Ваш сын ушел. Я отослал его немного отдохнуть. — Он резко оборвал себя и схватился за ус под пурпурными губами. И — простите, моя госпожа, мои мысли были слишком далеко.. Я не собирался быть фамильярным.

Она улыбнулась и протянула ему правую руку. На какое-то мгновение она испугалась, что он упадет на колени.

— Веллингтон, пожалуйста.

— Так вас называть... я...

— Мы знаем друг друга шесть лет, — сказала она — Формальности между нами давно бы могли уже исчезнуть в частных беседах.

Уйе насильственно улыбнулся, подумав: «Кажется сработало. Теперь она будет считать все странности в моем поведении замешательством. Она не станет доискиваться более глубоких причин, когда ответ ей уже известен».

— Боюсь, что я был вульгарен, — сказал он. — Когда я чувствую к вам особую жалость, я боюсь, думаю о вас, как о... Джессике.

— Чувствуете жалость? Почему?

Уйе пожал плечами. Уже давно он понял, что Джессика не наделена таким даром различать правду, как его Ванна. И все же он всегда, когда это было возможно, был правдив в разговоре с Джессикой. Так было безопаснее.

— Вы видели это место, моя... Джессика. — Споткнувшись на ее имени, он продолжал: — Такая бесплодная планета, после Келладана. А люди! Эти городские женщины, мимо которых мы проезжали, прячутся под своими покрывалами. А как они на нас смотрели!

Она сложила руки на груди и почувствовала присутствие там крикливо с лезвием, выточенным из зуба песчаного червя, если верить слухам.

— Именно поэтому мы и чужды им — разные люди, разные обычаи. Они знали только Харконненов.

Она посмотрела мимо него в окно.

— На что вы так пристально смотрели?

Он отвернулся.

— На людей.

Джессика подошла к нему и посмотрела на участок перед домом, к которому было приковано его внимание. Там, выстроившись в ряд, росли двадцать пальм и земля вокруг них была ровной и бесплодной. Живая изгородь отделяла их от дороги, по которой шли люди в балахонах. Джессика почувствовала слабую вибрацию между ней и людьми — домашнее защитное поле — и продолжала следить за дорогой, удивляясь, почему доктор нашел их такими занимательными.

Появились прохожие и она приложила ладони к щекам. Как проходящие смотрели на пальмовые деревья! Она увидела зависть, даже ненависть... и в то же время выражение надежды. Каждый проходящий надолго приковывался взглядом к пальмам.

— Вы знаете, о чем они думают? — спросил Уйе.

— Ваша специальность — чтение мыслей, — сказала она.

— Их мыслей, — ответил он. — Они смотрят на эти деревья и думают: «Это сто нас». Вот что они думают.

Она удивленно посмотрела на него и нахмурилась:

— Почему?

— Таков рацион пальм, — сказал он. — Одна пальма требует сорок литров воды в день. Человеку нужно только восемь. Значит, одна пальма равняется пяти людям. Так двадцать пальм — это человек.

— Но некоторые из этих людей смотрят на нас с надеждой.

— Они надеются на то, что некоторые из них погибнут.

— Вы смотрите на это чересчур критическим взглядом, — сказала она. — В нем есть и надежда и опасность. Спайс мог бы дать нам богатства, а обладая богатством, мы могли бы превратить этот мир во что угодно.

И она рассмеялась про себя: «Кто я такая, чтобы убеждать?» Но ее веселость была хрупкой и быстро исчезла.

— Но безопасность разрушать нельзя, — сказала она.

Уже отвернувшись, пряча от нее лицо. Если бы только можно было ненавидеть этих людей, а не любить их! Своими манерами и многим другим Джессика напоминала ему Ванну. И в то же время это ожесточало его, укрепляло его решимость. Пути жестокости Харконненов были окольными. Ванна не должна была умереть. Он должен был быть в этом уверен.

— Не беспокойся за нас, Веллингтон. Это наши трудности, а не твои.

Она думает, что я беспокоюсь о ней. Он мигнул, пряча слезы. И это так, конечно. Но я должен держаться, пока этот черный Барон не воплотит в жизнь свои черные замыслы, и воспользоваться моим единственным шансом — поразить его там, где кроется его единственная слабость — в момент его тайного злодства!

Он вздохнул.

— Я не побеспокою Пола, если взгляну на него? — спросила она.

— Нет, нет...

— Он хорошо переносит наши перемены?

— Если не считать излишней усталости. Он взволнован, но какой пятнадцатилетний мальчик не был бы взволнован при подобных обстоятельствах? — Он подошел к двери и открыл ее. — Он здесь.

Джессика, следуя за ним, вошла в затемненную комнату. Пол лежал на узкой кровати, вытянув одну руку вдоль легкого

одеяла, а другую подложив под щеку. Из-за опущенных на окнах штор лицо мальчика находилось в тени.

Джессика смотрела на своего сына и его лицо овальной формы казалось ей собственным. Но волосы у него были как у Герцога — угольно-черные и взъерошенные. Глаза прятались за длинными ресницами. Джессика улыбнулась, чувствуя, как возвращаются ее страхи. Ее вдруг поразила мысль о генетических следах в чертах ее сына — ее свойства в глазах и очертаниях лица, но и резкие, как мазки, отцовские, как вестники зрелости, проглядывающие из-за облика детства.

Она думала о чертах мальчика как о конечном отборе собранных наугад частиц — результате нескончаемых встреч этих уз. Ей хотелось встать на колени возле кровати и взять сына за руку, но ей было неудобно это делать в присутствии Уйе. Она вышла и мягко закрыла дверь за собой.

Уйе вернулся к окну, неспособный вынести вид того, как Джессика смотрела на своего сына. Почему Ванна так и не подарила мне ребенка? — спросил он себя. Как доктор я знаю, что физических причин к этому не было. Были ли причины, связанные с Бене Гессери? Может быть, она не могла служить различным целям? Что же это было? Она, конечно, любила меня.

Впервые ему пришла мысль о том, что он мог бы стать частью процесса более сложного и запутанного, чем он может себе вообразить.

Джессика встала рядом с ним и сказала:

— Какая восхитительная непринужденность есть в детском сне.

Он механически ответил:

— Если бы взрослые могли так расслабляться.

— Да.

— Тогда мы это теряем! — прошептал он.

Она посмотрела на него, задая его странным тоном, но мысли ее все еще были заняты Полом, новыми трудностями его учебы здесь, изменениями в его жизни, которая должна стать непохожей на ту жизнь, что она когда-то планировала для него.

— Мы действительно кое-что теряем, — сказала она.

Она посмотрела вправо на холм, покрытый побитой ветром тусклой зеленью кустов — пыльные листья и сухие колючие ветки. Смешное темное небо нависало над кустами и молочный свет арракинского солнца заливал эту сцену каким-то серебристым светом, похожий на тот, которым отливал криснож, спрятанный у нее на груди.

— Это небо такое темное, — сказала она.

— Частично это происходит из-за отсутствия влаги, — сказала она. Она вздохнула. — Вода! О чем бы здесь не заговорили! Все упирается в недостаток воды!

— Это древняя тайна Арраки, — сказал он.

— Почему ее здесь так мало? Здесь есть вулканические скалы, есть дюжины источников энергии, которые я могу назвать. Есть полярные льды. Говорят, что в пустыне бурить нельзя — штормы и песчаные бури разрушат оборудование быстрее, чем оно будет установлено, если вы до этого не станете добычей червей. Во всяком случае, воды здесь никогда не находили. Но тайна, истинная тайна, Веллингтон, заключается в родниках, которые пробиваются здесь наверх, образуя водоемы. Вы читали об этом?

— Вначале струя, потом ничего, — сказал он.

— Но в этом же есть тайна, Веллингтон. Вода здесь была. Она исчезла и больше никогда ее не было. И все же другая скважина дала тот же результат: струйка, которая быстро иссякает. Неужели это никого не заинтересовало?

— Это любопытно, — сказал он. — Вы подозреваете какое-то влияние? А что показал анализ глубинных образцов?

— Что он может показать? Остатки вымерших растений... животных. Кто может это распознать? — Она повернулась спиной к склону. — Вода останавливается, что-то ее задерживает. Таково мое подозрение.

— Возможно, причина, известна, — сказал он. — Харконнены скрывают много источников информации об Арраки. Возможно для этого у них есть причины.

— Какие причины? — спросила она. — И потом еще есть влага атмосферы. Ее, конечно, немного, но все же она есть. Это главный источник воды и она задерживается различными приспособлениями. Откуда она берется?

— С полюсов.

— Холодный воздух поднимает мало влаги, Веллингтон. За завесой Харконненов скрывается много фактов, требующих тщательного рассмотрения, и не все они прямым образом связаны со спайсом.

— Мы действительно находимся по ту сторону завесы Харконненов, — сказал он. — Возможно, мы... — Он прервал себя, заметив, как она напряженно смотрит на него — Что-то не так?

— То, как вы произнесли это слово «Харконнен», — сказала она. — Даже голос моего герцога не таит в себе столько злобы, когда он произносит это ненавистное имя. Я не знала, что у вас есть причины ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! — подумал он. — Я возбудил в ней подозрения. Теперь мне придется пустить в ход один из тех трюков, которым меня научила моя Ванна. Есть лишь одно решение: рассказать правду настолько, насколько это возможно». Он сказал:

— Вы же знали, что моя жена, моя Ванна... он пожал плечами. Ком, возникший в его голосе, мешал ему говорить. Он по-

пытался опять: — Они...—Слова не шли. В панике он закрыл глаза и стоял до тех пор, пока женская рука мягко не дотронулась до его ладони.

— Простите меня, — сказала Джессика. — я не хотела бере-
дить старую рану.

И она подумала: «Эти животные! Его жена была Бене Гес-
сери — все знаки этого налицо. И Харконнены явно убили ее.
Еще одна бедная жертва, занесенная на Арраки ветром мщения».

— Простите меня, — сказал он, — я не могу об этом гово-
рить. — Он открыл глаза, стараясь придать своему лицу оскорб-
ленное выражение. Это, по крайней мере, была правда.

Джессика изучала его. Она видела щеки с высокими скула-
ми, темный блеск миндалевидных глаз, усы, свисающие по бокам
пурпурного рта, квадратный подбородок, морщины на лбу и ще-
ках, она это видела—были следы не возраста, а скорби. Ее охва-
тила глубокая жалость к нему.

— Веллингтон, мне очень жаль, что мы привезли вас в это
опасное место, — сказала она.

— Я приехал сюда по своей воле, — сказал он и это тоже бы-
ло правдой.

— Но вся эта планета — ловушка Харконненов. Вы должны
это знать.

— Чтобы поймать Герцога Лето нужно нечто большее, неже-
ли ловушка, — сказал он и это тоже было правдой.

«Возможно мне следовало бы быть более откровенной с
ним, — подумала она. — Он блестящий тактик».

— Мы с корнем вырваны из своей почвы, — сказал он. — Вот
почему нам нелегко.

— И как легко вырвать и убить вырванное с корнем расте-
ние, — сказала она, — особенно, когда оно пересажено на враж-
дебную почву.

— Вы уверены, что почва враждебная?

— Когда станет известно, какое количество людей привез с
собой Герцог Лето, будет восстание из-за воды, — сказала она.—
Оно прекратится только тогда, когда люди узнают о том, что мы
установили новые водяные установки, стараясь снять это бремя
с их плеч.

— Здесь есть только столько воды, сколько нужно для под-
держания человеческой жизни, — сказал он. — Люди знают, что
если будет распределяться это ограниченное количество воды ме-
жду увеличивающимся населением, то цены на нее поднимутся и
самые бедные умрут. Но Герцог разрешит эту проблему. Из это-
го не следует, что восстания означают поддержание к нему постоян-
ной враждебности.

— И охрана, — сказала она. — Везде охрана и защитные поля. На Келадане мы так не жили.

— Дайте шанс этой планете, — сказал он.

Но взгляд Джессики оставался по-прежнему пристальным и твердым.

— Я чувствую здесь запах смерти, — сказала она. — Хават послал сюда вперед целый батальон агентов. Такое швыряние на ветер крупных сумм трудно объяснить. А взятки в высоких кругах? — Она покачала головой. — Где появляется Зуфир Хават, туда следуют за ним смерть и обман.

— Вы злословите.

— Злословлю? Я его хвалю. Смерть и обман — единственная здесь надежда. Я лишь не обманываю себя насчет методов Зуфира.

— Вам следует... чем-нибудь заняться, — сказал он — Не давите себе времени для подобных страхов.

— Заняться! Вы знаете, в чем состоит мое основное занятие, Веллингтон? Я секретарша Герцога и я так занята, что каждый день узнаю новые факты, заставляющие меня бояться... факты, о которых он даже не подозревает во мне. — Она сжала губы и тихо проговорила: — Иногда я думаю, как повлияло на его выбор то, что я — Бене Гессери.

— Что вы имеете в виду? — Он поймал себя на том, что его волновал этот циничный тон, эта горечь, которую он никогда не замечал в себе раньше.

— Не думаете ли вы, Веллингтон, что любая секретарша куда более безопасна?

— Это не слишком честная мысль, Джессика.

Упрек прозвучал очень естественно. Относительно чувств, испытываемых Герцогом к своей наложнице, не было никаких сомнений. Стоило лишь проследить за тем, как он провожает ее взглядом.

Она вздохнула.

— Вы правы. Она не слишком честная.

И снова она обхватила себя руками, чувствуя прикосновение к коже крисножа и подумала о неоконченном деле, связанном с ним.

— Скоро снова будет кровопролитие, — сказала она. — Харконнены не успокоятся до тех пор, пока не умрут или сам Герцог или Барон. Барон не сможет забыть, что в жилах Лето течет королевская кровь. Степень родства ему не важна. Но сильнее всего его сознание отравляет то, что Атридесы изгнали Харконненов за трусость после Корринской битвы.

— Старая кровная вражда, — пробормотал Уйе и на мгновение он почувствовал ледяной укол ненависти. Старая кровная

вражда загнала его в ловушку, убила его Ванну или, что еще хуже, обрекла ее на мучения у Харконненов. Старая вражда поймала его в ловушку и эти люди явились частью отравы. И по иронии судьбы, весь этот ужас должен был достичь своего апогея здесь, на Арраки, единственного источника меланита во Вселенной, являющегося продолжателем жизни.

— О чем вы думаете? — спросила она.

— Я думаю о том, что сейчас на открытом рынке декаграм спайса приносит шестьсот двадцать тысяч соляриев. Это богатство, на которое можно купить многое.

— Жадность проснулась в вас, Веллингтон.

— Это не жадность.

— Тогда что же?

Он пожал плечами.

— Бесплезность, — Он посмотрел на нее. — Вы можете вспомнить первое ощущение от вкуса спайса?

— У него был вкус корицы.

— Но он никогда не повторяется дважды. Это как жизнь, каждый раз, когда ее пробуешь, она предстает в другом качестве. Некоторые придерживаются того мнения, что спайс дает реакцию на знакомый вкус.

— Я думаю, что для нас более ценным было бы бежать, скрыться за пределы Империи, вне ее досягаемости, — сказала она.

Он поймал себя на том, что не слушает ее, и сосредоточился на ее словах, удивляясь про себя: «Действительно, почему она не заставила его это сделать? Она могла бы заставить его сделать решительно все».

Быстро, поскольку он менял темп и говорил правду, он сказал:

— Не подумайте, что это дерзость с моей стороны, Джессика, но не могу ли я задать вам один вопрос?

Она, как будто почувствовав внезапно тревогу, прижалась у края окна.

— Конечно, можете. Вы... мой друг:

— Почему вы не заставили Герцога жениться на вас?

Она круто повернулась и пристально посмотрела на него.

— Заставить Герцога жениться на мне? Но...

— Мне не следовало спрашивать.

— Почему же. — Она пожала плечами. — Для этого есть хорошая политическая причина: пока мой Герцог не женат, некоторые из Великих Домов все еще сохраняют надежду на брак. И...—Она вздохнула. — ...влияние на людей, принуждение их к тому, чего ты хочешь—подобные действия несут в себе цинизм и противны человечеству. Они заставляют деградировать все, чего

касаются. Если бы я заставила сделать его это... то это был бы не его поступок.

— Так могла бы сказать моя Ванна, — пробормотал он и это тоже было правдой. Он приложил руку ко лбу и судорожно глотнул. Он никогда не был так близок к тому, чтобы выдать свою тайную роль.

Джессика заговорила, чтобы облегчить ему трудную минуту:

— Кроме того, Веллингтон, в Герцогстве уживаются два человека. Одного из них я очень люблю. Он очарователен, он живой, общительный, нежный, в нем все, что может желать женщина. Но есть и другой. Он... холодный, черствый, подавляющий, эгоистичный, такой же суровый и жестокий, как зимний ветер. Человек, являющий собой подобие отца. — Ее лицо исказилось. — Если бы только этот старик умер, когда мой Герцог появился на свет!

Между ними установилось молчание. Было слышно, как ветер теребит занавески. Потом глубоко вздохнув, она сказала:

— Лето прав, эти комнаты лучше, чем те, которые находятся в другом крыле. — Она окинула комнату взглядом. — Извините меня, Веллингтон, мне лучше еще раз осмотреть это крыло, прежде чем окончательно все разместить.

Он кивнул, подумав: «Если бы только можно было не делать того, что я должен сделать».

Джессика пошла через холл, постояла в колебании, потом вышла.

Все время, пока мы говорили, он что-то скрывал, подумала она.

Она снова заколебалась и едва не вернулась назад, чтобы заставить Уйе высказать то, что он так тщательно скрывал.

Но ему только станет стыдно, он испугается, когда узнает, что его мысли можно так легко прочесть по лицу, подумала она.

* * *

«Многое свидетельствует о том, с какой скоростью Муад Диб постигал насущные проблемы Арраки. Бене Гессери известна, конечно, основа этой скорости. Что же касается остальных, то мы можем сказать, что Муад Диаб постигал быстро, потому что первое, чему его учили, так это постигать. А на самом первом уроке в нем было заложено, что он может постигать. Было бы крайне удивительно узнать, до чего многие люди верят в то, что они могут постичь, и до чего же многие люди верят в то, что процесс познания будет труден. Муад Диб знал, что каждый урок влечет за собой приобретение опыта».

*«Человечность Муад Дива»
принцессы Ирулен.*

Пол лежал в кровати, притворяясь спящим. Было простым делом взять таблетку у доктора Уйе и сделать вид, что он ее проглотил. Он едва сдерживал смех. Даже его мать поверила в то, что он спит. Ему хотелось вскочить и попросить у нее разрешение на осмотр дома, но он понимал, что его поведение не будет одобрено. Все было слишком неустроенным. Нет, так было лучше.

Если я ускользну без спроса, я не нарушу слова и я останусь в доме, где безопасно.

Он слышал, как его мать и Уйе разговаривали в соседней комнате. Различить слова было трудно — что-то о спайсе... о Харконнилах. Разговор сделался громче и снова затих.

Пол перенес внимание на резную переднюю спинку кровати — фальшивую спинку, соединенную со стеной и скрывающую контрольные приборы, следящие за тем, что делается в его комнате. Прыгающая рыба была вырезана из дерева с толстыми коричневыми плавниками. Он знал, что стоит нажать на один из глаз рыбы, как включатся суспензерные лампы комнаты. Одна из волн, когда ее огибали, контролировала вентиляцию, другое изменение касалось температуры.

Пол осторожно сел. Слева от него у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было повернуть и за ним скрывался стеной шкаф с полками вдоль одной из стен.

Все было сделано так, как будто комната хотела его заманить.

Планета и эта комната.

Он подумал о фильмокниге, которую ему дал Уйе. Это была старая книга, сделанная еще до открытия спайса. Названия вспыхивали в мозгу и каждое сопровождалось картиной. Названия и изображения из прошлого человека — и многие теперь не найдешь нигде во Вселенной, только лишь на Арраки.

Нужно учить так много нового: о спайсе и о песчаных червях.

Пол услышал, как мать ушла из соседней комнаты. Он знал, что доктор Уйе найдет что-нибудь почитать и останется в той комнате. Наступил подходящий момент для обследования. Он выскользнул из постели и направился к книжному шкафу. Он услышал за своей спиной звук и обернулся. Резная спинка кровати наклонилась к тому месту, где он только что лежал. Пол замер и эта неподвижность спасла ему жизнь.

Из-за спинки выскочил крошечный самонаводящийся снаряд, не более пяти сантиметров в длину. Пол сразу же узнал обычное оружие убийства, которое каждый ребенок королевской крови изучал в раннем детстве. Это была черная металлическая лента, направленная чьей-то находящейся близко рукой и глазом. Она могла впиться в движущуюся плоть и подняться по нервным каналам до ближайшего жизненно важного органа.

Снаряд поднялся, скользнул через комнату и вернулся назад.

В сознании Пола вспыхнуло положение об ограниченности действий самонаводящегося снаряда, его сжатое суспензерное поле искажает угол зрения посылающего его глаза. Располагая для определения своей цели тусклым светом комнаты, оператор вынужден был полагаться на движения.

Защитный пояс Пола остался лежать на кровати. Ласган уничтожил бы такой снаряд, но они были дороги и известны своей капризностью, поэтому существовала опасность взрыва в случае, когда луч лазера пересечется с полем. Атридесы полагались на свои защитные поля и на свой разум.

Сейчас же Пол сохранял почти катоническую неподвижность, зная, что лишь его разум противостоит угрозе. Снаряд поднялся еще на полметра.

Я могу попытаться схватить его, подумал он. Суспензерное поле делает его скользким у основания. Я должен крепко его схватить.

Снаряд опустился, сместился влево, делая круг около кровати. Он слышал издаваемое им слабое жужжание.

«Кто им управляет? — подумал Пол. — Это должен быть некто, находящийся близко. Я мог бы крикнуть Уйе, но снаряд падет в него, как только он откроет дверь».

Дверь в холле за его спиной скрипнула. Снаряд полетел над его головой к месту движения. Правая рука Пола метнулась вверх и затем уже вниз с зажатой в нем смертоносной лентой. Снаряд жужжал в его руке и извивался, но Пол держал его так крепко, что напряглись мускулы. Резко повернувшись и метнувшись вперед, он с силой расплющил нос ленты о металлическую дощечку на двери. Он услышал хруст разбившегося глаза, находящегося на носу снаряда и мертвая лента поникла в его руке. Он все еще продолжал держать ее в руке для полной уверенности.

Пол поднял голову и встретился взглядом с чисто-голубыми глазами Шадоут Мапес.

— Ваш отец послал за вами, — сказала она. — В холле человек, который будет сопровождать вас.

Пол кивнул, старательно изучая стоящую рядом с ним пожилую женщину. Она же теперь смотрела на то, что он держал в руке.

— Я о таком слышала, — сказала она. — Он бы меня убил, не так ли?

— Ему пришлось сглотнуть, прежде чем заговорить.

— Я... я был его мишенью.

— Но он двигался ко мне?

— Потому что вы двигались. — И он подумал: «Кто она такая?»

— Тогда вы спасли мне жизнь, — сказала она.

— Я спас жизнь нам обоим.

— Похоже, что вы не захотели, чтобы он попал в меня, и тем самым спасли себя.

— Кто вы? — спросил Пол.

— Шадоут Мапес — домоправительница.

— Как вы узнали, где меня найти?

— Мне сказала ваша мать... Я встретила ее в холле, у лестницы в судную комнату. Она указала направо. Человек вашего отца все еще ждет.

Это должно быть человек Хавата, подумал он. Мы должны найти того, кто управлял этой штукой.

— Иди к человеку моего отца, — сказал он. — Скажи ему, что я поймал в доме снаряд-охотник и что нужно найти того, кто им управлял. Скажи им, пусть немедленно обыщут дом и его окрестности. Они умеют это делать. Этот человек должен быть чужим среди нас.

И он подумал: «А не может ли это быть она?». Однако он знал, что такое невозможно. Снаряд был под контролем, когда она вошла.

— Прежде чем я отправлюсь выполнять ваше приказание, я должна все прояснить между нами. Вы возложили на меня такую трудную ношу, которую мне очень трудно выдержать. Но мы, Свободные, платим свои долги и нам известно, что среди вас есть предатель. Кто он, мы сказать не можем, но мы уверены, что это так. Может он и управлял этим пожирателем пасти.

Пол молча стоял, всецело захваченный этим словом «предатель». Прежде чем он смог заговорить, старая женщина круто повернулась и направилась к двери.

Он хотел позвать ее, но в ней было что-то такое, что сказало ему, что она обидится. Она все сказала ему и теперь отправилась выполнять его приказание. Через минуту дом должен был наполниться людьми Хавата.

Он вернулся мыслями к другому моменту их разговора: судная комната. Все еще держа снаряд в руке, он вернулся в свою комнату, взял защитный пояс, обернул его вокруг талии, на бегу зашелкнул пряжку и свернул из холла налево.

Она сказала, что его мать у лестницы в судную комнату.

* * *

«Что поддерживало леди Джессика во время таких испытаний. Внимательно обдумайте поговорку Бене Гессе-ри и, возможно, вы это поймете: «Любая дорога, по которой идешь до конца, приведет в никуда. Карабкайтесь в гору чуть-чуть, только для того, чтобы проверить, гора ли это. С вершины горы нельзя увидеть гору».

Из «Муад Диб», замечания о семье принцессы Ирулен.

В конце южного крыла Джессика увидела металлическую лестницу, спиралью поднимающуюся к овальной двери. Она посмотрела на холл внизу, потом снова на дверь.

Овальная? — удивилась она. Какая странная форма для двери в доме.

Через окно под спиральной лестницей, она могла видеть огромное белое солнце Арраки, клонившееся к закату. В холле пролегли длинные тени. Она снова перенесла внимание на лестницу. Лучи, падающие сбоку на нее, освещали куски засохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и начала подниматься. Перила отдавали холодом под ее ладонью. Она остановилась у двери, увидя, что у нее нет ручки, но в том месте, где ей следовало быть, имелось небольшое углубление.

Джессика обернулась, убедилась, что за ней не наблюдают, приложила ладонь к углублению. Снова обернулась и увидела Шадоут, подходящую к подножию лестницы.

— Люди в большом холле сказали, что они посланы Герцогом за юным мистером Полом, — сказала Шадоут. — У них печать Герцога и стража их опознала. — Она посмотрела на дверь, потом на Джессика.

Осторожна эта Шадоут, подумала Джессика. Это добрый знак!

— Он в пятой от холла комнате в маленькой спальне, — сказала Джессика. — Если вам будет трудно его разбудить, позовите доктора Уйе из соседней комнаты. Полу может быть понадобится порция возбуждательного.

Шадоут снова бросила пристальный взгляд на овальную дверь, и Джессика подумала, что ее взгляд излучает ненависть. Прежде чем Джессика спросила ее о двери и что скрывается за ней, Шадоут круто повернулась и поспешила прочь.

Хават проверил это место, подумала она. Ничего опасного здесь быть не может.

Она толкнула дверь, та открылась в маленькую комнату с другой овальной дверью в противоположной стене. На этой двери имелась круглая ручка.

Воздушный замок! — подумала Джессика. Она посмотрела вниз и увидела табличку от двери столовой. На ней стояла личная отметка Хавата. Дверь была оставлена открытой, подумала она. Кто-то сшиб табличку, не поняв того, что дверь должна быть закрыта на замок.

Она шагнула через порог и оказалась в маленькой комнате. Зачем в доме воздушный замок? — спросила она себя. И внезапно она подумала об экзотических существах, герметически изолирующихся в особом климате.

Особый климат!

Это имело смысл на Арраки, где самые засушливые из растений следовало орошать искусственно.

Дверь за ней начала закрываться. Она поймала ее и тщательно подперла палкой, оставленной Хаватом. Она опять обратилась к внутренней двери и на этот раз заметила затейливую вязь надписи над ручкой. Узнав, что это галахский язык, она прочла: «О, человек! Здесь заключена часть чудесного творения божьего, встань перед ним и выучись любить совершенство твоего важнейшего друга».

Джессика налегла на круглую ручку всей тяжестью своего тела. Та повернулась влево и внутренняя дверь открылась. Воздушная струя коснулась ее щек, взъерошила ее волосы. Она не чувствовала изменения в воздухе, его богатый вкус. Она заглянула за дверь и увидела массу зелени, пронизанную желтым солнечным светом.

Желтое солнце! — сказала она себе. И тут же подумала: «Фильт-

рующее стекло!» Она перешагнула через порог и дверь за ней захлопнулась.

— Планетное хранилище влаги, — прошептала она.

Растения в горшках, и низко подрезанные деревья стояли повсюду. Были даже розы.

Она наклонилась, вдыхая аромат гигантских розовых цветов, потом выпрямилась и оглядела комнату.

Ритмичный звук привлек к себе ее внимание. Она раздвинула джунгли гигантских разросшихся листьев и посмотрела в центр комнаты. Там находился низкий фонтан. Ритмичный шум производила вода, струей бьющая кверху и падающая вниз, в металлическую чашу.

Джессика заставила себя вернуться к четкому и логическому выявлению и начала методически рассчитывать параметры комнаты. Было похоже, что она занимает примерно десять квадратных метров. Но по ее расположению над холлом и по разнице в конструкции она заключила, что комната была построена значительно позднее, чем весь дом. Она остановилась в южном конце комнаты перед широким оконным проемом со светофильтром. Что-то зашелестело среди листвы. Она напряглась, но тут в поле ее зрения попал поливочный механизм с руками-шлангами.

Вода в этой комнате была повсюду — на планете, где вода была самым ценным элементом жизни. Вода расточалась здесь с такой небрежностью, что это поразило ее до самой глубины существа. Она посмотрела на желтое солнце. Оно висело низко над зубчатым горизонтом, над выступами, образующими часть огромной скалы, известной под названием Защитная скала.

Фильтрующее стекло, подумала она, превращает белое солнце в нечто более личное и знакомое. Кто мог такое создать? Лето? Желание поразить меня таким подарком — это на него похоже. Но у него не было времени и он был занят более серьезными проблемами.

Она вспомнила, что многие дома на планете были герметически закрыты с помощью воздушных замков для того, чтобы удерживать влагу внутри дома. Лето сказал, что для того, чтобы продемонстрировать власть и богатство этого дома, подобной мерой пренебрегали, а окна и двери закрывались только от пыли.

Эта же комната запиралась так тщательно не для того, чтобы удерживать влагу. Она подсчитала, что этой воды хватило бы тысяче планетян, а может и больше.

Джессика пошла вдоль окна, продолжая осмотр комнаты. В поле ее зрения попала металлическая поверхность стола, стоявшего около фонтана, и она заметила на нем белый листок из блокнота, частично скрытый огромным листом. Она подошла к столу и увидела на нем знак Хавата. Она прочла написанное:

«Леди Джессика!

Может быть, эта комната доставит вам столько удовольствия, сколько доставила его мне. Пожалуйста, позвольте этой комнате проиллюстрировать урок, который известен нам от одних и тех же учителей. Близость же милого придает человеку слишком большую снисходительность. А на этом пути лежит опасность.

*С наилучшими пожеланиями
Марго леди Фенринг»*

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето говорил, что наместником Императора здесь был граф Фенринг. Однако скрытый смысл записки требовал к себе немедленного внимания. Поскольку она была написана так, чтобы дать ей понять: писавшая была Бене Гессери. На мгновение Джессика почувствовала горечь, граф женился на своей леди.

Но хотя эта мысль ее неприятно поразила, она наклонилась в поисках скрытой записки. Она должна была быть здесь. Та записка, которая лежала на столе, содержала лишь голую фразу, которую каждая Бене Гессери, не связанная школьным предписанием, должна была сообщить другой, когда этого требовали условия: «На этом пути лежит опасность».

Джессика перевернула записку и провела по ней пальцами, ища кодовые точки. Ее чувствительные пальцы пробежали по краю бумаги. Ничего! Встревоженная она положила записку на место.

Но Хават, обыскивая комнату, несомненно передвигал ее. Она посмотрела на лежащий перед ней лист бумаги. Лист! Она ощутила его, проведя пальцами. Здесь! Ее пальцы различили впадины кодовых точек, слагая их в слова.

«Атридесы, вашему сыну и Герцогу угрожает опасность. Спальня вашего сына оборудована таким образом, чтобы поймать его в ловушку. Х. оснастил ее таким оружием, которое трудно обнаружить».

Джессика хотела бежать к Полу, но нужно было прочитать всю записку. Ее пальцы вновь забегали по точкам: «Точная природа опасности мне не известна, но это что-то, связанное с кроватью. Угроза вашему Герцогу связана с предательством доверенного лица или лейтенанта. Х. собирается захватить вас как наложницу. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна. Прости, что не могу сказать большего. Мой источник информации невелик, поскольку мой граф не входит в число наемников Х. Торопитесь. М. Ф.»

Джессика отложила лист и повернулась, чтобы бежать к Полу. В этот момент дверь распахнулась и в комнату вошел Пол,

что-то держа в правой руке, и сразу захлопнул за собой дверь. Он увидел мать, пробрался к ней сквозь листву, посмотрел на фонтан, разжал руку и то, что в ней было, упало под струю воды.

— Пол! — Она схватила его за плечи, глядя на его руку. — Что это?

Он спокойно заговорил, но за спокойствием она отгадала усилие.

— Снаряд-охотник. Схватил его в моей комнате и расквасил ему нос, но я хочу быть уверенным наверняка. Вода должна его угробить.

— Погрузи его! — сказала она.

Он повиновался. Потом она сказала:

— Убери руку. Оставь его в воде.

Он вытащил руку, обтер ее и посмотрел на блестящий металл в фонтане. Джессика сорвала черенок с листа и пошевелила им ленту, лежащую неподвижно. То осталась неподвижной. Она бросила черенок в воду и посмотрела на Пола.

Тот изучал комнату с напряженностью и цепкостью, которые она сразу узнала.

— Здесь можно скрыть все, что угодно, — сказал он.

— У меня есть причина предполагать, что комната безопасна, — сказала она.

— Моя комната тоже казалась безопасной, — возразил он. — Хават сказал...

— Это был снаряд-охотник, — напомнила она ему. — А это значит, что кто-то, находящийся в доме, управлял им. Сфера действий контрольных лучей ограничена, снаряд мог быть принесен сюда после проверки Хавата.

Но она вспомнила о словах, запечатленных на листке: «...с предательством его доверенного лица или лейтенанта». Конечно же, не Хават. Нет, нет, только не он.

— Сейчас люди Хавата обыскивают дом, — сказал он. — Снаряд едва не попал в старую женщину, которая пришла за мной.

— Мапес Шадоут, — сказала Джессика.

— Почему ты думаешь, что эта комната безопасна? — спросил Пол.

Она показала ему записку и объяснила ее смысл. Он немного успокоился, но Джессика была внутренне напряжена. «Снаряд-охотник! Милосердная Мать!» — подумала она. Ей с трудом удалось победить дрожь.

Пол сразу же перешел к делу:

— Это, конечно, Харконнены. Нам придется их уничтожить. В дверь постучали. Это был условный стук людей Хавата.

— Войдите! — крикнул Пол.

Дверь отворилась и высокий человек в форме Атридесов и со знаком Хавата на фуражке шагнул в комнату.

— Вы здесь, сэр. Домоправительница сказала, что вы должны быть здесь. — Он оглядел комнату. — Мы нашли на чердаке пирамиду из камней и притаившегося в ней человека. Он управлял снарядом.

— Я хочу принять участие в допросе, — сказала Джессика.

— Я очень сожалею, леди, но мы убили его при поимке.

— И при нем нет ничего такого, что дало бы возможность его опознать?

— Пока мы ничего не нашли, леди.

— Он был арраканец? — спросил Пол.

— По виду — да, — сказал человек. — Судя по нему, он был посажен туда месяц назад и ждал там нашего прибытия. Камень и раствор в том месте, где он должен был пройти, были нетронуты вчера, когда мы исследовали чердак. Я готов в этом присягнуть.

— В вашей честности никто не сомневается, — сказала Джессика.

— Я в ней сомневаюсь. Мы не взяли там зональных проб.

— Полагаю, именно сейчас вы это делаете, — сказал Пол.

— Да, сэр.

— Передайте отцу, что мы задержимся.

— Немедленно, сэр. — Он посмотрел на Джессику, — Хават приказал, что при подобных обстоятельствах юный мистер должен быть препровожден в безопасное место. — Он еще раз внимательно осмотрел комнату. — Как насчет этой комнаты?

— У меня есть основания предполагать, что эта комната безопасна, — ответила она.

— И Хават, и я обследовали ее. Тогда я поставлю возле нее стражу, пока мы не обыщем весь дом. — Он поклонился, козырнул Полу и закрыл за собой дверь.

После его ухода восстановилось глубокое молчание. Пол нарушил его, сказав:

— Не лучше ли нам осмотреть дом самим? Ты могла бы увидеть то, что не удалось другим.

— Это крыло было единственным местом, которое я еще не обследовала, — ответила она. — Я оставила его напоследок, потому что...

— Потому, что Хават почтил его личным вниманием, — закончил он.

Она метнула на него быстрый вопросительный взгляд.

— Ты не доверяешь Хавату? — спросила она.

— Нет, но он стареет... он слишком много работал. Мы могли бы снять с него часть работы.

— Это лишь заставило бы его испытать стыд и ухудшило бы качество его действий, — сказала она. — После того, как он узнает о случившемся, он не позволит проникнуть в это крыло даже

насекомому. Ему будет стыдно...

— Мы должны принимать собственные меры, — сказал он.

— Хават с честью охранял три поколения Атридесов, — возразила она. — Он заслуживает любого уважения и доверия, каким мы можем ему платить...

Пол сказал:

— Когда моего отца беспокоят какие-то твои поступки, он произносит Бене Гессери как ругательство.

— Что же такое беспокоит твоего отца?

— Твои с ним споры.

— Ты не твой отец, Пол.

И он подумал: «Это волнует ее, но я должен рассказать ей, что эта Шадоут сказала о предательстве среди нас».

— Что ты скрываешь? — спросила Джессика. — Это не похоже на тебя, Пол.

Он пожал плечами и подробно рассказал ей о своем разговоре с Шадоут.

А Джессика подумала о записке на листе. Придя к внезапному решению, она показала его Полу и рассказала о записке.

— Мой отец должен немедленно узнать об этом, — сказал Пол. — Я закодирую сообщение и передам ему.

— Нет, — возразила она. — Ты подождешь до тех пор, пока не увидишь его наедине. Об этом должно знать как можно меньше людей.

— Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?

— Есть другая возможность, — ответила она. — Может быть то, что послание дойдет до нас, тоже имелось в виду. Люди, которые передали его нам, могли верить в его правдивость, но может быть и так, что единственной целью было передать его нам.

Лицо Пола по-прежнему сохраняло мрачное выражение.

— Чем больше недоверия мы будем высказывать к своим соратникам, тем слабее станут наши ряды.

— Ты должен поговорить с отцом наедине и предостеречь его в этом тоже.

— Я понимаю.

Она повернулась к высокому окну и посмотрела на юго-запад, туда, где опускалось солнце Арраки — желтый шар над скалами.

— Я тоже не думаю, что это Хават, — сказал Пол. — Возможно, что это Уйе.

— Но он не лейтенант и не доверенное лицо, — сказала она. — И уверяю тебя, он ненавидит Харконненов также страстно, как и мы.

Пол посмотрел на скалы, думая: «И не Гурни... или Дункан. Может быть, один из младших лейтенантов? Невозможно. Все они происходят из семей, которые поколениями служили нам».

Джессика потерла лоб рукой, почувствовав, как устала. Сколь-

ко здесь таится опасностей? Она посмотрела на окрашенный в желтый цвет ландшафт, изучая его. За герцогскими землями располагалось хранилище, обнесенное высокими заборами. Ряды спайсовых силосных ям с похожими на пауков сторожевыми башнями на многочисленных ногах. Она могла разглядеть, по крайней мере, двадцать дворов-хранилищ спайса, тянувшихся до скал Защитной стены.

Солнце медленно исчезало за горизонтом. Показались звезды. Одна яркая звезда так низко повисла над горизонтом, что ее ясный свет создавал ритмичную вибрацию.

Рядом с ней в полутьме комнаты шевельнулся Пол. Но Джессика, сосредоточившаяся на этой звезде, осознала, что та находится слишком низко, и свет должен светить из скал защитной стены.

— Кто-то сигналил!

Она попыталась прочесть сообщение, но оно передавалось неизвестным ей кодом. На равелине возникли другие огни: маленькие жесткие точки на фоне черноты. И один из них, самый левый, замигал в ответ на сигнал, что был в скалах — очень быстро. И исчез. Фальшивая звезда на скале немедленно замигала.

Сигналы... они вызвали в ней дурные предчувствия. Почему воспользовались световыми сигналами? — спрашивала она себя. — Почему не прибегли к помощи передатчика?

Ответ был очевиден, эфир наверняка прослушивался агентами Герцога Лето.

Только световые сигналы могли означать, что они передаются врагами—агентами Харконнена.

— В ответ постучали и голос человека Хавата произнес:

— Все в порядке, сэр... леди. Мистеру пора пройти к отцу.

* * *

«Говорят, что Герцог Лето закрыв глаза на опасности Арраки, что он бездумно шел на западне. Не лучше ли было предположить, что он так долго жил в присутствии крайней опасности, что не смог верно оценить изменение ее интенсивности? Или, может, он намеренно принес себя в жертву в надежде, что его сын сможет найти лучшую жизнь? Все указывают на то, что Герцог был человеком, которого нелегко было обмануть».

«Муад Диб», семейные комментарии принцессы Ирулен.

Герцог Лето Атридес прислонился к парапету посадочной контрольной башни на Арраке. Ранняя ночная луна сплющилась как серебряная монета и повисла над горизонтом. Под ней зубчатые скалы Защитной Стены сияли, как опаленные иглы сквозь пыльную дымку. Слева от него сияли огни Арраки.

Он думал о приказах, только что разосланных за его подписью по всем населенным планетам. «Наш великий падишах-Император приказал мне принять на себя управление этой планетой и покончить со всеми спорами».

Их неприятная ритуальность задевала его, наполняя одиночеством. Кого может обмануть эта бессмысленная фразеология? Конечно же, не Свободных. И не Малый Дом, члены которого были сторонниками Харконненов почти до последнего человека.

Они пытались отнять жизнь у моего сына! Волна гнева стеснила его дыхание.

Он увидел огни машины, движущиеся от его замка Арракис в направлении посадочного поля. Он надеялся, что это охрана, несущая к нему Пола. Промедление раздражало его, хотя он и знал, что это часть предосторожностей, предпринятой лейтенантом Хаватом.

Они пытались отнять жизнь у моего сына! Он тряхнул головой, отгоняя гневные мысли, и посмотрел на поле, по краям которого стояли пять его кораблей. Лучше осторожное промедление, чем... На лейтенанта можно положиться, напомнил он себе. Хорошо служил, полностью надежен.

В этот момент Герцог почувствовал, что его собственной сокровенной мечтой было покончить со всеми классовыми различиями и никогда не думать о беспомощных приказах. Он посмотрел на небо и подумал, что вокруг одного из этих светил вращается Келадан... но я больше никогда не увижу своего дома. Тоска по Келадану сжала его грудь внезапной болью.

Я должен скрывать свои чувства, подумал он. Ради мальчика. Если ему суждено когда-нибудь иметь свой дом, то он будет здесь. Я могу думать об Арраки как об аде, доставшемся мне в дар еще при жизни, но он должен найти здесь нечто, что вдохновит его. Должно же здесь быть что-то такое...

Его захлестнула волна жалости к себе, но он немедленно подавил ее, вспомнив при этом почему-то две строки стихов Гурни Эллека:

«Легкие мои вдыхают ветер Времени,
Дующий над мертвыми песками...»

Что ж, Гурни найдет здесь достаточно мертвого песка, подумал Герцог. Но там находятся Свободные. Если есть нечто, что может дать будущее Атридеса, то это связано только со Свободными. Даже Харконненам не удалось подействовать на них своими подлыми планами. Они пытались отнять жизнь у моего сына!

Звук бьющегося металла сотряс башню и перила под его руками завибрировали. Груз прибыл, подумал он. Пора спускаться и браться за работу!

Он повернулся к лестнице и начал спускаться в большую комнату, пытаясь успокоиться.

Они пытались отнять жизнь у моего сына!

Когда он достиг слабо освещенной желтым светом комнаты, люди уже выходили из корабля. За плечами у них были баллоны, они смеялись и перекрикивались, как приехавшие на каникулы студенты.

— Эй! Чувствуешь, что под тобой? Тяготение, парень!

— Интересно, сколь здесь «же»? Как-то тяжеловато.

— Девятнадцать по справочнику.

Большая комната звенела от гула голосов.

— Ты разглядел эту дыру, когда мы приземлились? Где добыча, которая должна быть здесь?

— Ее забрали с собой Харконнены.

— Для меня только душ и мягкая постелька.

— Ты, что, дурак, не слышал? Никаких душев здесь нет. Будешь отскребывать себя песочком!

— Эй, смотрите, Герцог!

Герцог сошел с лестницы во внезапно погрузившуюся в тишину комнату.

Из толпы вышел Гурни Хэллек с мешком за плечами, сжимая в руке гриф своего девятиструнного бализета.

Герцог наблюдал за ним, восхищаясь им. Он повиновался ему во всем. Как назвал его Пол? «Доблестный Гурни».

Сквозь белокурые волосы Хэллека просвечивала кое-где кожа. Его большой рот был искривлен в дружественной усмешке, а багровый шрам под подбородком жил, казалось, своей собственной жизнью. У него был обычный энергичный вид. Он подошел к Герцогу и отвесил поклон...

— Гурни... — сказал Лето.

— Господин мой, — он указал бализетом на людей в комнате. — Вот остатки. Я предпочел бы прибыть с первым отрядом, но...

— Для вас еще осталось довольно Харконненов, — сказал Герцог. — Давай отойдем в сторону, Гурни. Нам надо поговорить

— Только прикажите, мой господин.

Они отошли под свод. Хэллек бросил свой мешок в сторону, продолжая держать в своей руке бализет.

— Сколько людей ты можешь передать Хавату?

— Зуфир в беде, сэр?

— Он потерял только двух своих агентов, но здесь осталось много Харконненов. Если мы быстро возьмемся за дело, то сможем успеть принять необходимые меры предосторожности и получить необходимую передышку. Ему нужно столько людей, сколько ты сможешь одолжить, людей, которые не станут уклоняться от того, чтобы поработать ножом.

— Я могу предложить ему три сотни моих лучших людей, — сказал Хэллек. — Куда их послать?

— К главному входу. Агент Хавата ждет там, готовый их принять.

— Я должен заняться этим сразу, сэр?

— Немедленно, у нас есть еще проблемы. Комендант поля будет держать местный корабль столько, сколько это возможно под любым предлогом. Хайлайнер «Союз», доставивший нас сюда, со-

бирается заняться своими последующими делами, и местный корабль, вероятно, попытается установить контакт с грузовым судном, взявшим груз спайса...

— Нашего спайса, сэр?

— Нашего. Но этот корабль повезет с собой некоторых сборщиков спайса, работавших при старом правительстве. Они решили уехать. Это хорошие работники, Гурни, и их около восьмисот. Прежде чем корабль уйдет, ты должен убедить некоторых остаться с нами.

— Насколько сильным должно быть убеждение, сэр?

— Мне нужно их добровольное сотрудничество, Гурни. Эти люди обладают необходимым для нас опытом и мастерством. Тот факт, что они являются частью Харконненов, велит им уехать. Хават верит, что в этой группе есть несколько дурных людей, но он сделает убийцу даже из тени.

— В свое время Зуфир нашел несколько весьма ценных теней, мой господин.

— Но есть и такие, которых он еще не нашел.

— Где эти люди, сэр?

— На нижнем уровне, в комнате ожидания. Я предлагаю тебе спуститься вниз и сыграть им кое-что, чтобы смягчить их сердца, а потом перейти к более решительным мерам. Тем, кто обладает достаточной квалификацией, можешь предложить ответственные посты. Предлагай жалование на 20% выше, чем они получали у Харконненов.

— А если больше, сэр? Для некоторых это не покажется достаточным аргументом, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо проговорил:

— Тогда используй в нужных случаях свою сообразительность. Только помни, что богатство небеспрдельно. Там, где возможно, придерживайся 20%. Особенно нам нужны перевозчики спайса, специалисты по погоде, люди, работающие в дюнах — все, кто имеет опыт работы в песках.

— Понимаю, сэр. «В них вся сила, лица их крепки, как восточный ветер, они возьмут пески в плен».

— Очень подходящая случаю цитата, — сказал Герцог. — Передай командование лейтенанту. Пусть он сделает краткое сообщение о водной дисциплине, а потом устроит людей на ночь в бараках, примыкающих к полю. Там им покажут. И не забудь о людях для Хавата.

— Три сотни лучших, сэр. — Он взялся за свой мешок — Где мне найти вас, когда я все сделаю?

— Наверху я устрою комнату для совещаний. Там у нас будет штаб. Я хочу установить новый порядок на планете. И начать хочу с создания вооруженных отрядов.

Хэллек, уже собравшийся уходить, замер и посмотрел на Герцога.

— Вы ожидаете такого рода неприятностей, сэр? Я думал что судейство по изменениям находится здесь.

— Сочетая открытую неприязнь и тайные козни, — сказал Герцог. — Прежде чем мы кончим, прольется много крови.

— «И вода, выплеснувшаяся из берегов, делается кровью и оросит сухую землю», — процитировал Гурни.

Герцог вздохнул.

— Поторопись, Гурни.

— Хорошо, мой господин. — Шрам дрогнул от его усмешки. — «Созерцающий, как дикий осел в пустыне, иду я вперед, к моей работе».

Он повернулся, пошел к центру комнаты, отдавая распоряжения, а затем стал пробиваться к выходу.

Возвращаясь назад, Лето покачал головой. Хэллек всегда был забавен, полный песен, цитат и цветистых фраз... и с сердцем убийцы, когда дело касалось Харконненов.

Лето направился к лифту кружным путем, отвечая на приветствия обычным жестом руки. Он узнал служащего из отдела пропаганды и остановился, чтобы передать ему сообщение, которое должно было быть передано по всем каналам. Те, кто привез с собой жен, захотят узнать, что их жены находятся в безопасности, а также о том, где они смогут их найти. Остальным же интересно будет узнать, что в состав местного населения входит больше женщин, чем мужчин. Он похлопал его по руке, давая понять, что это сообщение нужно передать первым. Он кивал людям, улыбался и говорил им любезности. Люди должны видеть, что ничего не случилось. Он облегченно вздохнул, когда вошел в лифт.

Они хотели отнять жизнь у моего сына!

* * *

«Над входом на Арракинскую посадочную площадку, небрежно вырезанную примитивным инструментом, находилась надпись, которую Муад Дибу пришлось повторять много раз. Он увидел ее в свою первую ночь на Арраки, когда охрана Герцога привезла его на совещание в штаб его отца. Слова надписи были мольбой к тем, кто покидал планету. Они имели огромный смысл в глазах мальчика, только что находящегося на краю гибели. Надпись гласила: «О, вы, кто знает, как мы здесь страдаем, не забывайте нас в ваших молитвах».

«Сведения о Муад Дибе» принцессы Ирулен.

— Вся история ведения войн влечет за собой рассчитанный риск, — сказал Герцог, — но когда дело подходит к концу, к риску собственных семей, элементы расчета тонут... в других вещах.

Он понимал, что не сдерживает свой гнев настолько, насколько ему бы это следовало делать, и он повернулся и зашагал по комнате

Герцог и Пол были одни в комнате. Это была пустая, гулкая комната, обстановку которой составлял один длинный стол, стационарные стулья вокруг него, карта и нагреватель на одном конце стола. Пол сел за стол возле карты. Он рассказал отцу о про-

исшествии со снарядом-охотником и дал отчет об угрозе со стороны предателя.

Герцог остановился напротив Пола и ударил кулаком по столу.

— Хават сказал мне, что дом в безопасности!

Пол в нерешительности проговорил.

— Я тоже рассердился вначале и обвинил Хавата. Но угроза была вне дома. Она была умной, простой и прямой. И она была бы не просто угрозой, если бы не умение, данное мне тобой и многими другими, включая Хавата.

— Ты его защищаешь? — спросил Герцог.

— Да.

— Он старик. В этом все дело. Ему бы следовало...

— Он умудрен огромным опытом, — сказал Пол. — Сколько ты можешь вспомнить ошибок Хавата?

— Мне бы следовало его защищать, а не тебе.

Пол улыбнулся.

Лето присел на угол стола и положил руку на руку сына.

— Ты... повзрослел, сын. — Он убрал руку. — Это меня радует. — Он посмотрел на сына — Хават сам себя накажет. Он выльет на себя такой поток гнева, на который бы нам не хватило обоих вместе.

Пол посмотрел на темные окна, на черноту за ними. Огни комнаты отражались от балконной ограды. Он увидел движение и разглядел силуэты в форме аттридесов. Пол оглянулся назад, на белую стену за спиной отца, потом на блестящую поверхность стола и увидел свои сжатые в кулаки руки.

Дверь напротив Герцога распахнулась, и Зуфир Хават вступил в комнату. Он выглядел более, чем обычно, старым и измученным. Пройдя вдоль стола, он остановился прямо напротив Герцога.

— Господин мой, — проговорил он, обращаясь к точке над головой Герцога, — я только что узнал, что подвел вас. Мне необходимо подать в...

— О, садись и перестань глупить, — сказал Герцог. Он указал на стул напротив Пола. — Коли ты и сделал ошибку, то только потому, что слишком высоко оценил Харконненов. Их простые умы способны лишь на простые штучки. И мой сын с огромным жаром сообщил мне о том, что он с честью вышел из этого испытания лишь благодаря твоим урокам. В этом ты не подвел! — он постучал по спинке стула. — Садись, я говорю!

Хават сел.

— Но...

— Не хочу больше об этом слушать, — сказал Герцог. — У нас есть более неотложные дела. Где остальные?

— Я попросил их подождать за дверью, пока я...

— Позови их.

Хават посмотрел Герцогу в глаза.

— Сэр, я...

— Я знаю, кто мои настоящие друзья, — сказал Герцог. — Зови людей.

Хават оглянулся.

— Сию минуту, сэр. — Он повернулся на стуле и позвал в открытую дверь: — Гурни, веди их.

Хэллек ввел в помещение группу людей — офицеров с очень серьезными лицами в сопровождении адъютантов и специалистов.

Когда все вошедшие стали занимать места, по комнате прокатился шум.

— Для желающих есть кофе, — сказал Герцог.

Он оглядел людей. Потом подождал, пока из соседней комнаты принесут кофе. Он отметил усталость на некоторых лицах. Придав лицу выражение спокойной деловитости, он призвал к вниманию, постучав костяшками пальцев по столу.

— Итак, джентльмены, похоже на то, что наша цивилизация настолько глубоко увязла в привычке вторжения, что мы не можем просто повиноваться приказу Империи, не обнаружив, что старые привычки опять дали богатые всходы.

За столом послышались сухие смешки и Пол понял, что отец выбрал верный тон и сказал нечто совершенное для того, чтобы поднять настроение. Даже намек на усталость был верно подобран.

— Думаю, прежде всего нам нужно узнать, имеет ли что добавить Зуфир к своему отчету о Свободных, — сказал Герцог. — Зуфир?

Хават поднял на него взгляд.

— После моего главного отчета у меня возникло несколько экономических вопросов. Но сейчас я могу сказать, что Свободные мне кажутся все больше подходящими для нас. Сейчас они выжидают, желая узнать, могут ли они доверять нам. Они привыкли действовать в открытую. Они послали нам подарок — костюмы собственного изготовления, карты некоторых пустынных мест, окруженных укрепленными точками Харконненов. — Он оглядел собравшихся. — Их данные кажутся полностью надежными, и они значительно помогли нам в делах с судейством изменения. Они также прислали нам драгоценности для леди Джессики, спайс, ликер и лекарства. Мои люди как раз сейчас занимаются их обработкой. Похоже на то, что никаких фокусов нет.

— Вам нравятся эти люди, Зуфир? — спросил один из сидевших.

Хават повернулся к нему лицом.

— Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться.

Пол посмотрел на отца, потом на Хавата и спросил:

— У вас есть новая информация о том, как много Свободных? Хават посмотрел на Пола.

— По количеству еды и прочим фактам Айдахо установил, что общее количество людей на стоянках, которые он посетил, примерно девять тысяч человек. Их предводитель говорил, что управляет счетом из двух тысяч человек. У нас есть основания полагать, что подобных сетей очень много. Все они, похоже, преданы одному человеку по имени Льет.

— Это что-то новое, — сказал Герцог.

— Здесь может быть и ошибка, сэр. Судя по некоторым данным, можно предположить также, что Льет — это местный парламент.

Другой человек за столом прочистил горло и спросил:

— Это правда, что они имеют дело с контрабандистами?

— Когда Айдахо был там, караван контрабандистов покидал сетч, увозя с собой большой груз спайса. Они использовали при этом выючных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

— Это означает, что контрабандисты удвоили свою оперативность за этот период смут, — сказал Герцог. — Это заслуживает тщательного обдумывания. Нам не следовало бы проявлять слишком большое беспокойство по поводу кораблей, покидающих эту планету без лицензии — это делается всегда. Но полностью выпускать их из поля нашего зрения неразумно.

— У вас есть план, сэр? — спросил Хават.

Герцог посмотрел на Хэллека.

— Гурни, я хочу, чтобы вы возглавили делегацию или посольство, если вам это больше нравится, чтобы наладить контакт с этими бизнесменами-романтиками. Скажете, что мне нет дела до них до тех пор, пока они признают за мной титул Герцога. Хават только что установил, что взятки и плата, наживаемая ими раньше, людям, которые помогли им в операциях, огнимали у них в четыре раза больше, чем полагается по расчетам.

— А что если слухи об этом дойдут до Императора? — спросил Хэллек. — Он очень ревностен к своей выгоде, мой господин. Лето улыбнулся.

— Мы будем открыто класть в банк на имя Императора десятую часть и законно вычитать из этой суммы налоги. Пусть с этим борются Харконнены. И мы немного потрясем кошельки тех местных, кто разбогател при Харконненах. Больше никаких взяток!

Усмешка искривила губы Хэллека.

— Мой господин, прекрасный и юридически законный удар. Хотел бы я видеть лицо Барона, когда он узнает об этом.

Герцог повернулся к Хавату.

— Зуфир, ты достал те конторские книги, о которых говорил?

— Да, мой господин. Сейчас их можно исследовать в деталях.

Тем не менее, я просмотрел их и могу сообщить некоторые цифры.

— Тогда начинай.

— Харконнены получали отсюда десять миллиардов соляриев триста тридцать стандартных дней — период. И так до сих пор.

У всех сидящих за столом вырвался единодушный вздох. Даже молодые адъютанты, чей вид выдавал скуку, выпрямились и обменялись взглядами.

Хэллек пробормотал:

— Так просто они от такого богатства не откажутся.

— Итак, джентльмены, — сказал Лето, — не наивно ли после этого полагать, что Харконнены могут спокойно уехать только потому, что им так приказал Император?

Все согласно кивнули головами.

— Нам нужно постоянно об этом помнить, — сказал Лето. Он повернулся к Хавату. — Теперь об оборудовании. Что они нам оставили?

— Полный набор, как говорится в инженерной описи, проверенной государством изменения, мой господин, — сказал Хават. Он протянул руку к адъютанту и, когда тот передал ее, открыл папку и положил ее перед собой на стол. — Только там нет того, что лишь меньшая половина может быть сейчас использована. Нам повезет, если даже ее можно будет использовать в течение шести месяцев.

— Да, этого нужно было ожидать, — сказал Лето. — Каковы твердые цены по основному оборудованию?

Хават заглянул в свою папку.

Около девятистот тридцати факториев—харвестеров могут быть присланы через несколько дней. Около 6260 орнитонгеров, скаутингов, погодонаблюдателей... кариолов немного меньше тысячи.

Хэллек сказал:

— Не было бы дешевле снова открыть торговлю с Союзом для разрешения вывести корабль на орбиту, как спутник, для определения погоды?

Герцог посмотрел на Хавата.

— Ничего нового в этом смысле, Зуфир?

— Мы должны заняться другими возможностями, — сказал Хават. — Агент Союза, собственно, не вел с нами торговлю. Он лишь дал понять, что цена для него недостижима и останется таковой вне зависимости от того, каким будет наше развитие. И наша задача узнать, почему это так, прежде чем мы снова с ним свяжемся.

Один из адъютантов Хэллека повернулся на своем стуле и крикнул:

— Это несправедливо!

— Справедливость? — Герцог посмотрел на него. — Кто гово-

рит о справедливости? Мы установим свою справедливость. Это будет здесь, на Арраки. Жизнь или смерть. Вы сожалеете о том, что связали с нами свою судьбу?

Тот посмотрел на Герцога и ответил:

— Нет, сэр. Вы не можете отказаться от самой богатой планеты во вселенной... и мне ничего не остается делать, как следовать за вами. Простите мне мою вспышку, но... — Он пожал плечами. — Каждый ощущает горечь со временем.

— Горечь — это я понимаю, — сказал Герцог. — Но давайте не будем говорить о справедливости, пока у нас есть руки и свобода ими пользоваться. Чувствует ли горечь кто-нибудь из остальных? Если так, оставьте ее. Это совещание — дружеская встреча, каждый может высказать все, что у него на уме.

Хэллек вздохнул и сказал:

— Я думаю о том, сэр, что у нас нет добровольцев из других Домов, и о том, как это плохо. Они обращаются к вам о том, как это плохо. Они обращаются к вам и обещают вечную дружбу, но лишь тогда, когда им это ничего не стоит.

— Они еще не знают, кому предстоит выиграть это изменение, — сказал Герцог. — Большая часть Домов разбогатела за счет рискованных предприятий. Вряд ли можно винить их за это. — Он посмотрел на Хавата. — Мы говорили об оборудовании. Ты не сможешь привести несколько примеров, чтобы лучше познакомить людей с машинами?

Хават кивнул, а затем указал адъютанту на прибор. Крупный проектор был поставлен на стол, недалеко от того места, где сидел Герцог. Некоторые из сидящих привстали, чтобы лучше видеть. Пол, подавшись вперед, смотрел на машину на экране. Она была примерно сто двадцать метров в длину и сорок в ширину. Ее жукообразное тело свободно двигалось на широких гусеницах.

— Это харвест-фактори, — сказал Хават. — Мы выбрали для показа наиболее хорошо отремонтированный экземпляр. Это драйвлайн с оборудованием, прибывшим с первой бригадой императорского тэколога. Он все еще работает, хотя я не знаю, как и почему.

— Если это тот, кого называют «старая мумия», то его нужно было отправить в музей, — сказал адъютант.

За столом послышались смешки. Пол не смеялся, он серьезно смотрел на агрегат и в его уме зрел вопрос. Указав на изображение, он спросил:

— Зуфир, есть ли настолько большие песчаные черви, что они смогут проглотить эту штуку?

За столом установилась тишина. Герцог тихо выругался, потом подумал: «Нет, здесь они должны знать правду».

— В центре пустыни есть такие черви, которые способны убить ее одним глотком, — сказал Хават. — Ближе, за Защитной

стеной, где работает основная часть сборщиков спайса, достаточно червей, которые могут покалечить ее и сожрать на досуге.

— Почему мы не отделимся от них защитным полем? — спросил Пол.

— Согласно отчетам Айдахо, — сказал Хават, — защитные поля в пустыне опасны. Поле размером в человеческое тело привлечет любого червя на сотни метров вокруг. Похоже на то, что оно вызывает у них жажду убийства. Это слова Свободных, в них нет нужды сомневаться. В сетке Айдахо не встретил никаких следов защитного оборудования.

— Совсем ничего? — спросил Пол.

— Было бы весьма трудно скрывать подобного рода вещь среди нескольких тысяч людей, — сказал Хават. — Айдахо мог побывать в любом месте сетки и он не видел никаких полей и никаких намеков на их использование.

— Это озадачивает, — сказал Герцог.

— Харконнены использовали здесь, вне всякого сомнения, большое количество полей, — сказал Хават. — У них были ремонтные мастерские в каждой гарнизонной деревне, и их отчеты указывают на большое количество ремонта полей.

— Могут ли Свободные владеть родом нуль-полей? — спросил Пол.

— Такое кажется маловероятным, ответил Хават. — Теоретически это возможно, конечно.

— Мы бы услышали об этом раньше, — сказал Хэллек. — Контрабандисты имели тесные контакты со Свободными, и они не оставили бы без внимания подобного рода изобретение, имея оно место. И они бы не стали препятствовать распространению его за пределы планеты.

— Я не люблю оставлять такие важные вопросы невыясненными, — сказал Лето. — Зуфир, я хочу, чтобы ты полностью выяснил это обстоятельство.

— Мы уже работаем над ним, мой господин. Айдахо наверняка сказал одно: невозможно ошибиться в отношении Свободных к полям. Он сказал, что поля повергли их в неприкрытое изумление.

Герцог нахмурился, потом проговорил:

— Сейчас мы обсуждаем спайсовое оборудование.

Хават указал адъютанту на проектор. На экране появилось изображение крылатой машины, окруженной человеческими фигурами.

— Это каррион, — сказал Хават, — летающая машина, единственной функцией которой является наполнение богатой спайсом фактории песком и спасения фактории в случае появления песчаного червя. Они появляются всегда. Сбор спайса — процесс, который требует более интенсивного впуска и выбрасывания.

— Великолепно подходит к морали Харконненов, — сказал Герцог.

Смех был резким и чересчур громким. Потом появилось другое изображение.

— Эти машины совершенно общеприняты. — сказал Хават. — Путем изменения их можно приспособить к различным целям. Необходимы меры для предохранения некоторых мест от песка и пыли. Лишь одно прикрито защитным полем из тридцати, возможно из-за того, что генератора поля недостаточно для больших территорий.

— Мне не нравится эта подчеркнутая боязнь полей, — сказал Герцог. — Потом подумал: «Не секрет ли это Харконненов? Означает ли это, что мы даже не сможем убежать от кораблей под полями, если они двинутся против нас?» Он резко мотнул головой, отгоняя подобные мысли, и сказал: — Давайте установим наши действия. Какова будет наша прибыль?

Хават перевернул несколько страничек в своей папке:

— После определения суммы на ремонт и оборудование, мы приблизительно установим сумму, которая может быть получена в ходе операции. Согласно данным Харконненов, жалованье и эксплуатация составляли 14%. Мы должны увеличить их сначала до 30% до тех пор, пока не удастся заменить изношенное оборудование. Потом там, где это возможно, увеличим прибыль до 12—15%. — Он открыл глаза. — Если только мой господин не будет пользоваться методами Харконненов.

— Мы работаем на солидной и постоянной базе, — сказал Герцог. — Нам следует придерживаться большего процента, чтобы сделать людей счастливыми — особенно Свободных.

— Главным образом, Свободных, — согласился Хават.

— Наше превосходство на Келадане зависело от моря и воздушных ресурсов, — сказал Герцог. — Здесь мы должны развивать то, что я назвал бы ресурсами пустыни. Сюда могут входить и воздушные ресурсы, а может и нет. — Он покачал головой. — Харконнены полагаются при назначении на ключевые должности на специалистов с других планет. Для нас это не подходит: каждая новая группа людей — это лишняя возможность провокации.

— Тогда нам придется довольствоваться гораздо меньшей прибылью и понижением добычи, — сказал Хават. — Наша продукция за два сезона должна сократиться на треть по сравнению со средней добычей Харконненов.

— Совершенно верно, — сказал Герцог. — Этого мы ожидали. Нам придется быстрее действовать со Свободными. До первой проверки СНОАМа мне бы хотелось иметь пять батальонов, набранных из свободных.

— Это небольшой срок, сэр, — сказал Хават.

— У нас вообще немного времени, как вам известно. При первой возможности здесь появятся сардукары, переодетые в форму Харконненов. Зуфир, как ты думаешь, сколько их может перебраться один корабль?

— Четыре-пять батальонов, сэр.

— Значит, иметь с ними дело придется пяти батальонам Свободных и нашим собственным силам. Если бы нам удалось захватить в плен несколько сардукаров и провести их перед советом Ландсраада, дела бы сразу изменились.

— Мы сделаем все, на что способны, сэр.

Пол посмотрел на отца, потом на Хавата и осознал вдруг, как уже велик возраст ментата, старого человека, служившего трем поколениям Атридесов. Старость. Ее выдавали ревматические жилки темных глаз, впалость щек, обветренных экзотическими ветрами, тонкость губ с пятнами сока на них. Так много зависит от старого человека, подумал Пол.

— Мы вступили в полосу войн и убийств, — сказал Герцог. — Однако мы еще не очистили всю накипь. Зуфир, каково сейчас положение Харконненов?

— Мы отсеяли 259 их людей, мой господин. Осталось не более трех ячеек Харконненов — человек сто.

— Эти люди владельцы собственности? — спросил Герцог.

— Большинство было хорошо устроено, — мой господин.

— Я хочу, чтобы ты получил с них подписки о лояльности, — сказал Герцог. — Представь копии судье по изменениям. Мы будем действовать с тех позиций, будто они жили под фальшивыми документами. Конфискуй их собственность, возьми все, обери их семьи. Уверься в том, что государство получило свои десять процентов. Все должно быть совершенно законно.

Зуфир улыбнулся.

— Извините, мой господин, это мне не пришло в голову.

Хэллек нахмурился, удивленный хмурым выражением лица Пла. Остальные улыбались и кивали.

Это неверный шаг, думал Пол. Такая мера только ожесточит противника. Этим ничего не добьешься.

— Я был чужим в чужих краях, — процитировал Хэллек.

Пол пристально посмотрел на него, узнав строку из библии. Неужели и Гурни жаждет покончить с этими окольными путями?

Герцог посмотрел в темноту за окном, потом вернулся взглядом к Хэллеку.

— Гурни, сколько из этих пескокопателей тебе удалось убедить остаться с нами?

— Всего 286 человек, сэр. Я думаю, что нам следует брать их и считать, что нам повезло. Каждый из них будет полезен.

— И все? — Герцог поджал губы, потом добавил: — Что ж, передай им, что...

Его прервал шум у двери. Мимо охраны торопливо прошел Дункан Айдахо, склонился к столу и что-то зашептал на ухо Герцогу.

Лето отмахнулся от него и сказал:

— Брось, Дункан, говори смело. Здесь военный совет.

Пол изучал Айдахо, отмечая его кошачьи мягкие движения и быстроту реакции, что делало его таким серьезным противником в учебных поединках. Темное круглое лицо повернулось к Полу, и, хотя взгляд его глубоко сидящих глаз оставался непроницаемым, Пол угадал волнение, спрятанное за маской спокойствия.

Оглядев собравшихся, Айдахо сказал:

— На нас напали всадники Харконненов, переодетые Свободными. Сами Свободные послали нам гонца, чтобы предупредить о банде. Но во время атаки мы обнаружили, что Харконнены подстерегли гонца Свободных и тяжело его ранили. Мы доставили его сюда, к нашим докторам, но он умер. Мне следовало понять, что мы его не доведем, и не делать того, что я сделал. — Айдахо бросил взгляд на Герцога. — У него особый нож, мой господин. Мне никогда не приходилось его видеть.

— Криснож? — спросил кто-то.

— Вне всяких сомнений, — сказал Айдахо. — Молочно-белый, светящийся собственным светом. — Он сунул руку в разрез туники и вытащил ножны с торчавшей в них черной рукояткой.

— Оставьте лезвие в ножнах!

Голос, донесшийся из открытых дверей комнаты, был дрожащим и глубоко трогаящим. Все, как по команде, посмотрели в ту сторону. В дверях, сдерживаемая скрещенными клинками, стояла высокая фигура, закутанная в балахон. Он полностью скрывал очертания тела человека, лишь в прорезях опущенного капюшона виднелись глаза — совершенно голубые без белка.

— Пусть он войдет, — прошептал Айдахо.

— Пропустите, — приказал Герцог.

Поколебавшись, охранники опустили клинки. Человек скользнул в комнату и остановился перед Герцогом.

— Это Стилгар, начальник сетча, где я побывал, начальник тех, кто предупредил о банде, — сказал Айдахо.

— Добро пожаловать, — сказал Лето. — Но почему нельзя вытаскивать это лезвие?

Стилгар посмотрел на Айдахо и сказал:

— Ты был у нас, наблюдал за обычаями чистоты и чести. Я бы позволил тебе увидеть клинок человека, к которому ты отнесся по-дружески. — Он обвел остальных присутствующих взглядом. — Но остальных я не знаю. Они не загрязнят благородное оружие?

— Я Герцог Лето, — сказал Герцог. — Вы позволите мне посмотреть клинок?

— Я позволю заработать вам право на то, чтобы вытащить клинок из ножен, — сказал Стилгар и, поскольку слышался ропот протеста, поднял тонкую руку. — Напоминаю, что это кинжал того, кто был вам другом.

В молчаливом ожидании Пол изучал человека. Он был предводителем — предводителем Свободных. Человек, сидевший напротив Пола, прошептал:

— Кто он такой, чтобы диктовать нам права на Арраки?

— Говорят, что Герцог Лето Атридес правит с согласия правящих, — сказал Свободный. — Так что я должен объяснить, как принимаем мы это: на тех, кто видел криснож, падает определенная ответственность. — Взгляд его темных глаз уперся в Айдахо. — Они наши. Без нашего согласия они могут никогда не покинуть Арраки.

Хэллек и еще несколько человек начали подниматься с сердитыми выражениями на лицах. Хэллек сказал:

— Герцог Лето решает, что...

— Одну минутку, — сказал Лето и всех поразила холодность его лица. «Нельзя выпускать это из рук», — думал он. Затем он обратился к Свободному: — Я ценю и уважаю достоинство любого человека, который уважает мое достоинство. Я в большом долгу перед вами и всегда плачу свои долги. Если по вашим обычаям кинжал должен оставаться в ножнах, то таков будет и мой приказ. А если есть еще путь к тому, чтобы воздать должное умершему, то только назовите его.

Свободный внимательно посмотрел на Герцога, потом медленно убрал капюшон, открыв тонкий нос и рот с полными губами над блестящей бородой. Он непринужденно склонился над столом и плюнул на его блестящую поверхность. Сидящие вокруг стола начали подниматься со своих мест, но Айдахо сказал:

— Спокойно! — Во внезапно возникшей тишине он продолжал: — Мы благодарим вас, Стилгар, за то, что вы принесли нам в дар влагу вашего тела и платим тем же. — И Айдахо плюнул на стол перед Герцогом. Очутившись близко от Герцога, он сказал: — Вспомните, как ценна влага, сэр. Это знак уважения.

Лето поглубже ушел в свое кресло. Он поймал взгляд Пола, увидел грустную усмешку на его лице и почувствовал, как напряженность медленно покидает собравшихся за столом по мере того, как до них начинает доходить смысл происходящего.

Посмотрев на Айдахо, Свободный сказал:

— Ты оставил много влаги в нашем сетче, Дункан Айдахо. Ты делал это из преданности своему Герцогу?

— Он просит меня идти с ним воевать, сэр, — сказал Айдахо.

— Он согласится на взаимную преданность? — спросил Лето.

— Вы хотите, чтобы я с ним пошел, сэр?

— Я хочу, чтобы ты сам это решил, — сказал Лето. Он не мог скрыть своей тревоги.

Айдахо изучал Свободного.

— Ты возьмешь меня на таких условиях Стилгар? Наступит время, когда я должен буду вернуться к Герцогу.

— Ты хорошо дрался и сделал для нашего друга всё, что мог, — сказал Стилгар. Он посмотрел на Лето. — Пусть будет так: человек по имени Айдахо оставляет криснож себе в знак преданности нам. Его, конечно, нужно будет чистить, а за обрядом следует наблюдать, но это можно сделать. Он будет и Свободным, и солдатом Атридесов.

— Дункан? — спросил Лето.

— Я понимаю, сэр, — сказал Айдахо.

— Тогда решено, — сказал Лето.

— Твоя вода — наша. Дункан Айдахо, — сказал Стилгар. — Тело нашего друга останется у Герцога. Его вода — вода Атридесов. Это связь между нами.

Лето вздохнул и оглянулся на Хавата, ловя его взгляд. Хават кивнул с довольным выражением лица.

— Я подожду внизу, — сказал Стилгар, — пока Айдахо прощается с друзьями. Нашего покойного друга звали Турок. Вспомните его, когда для его духа настанет время освободиться. Вы — его друзья.

Стилгар повернулся к двери.

— Вы не задержитесь ненадолго? — спросил Герцог.

Свободный снова обернулся к нему, легким жестом возвращая на место капюшон и что-то прилаживая на груди. Пол успел поймать взглядом что-то вроде маленькой трубочки прежде, чем капюшон скользнул на место.

— Есть причина, по которой мне нужно остаться? — спросил Свободный.

— Мы бы хотели воздать вам почести, — сказал Герцог.

— Моя честь требует присутствия в другом месте, — ответил Свободный. — Он посмотрел на Айдахо, повернулся и скользнул мимо охраны в дверь.

— Если все остальные Свободные ему под стать, то мы хорошо послужим друг другу.

Айдахо сухо проговорил:

— Он прекрасный человек.

— Ты понимаешь, что нужно сделать, Дункан?

— Я ваш посол у Свободных, сэр.

— От тебя, Дункан, зависит очень много. Прежде, чем на нас нападут сардукары, нам нужно иметь, по крайней мере, пять батальонов из этих людей.

— Это займет некоторое время, сэр. Свободные очень независимы. — Немного поколебавшись, Айдахо продолжил: — И, сэр, есть еще одно обстоятельство. Один из наемников, которого мы взяли, пытался украсть кинжал у нашего мертвого друга. Наемник говорит, что Харконнены назначили премию в миллион соляриев тому, кто доставит им криснож.

Лето вскинул голову, явно изумленный.

— Зачем он им так нужен?

— Нож выточен из зуба песчаного червя, на нем клеймо свободных. С ним человек с синими глазами мог проникнуть в любой сетч на земле. Им бы следовало перекрасить меня, пока они меня не узнали. Я не похож на Свободного, но...

— Питер де Гриз, — сказал Герцог.

— Человек дьявольской хитрости, мой господин, — сказал Хават.

Айдахо спрятал нож под тунику.

— Береги этот нож, — сказал Герцог.

— Я понимаю, мой господин, — он похлопал по вделанному в пряжку ремня передатчику. — Передам сообщение, как только смогу. Зуфир знает мои позывные. — Отсалютовав, он поспешил за Свободным.

Звук его шагов постепенно утих вдали. Лето и Хават обменялись понимающими взглядами и улыбнулись.

— Нам надо многое сделать, сэр, — сказал Хэллек.

— И я желаю тебе заниматься твоим делом, — сказал Хават. — У меня есть сообщение о военных базах, — сообщил он. — Мне его сделать в другое время, сэр?

— Оно займет много времени?

— В двух словах не скажешь. Среди Свободных ходит много слухов о том, что в период «Пустынной ботанической испытательной станции» на Арраки было построено две сотни таких баз. Предполагается, что все они заброшены, но есть сведения, что перд тем, как их покинуть, их опечатали.

— Оборудование на них есть? — спросил Герцог.

— Согласно данным Дункана — да.

— Где они сосредоточены? — спросил Хэллек.

— Ответ на этот вопрос один, — сказал Хават. — Льет знает.

— Бог знает, — прошептал Лето.

— Возможно нет, сэр, — сказал Хават. — Вы слышали, как использовал это имя Стилгар? Может быть, он имел в виду реальное лицо?

— «Служит двум хозяевам», — сказал Хэллек.

— А тебе бы следовало знать, — сказал Герцог.

Хэллек улыбнулся.

— Этот судья по изменениям, имперский эколог Кайнз, — сказал Лето, — разве не должен знать, где расположены эти базы?

— Сэр, — осторожно сказал Хават, — этот Кайнз — имперский служащий.

— И находится очень далеко от Императора, — сказал Лето. — Мне нужны эти базы. На них имеется оборудование, которое мы могли бы забрать и использовать для своих рабочих машин.

— Сэр! — сказал Хават. — По закону эти базы все еще являются владениями Его Величества.

— Ветры здесь такие, что могут разрушить все, что угодно, — сказал Герцог. — Мы всегда можем свалить вину на погоду. Берите этого Кайнза и узнайте, по крайней мере, где расположены эти базы.

— Здесь есть опасные пути, — сказал Хават. — Дункан хорошо осветил одно обстоятельство: Эти базы или представление о них имеют большое значение для Свободных. Мы можем отвернуть их от себя, если займемся этими базами.

Пол оглядел всех присутствующих и заметил, как напряженно они слушают каждое слово. Казалось, настроение его отца глубоко их тревожило.

— Послушай его, отец, — сказал Пол. — Он говорит правду.

— Сэр, — сказал Хават. — Эти базы могли бы дать нам материал для ремонта всего оставленного нам оборудования и все же, по стратегическим соображениям они находятся вне нашей досягаемости. Было бы опрометчиво действовать, не имея глубоких знаний. Этот Кайнз — влиятельный арбитр из Империи. Мы не должны этого забывать. И Свободные от него зависят.

— Тогда сделайте все помягче, — сказал Лето. — Я хочу только знать, существуют ли эти базы.

— Как пожелаете, сэр, — Хават сел, опустив глаза.

— Что ж, хорошо, — сказал Герцог. — Мы знаем, что нас ждет впереди. Работа. Мы к этому готовились и у нас есть некоторый опыт. Мы знаем, какова награда и альтернатива достаточно ясна. Каждый из нас имеет свою задачу. — Он посмотрел на Хэллека. — Гурни, прежде всего займись контрабандистами.

— «Я пойду к повстанцам, обитающим на сухих землях», — пропел Хэллек.

— Однажды мне удастся поставить этого человека в такое положение, что он не сможет подобрать цитаты, и он сразу будет выглядеть неодетым.

Послышались смешки, но Пол уловил в них некоторую натянутость.

Герцог повернулся к Хавату.

— Подготовь на этом этаже службы и коммуникации, Зуфир. Когда сделаешь это, я хочу тебя видеть.

— Хават встал и оглядел присутствующих. Потом он пошел к выходу. Остальные поспешно задвигались, гремя стульями и стараясь скрыть смущение за этой торопливостью.

Все закончилось смущением, подумал Пол, следя за тем, как выходит последний человек. Раньше заседания штаба заканчивались не так.

Впервые Пол позволил себе задуматься над реальной возможностью поражения — не из-за страха или предупреждения Преподобной Матери, но лишь ради объективной оценки реальности.

Мой отец в отчаянном положении, думал он. Дела складываются для нас не очень хорошо. И Хават — Пол вспомнил, как старый ментат вел себя на совещании — неуверен, колеблется, выказывает признаки тревоги. Хават был чем-то глубоко взволнован.

— Тебе лучше провести остаток ночи здесь, сын, — сказал Герцог. — Скоро уже рассвет. Я сообщу об этом твоей матери. — Медленно и устало он поднялся на ноги. — Почему бы тебе не отдохнуть?

— Я не слишком устал, сэр.

— Как хочешь.

Герцог сложил руки за спиной и начал медленно прохаживаться вдоль стола.

Он как лев в клетке, подумал Пол.

— Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность предательства? — спросил Пол.

Герцог остановился перед сыном и проговорил, глядя в окно:

— Мы обсуждали эту возможность много раз.

— Похоже, что старик верит в то, что говорит, — сказал Пол. — И записка, полученная матерью...

— Предосторожности приняты, — сказал Герцог.

Он оглядел комнату, и Пол увидел охотничий огонек, зажегшийся в его глазах.

— Оставайся здесь. Я должен обсудить с Зуфиром кое-какие вопросы.

Он повернулся и вышел из комнаты, коротко кивнув охране у дверей.

Пол пристально смотрел на то место, где стоял его отец. Оно опустело даже раньше, чем Герцог вышел из комнаты. И он вспомнил предупреждение старой женщины:

«... для твоего отца — ничего...»

«В тот первый день, когда Муад Диб шел со своей семьей по арракинским улицам, некоторые из встречавшихся людей вспоминали легенды и пророчества и кричали: «Муад!» Но в их криках слышался скорее вопрос, нежели утверждение, ибо пока они могли только надеяться на то, что он является предсказанным Лизан ал-Гаибом. Их внимание было также приковано к матери, потому что они слышали о том, что она похожа на других Лизан ал-Гаиб».

«Сведения о Муад Диб» принцессы Ирулен.

Герцог нашел Хавата одного в комнате, указанной ему охраной. В соседней комнате, где люди расставляли оборудование, было шумно, но здесь было абсолютно тихо. Пока Хават поднимался из-за заваленного бумагами стола, Герцог огляделся. Это была комната с зелеными стенами. Кроме стола, в ней находилось три кресла. Поспешно стертая с них буква «Х» оставила красный след.

— Кресла очищены и вполне безопасны, — сказал Хават. — Где Пол, сэр?

— Я оставил его в конференц-зале. Надеюсь теперь, когда я его не смущаю, он сможет немного отдохнуть.

Хават кивнул, подошел к двери, закрыл ее и шум сразу утих.

— Зуфир, — сказал Лето. — Мое внимание привлекли запасы спайса Империи и Харконненов.

— Что именно, мой господин?

Герцог поджал губы.

— Склады весьма непрочны, — Хават начал было говорить, но Герцог поднял руку. — Оставим в покое запасы Императора. Он был бы в тайне рад, если бы Харконненны пришли в замешательство. А может ли Барон возражать, если разрушить нечто такое, что он не сможет признать своим открыто?

Хават покачал головой.

— У нас нет лишних людей, сэр.

— Возьми немного у Айдахо. А может быть, кому-нибудь из Свободных доставит удовольствие прогулка по планете.

— Как скажете, мой господин, — Хават отвернулся. Видя, что старик нервничает, Герцог подумал: «Возможно, он подозревает, что я ему не доверяю. Он должен знать, что я имею информацию о предательстве. Что ж, лучше всего немного успокоить его».

— Зуфир, — сказал он, — поскольку ты один из немногих, кому я могу доверять полностью, мы должны немедленно обсудить еще один вопрос. Мы оба знаем, какими бдительными нам нужно быть, чтобы воспрепятствовать предателям проникнуть в наши ряды... но у меня есть два новых сообщения.

Хават обернулся и посмотрел на него. Лето повторил рассказанное Полом. Вместо того, чтобы ввергнуть ментата в состояние напряженной сосредоточенности, услышанное им лишь усилило его волнение.

Понаблюдав за стариком, Лето сказал:

— Ты что-то скрываешь, старина. Мне следовало понять это тогда, когда ты так нервничал на совещании штаба. Что же это такое важное, что нельзя было сообщить об этом всем присутствующим?

Красные губы Хавата вытянулись в тонкую ниточку. На них сильнее обозначились черточки морщин. Они стали еще глубже, когда он проговорил:

— Мой господин, я не знаю, как об этом сказать.

— Мы причиняем друг другу лишь страдания. Ты знаешь, что со мной можно говорить обо всем, Зуфир.

Хават продолжал смотреть на него, думая: «Вот таким я люблю его больше всего. Он человек чести и заслуживает того, чтобы до конца рассчитывать на мою преданность и усердие. Почему я должен причинять ему боль?»

— Итак? — спросил Лето.

Хават пожал плечами.

— Все дело в клочке записки. Мы отобрали ее у курьера Харконненов. Она была предназначена для агента по имени Парди. У нас были веские причины считать, что Парди — глава здешней сети Харконненов. Она может иметь и большое значение и абсолютно никакого. Все зависит от восприятия ее.

— Каково же содержание этой записки?

— Ключка записки, мой господин. Она была сделана на пленке и к ней, как обычно, была привязана капсула со взрывчатым веществом. Мы смогли получить лишь клочок от записки. Тем не менее, этот клочок имеет чрезмерную важность.

— Ну?

Хават облизнул губы.

— В ней говорится: «...его никогда не станут подозревать, и когда на него обрушится удар любой руки, одного этого будет достаточно, чтобы его уничтожить». На записке была собственная подпись Барона, я ее узнал.

— Твои подозрения очевидны. — сказал Герцог с внезапным холодом в голосе.

— Я бы скорее позволил отрезать свои руки, чем причинить вам боль, — сказал Хават. — Господин, если...

— Леди Джессика, — сказал Лето, чувствуя, как его захватывает волна гнева. — Неужели ты не мог выудить правду у этого Парди?

— К несчастью, Парди больше не было в живых, когда мы перехватили курьера. Курьер же, я в этом уверен, не знал, что нес-

— Понимаю.

Лето покачал головой, думая: «Как все это отвратительно. Ничего подобного быть не может. Я знаю свою женщину».

— Мой господин, если...

— Нет! — рявкнул Герцог. — Здесь ошибка.

— Мы не можем оставить этот факт без внимания, мой господин.

— Она со мной шестнадцать лет! У нее было бесчисленное число возможностей для того, чтобы... Ты сам изучал школу и женщину!

Хават горько проговорил:

— Уже известно, что факты могут проходить мимо меня.

— Говорю тебе, что это невозможно. Харконнены хотят уничтожить род Атридесов, включая и Пола. Они уже однажды пытались. Может ли женщина замышлять что-то против сына?

— Возможно, против собственного сына она не действует. А вчерашняя попытка могла быть хитрым трюком.

Она же сама раскрыла этот трюк.

— Сэр, она утверждает, что он ей известен? Что она сирота и сиротой ее сделали Атридесы?

— Она могла бы начать действовать давным-давно. Подсыпать яд в мое питье... вонзить ночью стилет. У кого была лучшая возможность?

— Харконнены хотят уничтожить нас, мой господин. В их намерение входит не только убийство. Вендетта должна быть настоящим искусством.

Плечи Герцога поникли. Он закрыл глаза и казался старым и

сталым. «Этого не может быть. Женщина открыла мне свое сердце».

— Можно ли придумать лучший способ уничтожить меня, ем посеять во мне подозрения о женщине, которую я люблю?»

— Я обдумал эту возможность, — сказал Хават, — и все же.

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата, думая: «Пусть он подозревает. Подозрения — это по его части. Может быть, если я притворюсь, что поверил в это, тот, другой, станет менее осторожным».

— Что ты предлагаешь? — прошептал Герцог.

— Постоянное наблюдение с этой минуты, мой господин. Она должна быть под надзором в любое время суток. Я прослежу за тем, чтобы это было так. Айдахо был бы идеальным человеком для подобной работы. Может быть, через неделю нам удастся заставить его обратно. В его отряде есть один молодой человек, бученный нами настолько хорошо, что он мог бы служить идеальной заменой Айдахо у Свободных. Он искушен в делах дипломатии.

— Не рискуй такими делами со Свободными.

— Конечно, нет, сэр.

— А что насчет Пола?

— Возможно, мы могли бы побеспокоить доктора Уйе.

Лето снова повернулся к Хавату.

— Оставляю это на вас.

— Я буду благодарен, мой господин.

Ну что ж, по крайней мере, я могу рассчитывать на это, подумал Герцог. Потом он сказал:

— Я немного пройду. Если понадобится, я буду где-нибудь поблизости. Охранник может...

— Мой господин, прежде, чем мы уйдем, я хотел бы, чтобы вы прочли фильмокнигу. Это приблизительный анализ религии свободных. Вы, я помню, просили меня сделать об этом сообщение.

Герцог помедлил, потом, не оглядываясь, сказал:

— С этим нельзя подождать?

— Конечно, мой господин. Но вы спрашивали, что они кричали. Это было «Муад». Они обращались к молодому мистеру. Тогда они...

— К Полу?

— Да, мой господин. У них есть легенда о том, что к ним зится вождь, ребенок Бене Гессери, и поведет их к истинной юбоде.

— И они думают, что Пол этот... этот...

— Они только надеются, мой господин.

Хават протянул капсулу с книгой. Герцог взял ее и опустил в карман.

- Я посмотрю попозже.
- Конечно, мой господин.
- Сейчас мне нужно время подумать.
- Да, мой господин.

Герцог глубоко вздохнул и вышел. Очутившись в коридоре он повернул налево и пошел, заложив руки за спину и почти не обращая внимания на то, где он находится. Мелькали лестницы, коридоров, балконы, холлы, люди, приветствующие его и уступающие ему путь.

Вернувшись в конференц-зал, он нашел его погруженным в темноту, а Пола — спящим на стуле, укрытым робой охранник с грязным тюком под головой. Герцог тихо прошел по комнате, вышел на балкон и оглядел посадочное поле. Охранник, стоявший в углу балкона, при слабом свете узнал его и встрепенулся в ожидании приказа.

— Вольно, — сказал Герцог и прислонился к холодному металлу балконной решетки. Пустыня была окутана предраассветной тишиной. Неподвижные звезды над его головой казались блестящими на темно-голубом небе. Низко над южным горизонтом сквозь тонкую дымку проглядывала полная луна. Свет ее казался открытым и циничным.

Пока Герцог стоял так, наблюдая, луна скользнула за защитную стену, заливая их холодным светом, и оказавшись во внезапно стеснившейся темноте, он ощутил озноб и вздрогнул.

Злоба кольнула его острой иглой.

Харконнены мешают мне, травят меня, охотятся на меня, переставая, подумал он. Назойливые дряни с полицейскими мешками! Здесь я стою на своих ногах! Руки его бессознательно потянулись к эмблеме на тунике.

На востоке возникли светящиеся полосы, потом образовали просветы, заставившие померкнуть звезды. Началось торжественное шествие зари сквозь разбитый горизонт. Она была так красива, что он забыл обо всем. Есть вещи, не поддающиеся описанию, подумал он.

Он никогда не думал, что здесь можно найти нечто подобное этой красоте.

— Прекрасное утро, сэр, — сказал за спиной охранник.

— Да, прекрасное.

Герцог кивнул, думая: «Возможно эта планета способна давать жизнь. Возможно, она будет домом для моего сына».

Потом он увидел человеческие фигуры, движущиеся по четкому полю. Это были собиратели росы. Вода здесь так ценна, что собирать нужно даже росу.

Но она может оказаться и камерой, думал Герцог.

«Быть может, самым ужасным моментом познания является то, когда ты понимаешь, что твой отец — обычный человек из плоти и крови».

*Собрание высказываний Муад
Дибя, принцессы Ирулен.*

Герцог сказал:

— Пол, то, что я думаю, ужасно, но я должен это сделать.

Он стоял возле портативного адоскупера, принесенного в конференц-зал к их завтраку. Чувствительная рука прибора мягко висела над столом, напоминая Полу некое таинственное, ныне умершее животное.

Внимание Герцога было направлено на окна, выходившие на засадочное поле и клубы пыли за ним на фоне утреннего неба. Перед Полем стоял аппарат с фильмом о религиозных обрядах вободных. Он был составлен одним из экспертов Хавата, и Пол обнаружил, что воспоминание о фильме волнует его воображение! изан ал-Ганб!

Он мог закрыть глаза и вспомнить крики толпы. Так вот, на о они надеются, подумал он. И он вспомнил, что сказала старая реподобная Мать: «Квизац Хадерах». Воспоминания вызвали нем чувства, связанные с ужасной целью затенить этот страшный мир, наполненный непонятной ему враждебностью.

— Отвратительно, — сказал Герцог.

— О чем вы говорите, сэр?

Лето повернулся к своему сыну и посмотрел на него.

— О том, что Харконнены думают, будто смогут обмануть ня, посеять недоверие к твоей матери. Они не знают, что скорее не буду доверять себе.

— Я не понимаю, сэр.

Лето опять повернулся к окну. Белое солнце находилось в том самом месте, где ему было положено находиться по утрам.

Медленно, говоря тихо, чтобы не выдать свой гнев, Герцог рассказал Полу о таинственной записке.

— Вы бы могли и меня ввести в заблуждение, — сказал Пол.

— Они должны думать, что им это удалось, — сказал Герцог. — Они должны считать, что я настолько глуп. Все должно быть естественным. Даже твоя мать не должна знать об этой хитрости.

— Но, сэр, почему?

— Ответом твоей матери не должно быть действие. О, она способна на высший акт, но на карту поставлено слишком много. Я надеюсь выкурить предателя из его норы. Пусть они считают, что им удалось обмануть меня.

— Почему вы говорите мне об этом? Может быть, я выдаю все это.

— В данном случае, за тобой следить не будут, — сказал Герцог. — Ты будешь хранить секрет. Ты должен. — Он подошел к окну и проговорил, не оглядываясь: — Но если со мной что-то случится, ты можешь рассказать ей правду — что я никогда в нем не сомневался. Я хочу, чтобы она это знала.

Пол поняв, что отец говорит о смерти, быстро проговорил:

— С вами ничего не должно случиться, сэр. Это...

— Помолчи, сын.

Пол смотрел на отца и видел усталость в повороте его шеи, сутулости плеч, замедленности движений.

— Вы просто устали, отец.

— Да, я устал, — согласился Герцог. — Я морально устал. Меланхолический процесс упадка Великих Домов захватил, и меня. А когда-то мы были очень сильны.

— Пол быстро и сердито проговорил:

— Упадок не коснулся нашего Дома!

— Разве?

Герцог повернулся, посмотрел на лицо сына и тот увидел темные круги под глазами и циничную усмешку, искривившую его губы.

— Мне следовало бы обвенчаться с твоей матерью, сделать герцогиней. Но... мое холостяцкое положение оставляло надежду некоторым Домам, что через их дочерей возможен союз с нами. Он пожал плечами. — Так что я...

Мать объясняла мне это.

— Ничто не приносит предводителю большего расположения, чем бравада, — сказал Герцог, — и я вынужден был напускать на себя этот вид.

— Ты хорошо руководишь, запротестовал Пол. — Ты хороший руководитель. Люди охотно следуют за тобой и любят тебя.

— Мои отряды пропаганды — одни из лучших, — сказал Герцог. Он опять отвернулся к окну. — Здесь, на Арраки, у нас есть большие возможности, чем может предполагать Империя. И я все иногда думаю, что для нас было бы лучше, если бы мы ушли от этого, отступили. Иногда я желаю, чтобы мы безвестно растворились среди этих людей, могли стать менее выставленными на показ.

— Отец!

— Да, я устал, — сказал Герцог. — Тебе известно, что мы используем остаток спайса в качестве сырья и имеем уже собственную фабрику по производству пленки?

— Что, сэр?

— Мы не можем оставаться без пленки, — сказал Герцог. — Кроме этого, как мы бы смогли снабдить информацией периферию? Люди должны знать, как я хорошо ими правлю. Как они об этом узнают, если мы сами об этом не скажем?

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Пол.

И снова Герцог посмотрел в лицо своему сыну.

— У Арраки есть еще одно преимущество, о котором я почти забыл упомянуть. Спайс здесь везде. Им дышишь, его ешь, он почти во всем. И я нахожу, что это создает некоторый иммунитет против самых распространенных ядов. А необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство под строжайший контроль. Мы не можем уничтожить большую часть населения, и мы также не можем подвергнуться такого рода нападению. Арраки делает нас безупречными в моральном и этическом отношениях.

Пол начал было говорить, но Герцог прервал его, сказав:

— Мне необходим был кто-то, кому я мог бы все высказать, сын. — Он вздохнул, снова посмотрел на сухой ландшафт, с которого теперь исчезли даже цветы, затоптанные сборщиками росы и увянувшие под ранним солнцем.

— На Келадане мы правили, опираясь на мощь моря и воздуха, — сказал Герцог. — Здесь мы должны использовать мощь пустыни. Это то, что ты получишь в наследство, Пол. Что станет с тобой, если что-то случится со мной? Твой Дом не будет больше в упадке, он станет бегущим и преследуемым.

Пол глотнул, подбирая слова, и не мог найти ни одного. Он никогда не видел своего отца настолько упавшим духом.

— При попытке удержать Арраки, — сказал Герцог, — неизбежно встает вопрос, решением которого является самоуважение. — Он указал в окно на знамена Атридесов, безжизненно свисающие с флагштоков, установленных по краям посадочного поля. — Эти честные знамена могут означать массу дьявольских вещей.

Пол глотнул пересохшим горлом. За словами отца пряталась бесполезность, чувство фатализма, от которых в груди мальчика возникла пустота.

Герцог достал из кармана таблетку от усталости, проглотил ее, не запивая.

— Власть и страх, — сказал он, — вот инструменты управления государством. Я должен приказать, чтобы тебя усиленно обучали искусству ведения партизанской войны. Этот фильм, в случае крайней необходимости, мог бы помочь тебе.

Пол, не отрываясь, смотрел на отца, видя, как по мере действия таблетки расправляются его плечи, но помня при этом слова, полные страха и сомнения.

— Что-то задерживает эколога, — пробормотал Герцог. — Я велел Зуфиру привести его как можно скорее.

* * *

«Однажды мой отец, Падишах-Император, взял меня за руку и я, следуя способом, полученным мною от матери, почувствовала, что он беспокоен. Он повел меня в портретную галерею и остановился перед портретом Герцога Лето Атридеса. Я заметила между ними — моим отцом и человеком на портрете — большое сходство: у обоих были художавые благородные лица с острыми чертами и преобладающими над всем холодными глазами. «Дочь, — сказал мне отец, — я хотел бы, чтобы ты была старше, когда для этого человека наступит время выбирать женищину». Моему отцу в то время было 70 лет, но он выглядел не старше человека на портрете, а мне было 14 лет, и все же я помню, что в то мгновение пришла к выводу, что мой отец втайне желает иметь Герцога своим сыном и ненавидит политическую необходимость, вынуждающую их быть врагами».

«В доме моего отца», принцессы Ирулен.

Первая встреча с людьми, которых он приказал предать, потрясла доктора Кайнза. Он гордился тем, что был ученым, для которого легенды были лишь любопытными возможностями, путями к познанию сущности культур. Но мальчик так хорошо подходил к древнему поверью. У него были вопрошающие глаза и вид сдерживаемой искренности.

Легенда, конечно, была весьма терпимой к тому, когда матери-богине следует привести с собой мессию или предоставить ему поле деятельности. И все же между предсказаниями и людьми существовала странная согласованность.

Они встретились в разгар утра за административным зданием посадочного поля. Стоявший неподалеку ориентатор без опознательных знаков тихонько гудел, как дремлющее насекомое. Возле него с обнаженным клинком, огражденным защитным полем стоял охранник Атридесов.

С усмешкой посмотрев на защитное поле, Кайнз подумал: «Арраки готовит для них сюрприз».

Планетолог поднял руку, давая знать своим охранникам — Свободным, что следует отступить. Сам он прошел вперед ко входу в здание. Его внимание привлекло движение по ту сторону входа. Он остановился, воспользовавшись этим, чтобы поправить свою форму и складку стилисьюта на левом плече.

Входная дверь распахнулась. В нее легко скользнули охранники Атридесов, все вооруженные до зубов пистолетами, ножами и защитными полями. За ними шел высокий человек с ястребиным лицом, темнокожий, с темными волосами. На нем был плащ с эмблемой Агридеса на груди, и то, как он носил его, выдавало его плохое знакомство с этим видом одежды. С одной стороны плащ прилип к закрытой стилисьютом ноге, и это лишало его фигуру свободного покачивания, нарушало ритм его шагов.

Рядом с мужчиной шел юноша с такими же темными волосами. Юноша казался слишком маленьким для своих 15 лет. Кайнзу был известен возраст его. Но юное тело излучало властность, уверенность в себе, как будто он знал нечто, неведомое всем остальным. И на нем был такой же плащ, как и на его отца, но носил он его со спокойной непринужденностью, как будто подобная одежда была ему давно знакома.

Кайнз покачал головой, думая про себя: «Они всего лишь люди».

Вместе с ними вошел еще один человек, которого Кайнз сразу узнал — Гурни Хэллек. Кайнз глубоко вобрал в себя воздух, усмиряя поднявшееся в нем негодование — этот человек поучал его, как вести себя с Герцогом и его наследником. Кайнз думал, следя за приближающейся группой: «Очень скоро они узнают все, кто хозяин на Арраки». Они хотели знать все, что касается спайса, а также о базах. И было очевидно, что о базах они узнали от

Айдахо. «Я заставлю Стилгара послать голову Айдахо этому Герцогу», — думал Кайнз. Свита Герцога была теперь в нескольких шагах. Песок хрустел под ногами подходящих.

Кайнз поклонился.

Подходя к одинокой фигуре, Лето изучал ее: высокий, худой, детский для пустыни в свободную робу, стилсют и низкие башмаки. Капюшон человека был отброшен назад, сетка висела сбоку, оставляя открытыми длинные рыжеватые волосы и редкую бороду. Глаза были бездонно голубые под густыми бровями.

— Вы эколог? — сказал Герцог.

— Мы здесь предпочитаем старые титулы, — сказал Кайнз. — Планетолог.

— Как вам угодно, — сказал Герцог, и посмотрел на Пола. — Сын, это судья по изменениям, арбитр споров, человек, который оставлен здесь следить, подчиняются ли местные властям. — Он посмотрел на Кайнза. — А это мой сын.

— Вы Свободный? — спросил Пол.

Кайнз улыбнулся.

— Меня принимают и в сетче, и в деревне, молодой мистер. Но я — имперский планетолог, находящийся на службе у Его Величества.

Пол кивнул. Уверенный вид человека произвел на него впечатление. Хэллек показывал Полу Кайнза из окна административного здания. Пол изучал Кайнза в бинокль, отметив его чопорность. Хэллек сказал Полу на ухо:

— Станный парень. Очень четкая манера говорить, — краткая, никаких неточностей. Как бритвой режет.

И Герцог сказал за их спиной:

— Тип ученого.

Теперь, находясь лишь в нескольких шагах от человека, Пол почувствовал, что сила Кайнза заключается в его собственной личности, как будто в жилах того текла королевская кровь, и он был рожден повелевать.

— Насколько я понимаю, вам пришлось подумать о наших стилсютах и этих плащах, — сказал Герцог.

— Надеюсь, они хорошо подошли к вам, мой господин, — сказал Кайнз. — Они были изготовлены Свободными и так скоро, как приказал ваш человек Хэллек.

— Я узнал о том, что вы сказали, что не сможете взять нас в пустыню до тех пор, пока не наденем эти доспехи, — сказал Герцог.

— Мы не можем нести достаточное количество воды. Мы не намерены пробыть долго и будем прикрыты сверху. Эскорт вы можете видеть. Маловероятно, что мы подвергнемся нападению снизу.

Кайнз пристально посмотрел на него: видя плоть, пропитан-

ную водой. Он холодно проговорил:

— На Арраки никогда не следует говорить о неприятности. Здесь говорят о возможности.

Хэллек окаменел.

— К Герцогу нужно обращаться «мой господин» или «сэр».

Герцог остановил его движением руки и сказал:

— Наши дороги новы и мы должны делать скидки.

— Как вам угодно, сэр.

— Мы в долгу перед вами, доктор Кайнз. Эти костюмы и затраты на организацию не будут забыты.

Слова отчетливо прозвучали в сухом воздухе. Повинуясь внезапному импульсу, Пол вызвал в памяти цитату из Библии и сказал:

— «Подарок — благоденствие для того, кто дарит».

Свободные, эскортирующие доктора Кайнза, резко выпрямились. Один из них крикнул:

— Лизан ал-Гаиб!

Кайнз повернулся и коротким резким жестом заставил охрану вернуться на свое место. Они отошли, переговариваясь между собой, и снова заняли прежние позиции.

— Очень интересно, — проговорил Лето.

Бросив жесткий взгляд на Герцога и Пола, Кайнз сказал:

— Большинство здешнего населения пустынь очень суеверно. Не обращайтесь на них внимания, они не имеют в виду ничего плохого. — Но про себя он повторял слова легенды: «Они будут приветствовать тебя священными словами, а твои подарки станут для тебя благоденствием».

Оценка Лето Кайнза, основанная частично на кратком отчете Хавата — сдержанном и полном подозрений — внезапно стала ясна. Этот человек был Свободным. Кайнз явился с эскортом из Свободных, что просто могло означать, что Свободные проверяли свою новую привилегию занимать городские должности — но эскорт казался надежным. И его манеры отличали в нем свободного и гордого человека, привыкшего к свободе. И в речи своей, и в языке он руководствовался только собственными заключениями. Вопрос Пола был прямым и ужасным. Кайнз был аборигеном.

— Не следует ли нам отправиться, сэр? — спросил Хэллек.

Герцог кивнул.

— Я полечу в моем собственном топтере, Кайнз может сесть передо мной, чтобы указывать дорогу, ты и Пол займете задние сидения.

— Одну минуту, пожалуйста, — сказал Кайнз. — С вашего разрешения я должен проверить безопасность ваших костюмов.

Герцог начал было возражать, но Кайнз продолжал настаивать:

— Я забочусь о вас так же, как и о себе... мой господин. Мне хорошо известно о тех угрозах, которых следует опасаться, пока вы находитесь на моем попечении.

Герцог нахмурился, думая: «До чего же мучительный момент! Если я откажусь, то могу его обидеть. А он может оказаться таким человеком, который нам нужен. Но... пропустить его внутрь моего защитного поля, разрешить касаться меня, когда я так мало его знаю?»

Все эти мысли промелькнули в его голове, а вслед за ними пришло решение:

— Мы к вашим услугам, — сказал Герцог. Он шагнул вперед, распахнул свою робу и увидел, как Хэллек рванулся было вперед, настороженный и встревоженный, но все же остался на своем месте. — И если вы так добры, — добавил Герцог, — я хотел бы получить объяснение об этом костюме от того, кто его хорошо знает.

— Конечно, — сказал Кайнз. Он нащупал застежку на плече. — В основе его лежит микрослойный фильтр высокого коэффициента и теплообменная система. — Он снял застежку с плеча. — Слой контакта с кожей пористый. Испарения проходят через него, охлаждая тело... почти нормальный процесс испарения. Два следующих слоя... — Кайнз приладил костюм на груди, — включают в себя волокна теплообмена и охлаждения солей. Соль регенерируется.

Поднимая руку, Герцог сказал:

— Очень интересно.

— Дышите глубже, — сказал Кайнз.

Герцог повиновался.

Кайнз изучал расположение застежек под мышками и исправил одну.

— Движения тела, особенно дыхания, — сказал он, — и некоторые астматические действия обеспечиваются работой насоса, — и немного освободил грудь. — Регенерированная вода проходит через тормозное устройство, откуда вы ее получаете по трубке, отведенной к зажиму у вашей шеи.

Герцог повернул подбородок и посмотрел на конец трубки.

— Достаточно и убедительно, — сказал Герцог. — Хорошее проектирование.

Кайнз встал на колени, осматривая зажимы на ногах.

Моча и кал подвергаются процессу в бедренных корзинах, — сказал он, вставая и еще раз осматривая шею, подняв там секционный клапан. — На открытом пространстве этот фильтр находится у вашего лица, эта грубка в ноздрях, а эти предохранители защищают от горячего воздуха. Дыхание осуществляется через фильтр у рта, выходит же воздух через трубку носа. Когда костюм

действует хорошо, за день теряется не больше глоточка влаги, даже если попадешь в Великий Эрг.

— Глоточек в день... — сказал Герцог.

Нажав пальцами на лобную подушечку костюма, Кайнз сказал:

— Она может немного тереть. Если это будет вас раздражать, скажите, пожалуйста, мне. Я могу сделать ее немного плотнее.

— Примите мою благодарность, — сказал Герцог. Он пошевелил плечами под костюмом и обнаружил, что он теперь сидит лучше и плотнее и не так раздражает его.

— А теперь давай займемся тобой, мальчик.

Хороший человек, но ему следовало бы знать как с нами обращаться, подумал Герцог.

Пока Кайнз осматривал костюм, Пол стоял пассивно. Надевая костюм, он испытывал странное чувство. Его сознание говорило ему, что ему раньше никогда не приходилось его носить. И все же каждое движение было ему знакомо.

Кайнз выпрямился и отступил с озадаченным выражением лица.

— Вы раньше носили стильсьют? — спросил он.

— Нет, в первый раз.

— Значит, кто-нибудь подогнал его на вас?

— Нет.

— Вы хорошо все сделали. Кто велел вам так сделать?

— Это... казалось само собой разумеющимся.

И Кайнз потер щеку, вспоминая слова легенды: «Он будет знать ваши пути, как будто был рожден для них».

— Мы теряем время, — сказал Герцог. Он махнул рукой в сторону корабля и направился к нему, кивком головы ответив на приветствие охраны. Поднявшись в него, он пристегнул ремни, проверил управление и приборы. Судно закрипело, когда в него стали собираться остальные.

Кайнз пристегнул ремни и сосредоточил внимание на внутренней отделке судна — роскошная мягкая серо-зеленая обивка, сверкающие приборы, ощущение чистого и профильтрованного воздуха, когда двери захлопнулись и заработала вентиляция. Как мягко, подумал он.

— Все в полном порядке, сэр, — сказал Хэллек.

Лето включил мотор и почувствовал, как дрогнули и зарылись в воздух крылья. Корабль поднялся на десять метров.

— К юго-востоку над Защитной стеной. — сказал Кайнз. — Там я велел специалисту сосредоточить свое оборудование.

— Хорошо.

Герцог развернул корабль, а все остальные суда заняли охранную позицию.

Оформление и материал этих костюмов говорят о прекрасной приспособляемости.

— Как-нибудь я покажу вам сетч-фабрику, — сказал Кайнз.

— Это было бы очень интересно, — сказал Герцог. — Я заметил, что подобные костюмы производятся также в некоторых гаризонных городах.

— Местные костюмы, — сказал Кайнз. — На Дюне любой человек, дорожающий своей шкурой, носит костюм Свободных.

— И он так сохраняет влагу, что теряет лишь глоток в день?

— Когда костюм надет верно, то влага в основном теряется через ладони, — сказал Кайнз. — Если руки не нужны для неотложной работы, то можно носить перчатки, но большая часть Свободных в пустыне протирает руки соком листьев креозотового куста. Это тоже препятствует испарению.

Герцог посмотрел налево, на неровный ландшафт Защитной стены.

Кайнз сидел, откинувшись на спинку сидения, и думал о плохи, полной воды, которую он ощущал под костюмами. Поверх робони носили защитные пояса, на груди — пулевое оружие. И у Герцога, и у его сына на запястьях висели ножны с ножами, причем ножны имели довольно потертый вид. Эти люди поразили Кайнза странным сочетанием мягкости и чрезвычайной настороженности. Это делало их полной противоположностью Харконненов.

— Когда вы будете сообщать Императру об изменении здесь правительства, дадите ли вы ему знать, что мы изучаем законы? — спросил Лето.

Он посмотрел на Кайнза и снова перенес свое внимание на приборы.

— Харконнены пришли, вы ушли, то есть наоборот.

— И все-таки, как должно быть? — спросил Герцог.

На какое-то мгновение скулы Кайнза напряглись.

— Как политолог и судья по изменениям, я непосредственный подданный империи...

Герцог мрачно улыбнулся.

— Но истинное положение вещей известно нам обоим.

— Напоминаю вам, что Его Величество поддерживает мою работу.

— Вот как? И в чем же заключается ваша работа?

В наступившем кратком молчании Пол подумал: «Он слишком прижал этого Кайнза». Он посмотрел на Хэллека, но тот пристально разглядывал внизу ландшафт.

Кайнз жестко проговорил:

— Вы, конечно, говорите о моей обязанности планетолога?

— Конечно.

— Она состоит, главным образом, из ботанических и биологических работ, частично из геологических — бурение и пробы. Никогда нельзя полностью исчерпать возможности планеты.

— Вы изучаете также и спайс?

Кайнз обернулся и Пол заметил жесткую складку на его щеке.

— Любопытный вопрос, мой господин.

— Не забывайте, Кайнз, о том, что теперь это мое владение. Мои методы отличаются от методов Харконненов. Я не возражаю против изучения спайса, только, чтобы мне было известно о том, что вы узнали. — Он посмотрел на планетолога. — Харконнены одобряли изучение спайса, не правда ли?

Кайнз откинулся на спинку кресла, не отвечая.

— Вы можете говорить прямо, не боясь за свою жизнь, — сказал Герцог.

— Во всяком случае, Имперский суд находится достаточно далеко, — пробормотал он, и подумал: «Что ожидает этот захватчик воды? Неужели он считает, что мы такие дураки, что захотим заручиться его поддержкой?»

Герцог кашлянул, привлекая его внимание к их маршруту.

— Я заметил недовольную ноту в вашем голосе. Мы хотим, чтобы вы немедленно признали нас отличными от Харконненов.

— Я читал пропаганду, которой вы наводнили сетчи и деревни, — сказал Кайнз. — «Любите вашего Герцога! Ваши тела...»

— А ну, довольно! — рявкнул Хэллек.

Оторвавшись от окна, он подался вперед. Пол положил руку на его плечо.

— Гурни! — сказал Герцог и оглянулся. — Этот человек долго находился под властью Харконненов.

— Хэллек принял прежнее положение.

— Хорошо.

— Ваш человек Хават хитер, но предмет его занятий достаточно скучен, — сказал Кайнз.

— Так вы покажете нам эти базы?

Кайнз коротко ответил:

— Они собственность Императора.

— Они не использовались.

— Они могли бы использоваться.

— Император тоже так считает?

Кайнз бросил на Герцога жесткий взгляд.

— Арраки могла бы стать Эдемом, если бы ее правители интересовались чем-то другим, кроме спайса.

Он не ответил на мой вопрос, подумал Герцог. Вслух он сказал:

— Как сможет планета стать Эдемом без денег?

— Что толку в деньгах, если на них нельзя купить услуги, в которых вы нуждаетесь? — возразил Кайнз.

«А, вот оно что?», — подумал Герцог. Он сказал:

— Мы обсудим этот вопрос попозже. А теперь, как мне кажется, мы приближаемся к краю Защитной стены. Мне нужно держаться того же курса?

— Да, — пробормотал Кайнз.

Пол посмотрел вниз. Разбитая земля уступила место бесплодной каменистой пустыне и скальным выступам пород. За выступами уходили к горизонту дюны, а вдали темные пятна, говорившие о чем угодно, только не о песках. Возможно, крупные выступы пород. Пол не мог разглядеть этого в жарком воздухе.

— А там есть какая-нибудь растительность? — спросил Пол.

— Кое-какая, — ответил Кайнз. — Эта зона большая часть территории, где живут те, кого мы называем «мелкими водными посетителями». Они приспособились совершать друг на друга набег с целью отнять драгоценную воду и моментально заматают за собой следы. Некоторые части пустыни полны жизни. Но все живое знает, что делать, чтобы выжить в этих местах. Окажись там вы, вам бы пришлось приспособиться или погибнуть.

— Вы хотите сказать — красть воду друг у друга? — спросил Пол. Эта мысль казалась ему чудовищной и голос выдал его волнение.

— И это тоже, — сказал Кайнз. — Но я имел в виду другое. Видите ли, мой климат требует другого отношения к воде. Нужно знать о воде все. Нельзя терять ничего, содержащего влагу.

«Мой климат», — подумал Герцог.

— Поверните на два градуса южнее, мой господин, — сказал Кайнз. — С запада поднимается ветер.

Герцог кивнул. Он видел в этот момент клубы коричневой пыли. Он развернулся и эскорт тоже развернулся вслед за ним.

— Похоже на то, что это край бури, — сказал Кайнз.

— Песок должен быть опасен, если попасть в его скопление, — сказал Пол. — Он действительно может разрезать самый крепкий металл?

— На такой широте это не песок, а пыль. Опасность, когда нет видимости, когда все скрыто пылью.

— Мы увидим сегодня настоящую разработку спайса? — спросил Пол.

— Весьма вероятно, — ответил Кайнз.

Пол выпрямился. Он пользовался вопросами и проявлял любознательность для того, чтобы провести, как называла это его мать, отметку личности. Сейчас он занимался Кайнзом — звучанием его голоса, каждой деталью его лица и жестов. Неестественная складка на левом рукаве его робы говорила о ноже. На его талии были странные вздутия. Это говорило о том, что люди пустыни носят на поясе кушаки для различных мелких предметов.

Хэллек протянул руку и достал из заднего отделения бализет. Когда он начал настраивать свой инструмент, Кайнз обернулся, потом снова перенес свое внимание на курс.

— Что бы вы хотели услышать? — спросил Хэллек.

— Выбирай сам, Гурни, — ответил Пол.

Хэллек склонился над струнами, взял аккорд и мягко запел:

«Ваши отцы ели манку в пустыне,
В знойных краях, откуда приходят вихри.
Боже, спаси нас от ужасной земли!
Спаси нас, а-а-а, спаси нас
От сухой, полной жажды земли!»

Кайнз посмотрел на Герцога и сказал:

— Вы путешествуете с небольшой охраной, мой господин. Все ли они наделены такими талантами?

— Как Гурни? — Герцог усмехнулся. — Гурни единственный в своем роде. Я люблю, когда он со мной, из-за его глаз. Его глаза редко что упускают из вида.

Планетолог нахмурился. Не изменяя мелодии, Хэллек спел:

«Ибо я подобен сове пустыни,
Подобен сове пустыни-и-и!»

Герцог повернулся к приборному щитку, взял микрофон, включил его и сказал:

— Начальник эскорта Гамма. Летящий предмет, сектор В. Вы его отметили?

— Это всего лишь птица, — сказал Кайнз и добавил: — У вас острые глаза.

В панельном громкоговорителе щелкнуло, потом голос сказал:

— Говорит Гамма. Предмет изучали под полным увеличением. Это большая птица.

Пол посмотрел в указанном направлении и увидел маленькую черную точку, которая то и дело пропадала, и подумал о том, каким полным решимости мог быть его отец. Все его чувства были готовы к действию.

— Я не думал, что так далеко в пустыне могут водиться такие большие птицы, — сказал Герцог.

— Это нечто вроде орла, — ответил Кайнз. — Многие живые существа приспособились к этому месту.

Корабль пронесся над голой каменистой равниной. Посмотрев вниз с высоты две тысячи метров, на которой они находились, Пол увидел сморщенную тень их судна. Земля внизу казалась плоской, но неровность теней говорила о другом.

— Удавалось ли кому-нибудь когда-либо выходить из пустыни? — спросил Герцог.

Хэллек прекратил игру. Он подался вперед, ловя ответ.

— Не из глубокой пустыни, — ответил Кайнз. — Из второй зоны несколько раз люди выходили. Они выживали благодаря тому, что проходили по скалистым территориям, где черви редки.

Интонация голоса Кайнза привлекла внимание Пола. Он ощутил, как все его чувства напряглись, согласно полученной тренировке.

— А-а, черви, — сказал Герцог. — Я должен как-нибудь увидеть одного.

— Может быть, вы его увидите сегодня, — сказал Кайнз. — Где есть спайс, там есть черви.

— Всегда? — спросил Хэллек.

— Всегда.

— Есть ли связь между спайсом и червями? — спросил Герцог.

Кайнз обернулся и Пол увидел, что его губы поджаты. Он заговорил:

— Они защищают спайсовые пески. Что касается спайса... кто знает? Экземпляры червей, которых мы изучали, заставили нас подозревать о том, что внутри них происходит сложный химический обмен. Мы нашли в их желудках следы синильной кислоты, а в других местах — более сложные формы кислот. Я дам вам мою монограмму по этому вопросу.

— И поля не защищают? — спросил Герцог.

— Поля! — фыркнул Кайнз. — Активизируйте поле внутри зоны нахождения червей и ваша участь решена. Игнорируя территориальные границы, черви соберутся отовсюду, чтобы напасть на поле. Ни одному человеку, окруженному полем, никогда не удавалось пережить такую атаку.

— Как же тогда справиться с червями?

— Электрический разряд высокого напряжения, направленный на каждый сегмент по отдельности — единственный известный путь убийства и предохранения от червей. Взрывы могут оглушать и разрывать их, но каждый сегмент живет собственной жизнью. За исключением атомного, мне неизвестно оружие, взрывчатой силы которого было бы достаточно для уничтожения червя целиком.

— Почему не было сделано усилий по их уничтожению? — спросил Пол.

— Слишком дорого, — ответил Кайнз. — Слишком велика территория, нуждающаяся в контроле.

Пол откинулся на спинку кресла. Его умение разбираться в оттенках голосов говорило ему, что Кайнз лжет и говорит полуправду. И он подумал «Если между спайсом и червями есть связь, то убийство червя может привести к уничтожению спайса».

— Скоро никому не придется пешком выбираться из пустыни, — сказал Герцог. — Включается маленький передатчик у вас на груди и к вам спешит помощь. Скоро они будут у всех наших рабочих. Мы устроили специальную службу помощи.

— Весьма похвально, — сказал Кайнз.

— По вашему тону я чувствую, что вы не согласны, — сказал Герцог.

— Не согласен? Конечно же, я согласен, только это принесет мало пользы. Атмосферные помехи, создаваемые червями, скрывают много сигналов. Это здесь до вас уже пытались сделать. Арраки богата оборудованием. И потом, если червь охотится на тебя, то времени остается мало. Чаще всего есть только 15—20 минут.

— Что бы вы посоветовали? — спросил Герцог.

— Вы спрашиваете моего совета?

— Да. Как планетолога.

— И вы бы последовали моему совету?

— Если бы нашел его разумным.

— Очень хорошо, мой господин. Никогда не путешествуйте один.

Герцог оторвался от контрольного пульта.

— Это все?

— Все. Никогда не путешествуйте один.

— А что бы вы сделали сами? — спросил Хэллек. — Неужели этого нельзя сделать?

Пол пристально посмотрел на Кайнза. Тот бросил на мальчика острый взгляд и посмотрел на Хэллека.

— Я бы проверил защитные свойства своего костюма. Если бы я был вне зоны червей или в скалах, я бы остался на корабле. Если бы я оказался в закрытых песках, я бы побежал от корабля так быстро, как только мог. Километра приблизительно было бы достаточно. Червь может найти корабль, но меня может пропустить.

— А что потом? — спросил Хэллек.

Кайнз пожал плечами.

— Ждать, пока червь уйдет.

— И это все?

— Когда червь уйдет, можно попытаться уйти, — сказал Кайнз. — Идти нужно осторожно, избегая песков, а также русел пыльных рек. Нужно стремиться к ближайшей скалистой зоне. Таких зон много и это можно сделать.

— Барабанные пески? — спросил Хэллек.

— Особые песчаные уплотнения, — ответил Кайнз. — Мельчайшие шаги вызывают их звучание. Черви всегда появляются на этот звук.

— А русла пыльных рек? — спросил Герцог.

— Некоторые впадины в пустыне столетиями наполнялись пылью. Некоторые настолько велики, что у них есть приливы и отливы. И они поглотят всякого, кто на них наступит.

Хэллек устроился поудобнее и ударил по струнам бализета. Потом он запел.

«Дикие твари пустыни охотятся
Здесь в ожидании невинных
Пусть звучит одинокая эпитафия.
Опасность »

Он замолчал, нахмурившись.

— Впереди облако пыли, сэр.

— Я вижу, Гурни.

— Это то, что мы ждем. — сказал Кайнз.

Пол вытянулся на своем сидении, заглядывая вперед, и увидел низко над поверхностью горизонта катящееся темное облако.

— Одна из наших фабрик, — сказал Кайнз, — на поверхности, а это означает, что она на спайсе. Облако — это песок, выброшенный после того, как спайс прошел обработку на центрифуге. Это облако не спутаешь ни с каким другим.

— Над ним аэрокraft, — сказал Герцог.

— Я вижу три... даже четыре, — сказал Кайнз. — Они ожидают знака червей.

— Знака червей? — спросил Герцог.

— Песчаной волны, движущейся к траулеру. Кроме того, у них сейсмические приборы. Иногда черви путешествуют слишком глубоко для того, чтобы могла образоваться песчаная волна. — Кайнз оглядел небо. — Поблизости должен быть карриол, но я его не вижу.

— Червь приходит всегда? — спросил Хэллек.

— Всегда.

Подаваясь вперед, Пол тронул Кайнза за плечо.

— Какой величины траекторию должен контролировать каждый червь?

Кайнз нахмурился. Ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

— Это зависит от размеров червя.

— Какие могут быть вариации? — спросил Герцог.

— Большие могут контролировать триста-четырееста квадратных километров. Маленькие. Он умолк, так как Герцог нажал на тормозное устройство. Корабль встал на дыбы. Потом он пустил корабль в свободный полет. Лево́й рукой он указывал на фабрику.

— Это знак червей?

Кайнз посмотрел в указанном направлении. Пол и Хэллек, сидя плечом к плечу, смотрели в том же направлении, и Пол отметил, что их эскорт, захваченный врасплох внезапным маневром, пролетел вперед, но теперь развалился. Фабрика находилась перед ними все еще на расстоянии трех километров. В том месте, куда указывал Герцог, изогнутой цепью тянулась гряда продолговатых дюн.

— Червь, — сказал Кайнз. — и большой.

Он схватил микрофон, и, глядя на расчерченную карту, проговорил:

— Вызывается краулер на Дельте Айекс—9. Знак червя. Краулер на Дельте-Айекс—9, знак червя. Жду ответа. — Он ждал.

В приемнике послышался треск разрядов, потом голос:

— Кто вызывает Дельту Айекс—9? Прием.

— Они, кажется, ничуть не обеспокоены, сказал Хэллек.

Кайнз проговорил в микрофон:

— Воздушное судно, находящееся примерно в трех километрах от вас к северо-востоку. Знак червя пересекает наш курс и ему нужно приблизительно 25 минут, чтобы достичь вас.

Из громкоговорителя послышался другой голос:

— Говорит контрольно-наблюдательный пункт. Сообщение подтверждается. Держите связь. — После паузы он снова проговорил: — Время до контакта — 26 минут. Определение было весьма точным. Кто на судне? Прием.

Хэллек резко подвинулся вперед и очутился в непосредственной близости от Кайнза и Герцога.

— Это обычная для рабочих передатчиков частота, Кайнз?

— Да. А что?

— Кто должен слушать?

— Рабочий отряд этой территории. Не мешайте.

В приемнике снова треснуло, потом раздался голос:

— Говорит Дельта Айекс—9. Кому мы обязаны за информацию? Прием.

Герцог посмотрел на Кайнза.

Тот сказал:

— Тому, кто первый даст сообщение о знаке червя. полагается премия из добытого спайса. Они хотят знать...

— Скажите им, кто первый увидел знак червя, — сказал Хэллек.

Герцог кивнул.

Кайнз поколебался, потом сказал в микрофон:

— Первенство сообщения принадлежит Герцогу Лето Атридесу. Герцогу Лето Атридесу. Прием.

Голос в приемнике был маловыразительным и плохо различимым из-за большого количества атмосферных помех.

— Поняли и благодарим.

— А теперь прикажите им, чтобы они разделили премию между членами команды. Вы поняли? Прием.

— Поняли и благодарим, — прозвучало в приемнике.

Герцог сказал:

— Я забыл упомянуть о том, что Гурни очень талантлив в устройстве человеческих отношений.

Кайнз, удивленно нахмурившись, посмотрел на Хэллека.

— Такая мера дает понять людям, что Герцог беспокоится об их безопасности, — сказал Хэллек. — Подобное известие распространяется чрезвычайно быстро. Оно было на рабочей частоте. Вряд ли его слышали агенты Харконненов.

Герцог направил корабль к облаку пыли, клубившемуся над местом работы фабрики.

— Что же теперь?

— Где-то поблизости должен находиться карриол, — сказал Кайнз. — Он прилетит и поднимет краулер.

— А что если, карриол сломается? — спросил Хэллек.

— Будет потеряно некоторое количество оборудования, — ответил Кайнз. — Держитесь ближе к краулеру, мой господин. Увидите кое-что интересное.

Герцог, нахмурившись, склонился над приборами управления, поскольку они вступили в полосу клубящихся воздушных вихрей.

Пол посмотрел вниз, увидел все еще изрыгаемые металлом струи песка, а под ними — пластиковое чудовище. Оно походило на огромного коричневого с черным жука. Во все стороны от него тянулись словно щупальцы огромные пустые колеи. Он увидел огромную черную воронку перед краулером.

— Судя по цвету, — очень богатое залегание спайса, — сказал Кайнз. — Они будут продолжать работы до последней минуты.

Герцог перевел крылья топтера на большую мощность заставив их выпрямиться для крутого спуска, и резко направил судно вниз. Эскорт остался на прежней высоте.

Пол внимательно посмотрел на облачко пыли, вьющееся над вентиляционными трубами краулера, потом посмотрел вдаль на приближающийся знак червя.

— Разве бы мы не услышали вызов карриола? — спросил Хэллек.

— Его обычно передают на другой частоте, — ответил Кайнз.

— Разве не по два краулера закрепляются к каждой карриоле? — спросил Герцог. — На такой машине должно быть 26 человек, не считая оборудования.

Кайнз сказал:

— У нас недостаточно обо...

Он резко оборвал себя, поскольку из приемника послышался сердитый голос:

— Видит ли кто-нибудь из вас проклятую штуку? Она не отвечает.

Из динамика раздались звуки сильных разрядов, потом все стихло и первый голос сказал:

— Немедленно сообщите! Прием.

— Говорит контрольно-наблюдательный пункт. В последний раз, когда я его видел, карриол был на большой высоте и направлялся к северо-востоку. Сейчас я его не вижу. Прием.

— Споттер один: отрицательный. Прием. Споттер два: отрицательный. Прием. Споттер три: отрицательный. Прием.

Герцог посмотрел вниз. Тень его судна почти падала на краулер.

— Только четыре споттера. Так и должно быть?

— Да, — ответил Кайнз.

— В нашей части — пять, — сказал Герцог. Наши корабли больше. Почему каждому краулеру не придано по два карриола?

— У нас очень мало оборудования, — сказал Кайнз.

— Но ведь самым разумным при этом защищать то, что имеешь.

— Куда делся этот карриол? — спросил Хэллек.

— Может быть, ему почему-то пришлось приземлиться и из-за этого его потеряли из виду, — сказал Кайнз.

Герцог взял микрофон, опустил палец на кнопку выключателя, но, медля с вызовом, спросил:

— Как они могли потерять карриол из виду?

— Все их внимание было приковано вниз на знак червя.

Герцог нажал на кнопку и проговорил в микрофон:

— Это ваш Герцог. Мы снижаемся, чтобы взять на борт корабля команду Дельта Айекс-9. Всем споттерам приказываю делать то же самое. Споттеры приземляются на восточной стороне, мы на западной. Все. — Он переключил передатчик на свою волну и передал своему конвою приказ, потом протянул микрофон Кайнзу.

Кайнз вернул прибор на прежнюю частоту и голос в приемнике закричал:

— Почти полный груз спайсов! У нас почти полный груз спайсов! Мы не можем бросить его из-за распроклятого червя!

— К черту спайс! — рявкнул Герцог. Он схватил микрофон и сказал: — Спайс от нас никуда не уйдет. На наших кораблях есть места для всех вас, кроме троих человек. Решайте любым способом, кому уходить. Но уходить нужно. Это приказ. — Он резко сунул микрофон в руки Кайнзу и, видя, что тот потирает ушибленный палец, пробормотал; — Извините.

— Сколько у нас времени? — спросил Пол.

— Девять минут.

Герцог проговорил:

— Этот корабль более мощный, чем все остальные. Если мы

взлетим на мощности реактивного двигателя с наполовину убранными крыльями, то сможем взять еще одного человека.

— Песок мягкий, — сказал Кайнз.

— С четырьмя лишними людьми на борту и при работе двигателя на полную мощность мы можем сломать крылья, сэр, — сказал Хэллек.

— Только не у этого корабля, — возразил Герцог. Он снова склонился над приборами и повел корабль на посадку. Он сел примерно в двадцати метрах от краулера.

Теперь краулер был неподвижен и струи песка не вырывались из его труб. О том, что он еще действует, говорил лишь слабый механический звук, который стал еще слышнее, когда Герцог открыл дверцу.

В носы немедленно ударил запах корицы. По другую сторону краулера с шумом приземлился споттер. Эскорт Герцога опустился рядом с его судном.

Пол отметил, какими маленькими они кажутся рядом с краулером — муравьи рядом с жуком.

— Гурни, вы с Полом втискивайтесь на заднее сиденье, — сказал Герцог. — Он убрал часть длины крыльев, настроил их в нужное положение и проверил двигатель. — Почему, черт возьми, они не выбираются?

— Они все еще надеются на помощь карриола, — сказал Кайнз. — У них есть несколько минут. — Он посмотрел на восток.

Все посмотрели в том же направлении. Знака червя не было видно, но в воздухе стояло какое-то гнетущее беспокойство.

Герцог схватил микрофон и, переключив прибор на частоту своего отряда, сказал:

— Приказываю двоим выбросить генераторы поля. Тогда сможете взять на человека больше. Мы не оставим этому чудовищу ни одного человека. — Снова настроившись на частоту краулера, он закричал: — Эй вы, там, на Дельте Айекс-9! Вон! Немедленно! Это приказ вашего Герцога! Моментально, иначе я разрушу ваш краулер.

В передней и задней частях краулера открылись люки. Люди вылезали из них, соскальзывали вниз и прыгали на песок. Высокий человек в пятнистом комбинезоне выбрался последним. Он прыгнул на колено, потом шагнул на песок.

Герцог положил микрофон, и, нагнувшись над открытой дверью, закричал:

— По двое в каждый из ваших споттеров.

Человек в пятнистом комбинезоне быстро подтолкнул шестерых к споттерам.

— Четверо сюда! — закричал Герцог. — Четверо туда! — он указал пальцем на тот споттер из эскорта, который стоял к ним ближе всех. Охранник как раз вытаскивал из него генератор. —

Четверо вон в тот корабль! — Он указал на другой споттер, чей генератор был уже выброшен. — В каждый из остальных — по трою! Быстрее!

Высокий человек кончил расчет членов своей команды и, сопровождаемый тремя другими, бросился к кораблю Герцога.

— Я слышу червя, но не вижу его, — сказал Кайнз.

Теперь его услышали и остальные — тусклый шипящий звук, отдаленный, но делающийся все громче и громче.

— Пора взлетать, черт возьми, — сказал Герцог.

Аэрокraftы вокруг них начали подъем. Это напомнило Герцогу, то, как испуганно взмывали вверх птицы в джунглях его родной планеты, испуганные приближением дикого быка.

Сборщик спайса добежали до корабля и принялись в него взбираться. Хэллек помогал им.

— Быстрее, ребята, — крикнул он.

Пол, зажатый разгоряченными телами в самый угол, ощутил запах их пота и увидел что у двоих из них плохо прикреплены шейные приспособления стилсьюта. Он отметил этот факт, чтобы в дальнейшем использовать его. Его отцу нужно будет отдать приказ о более аккуратном использовании костюмов. Если как следует не следить за этим, люди становятся неряшливыми в этом отношении.

Последний человек, тяжело дыша, влез в корабль и проговорил:

— Червь! Он почти рядом! Взлетайте!

Герцог сел на место и, нахмурившись, сказал:

— Судя по расчетам, у нас должно быть еще три минуты. Это верно, Кайнз?

— Почти верно, мой господин, — ответил Кайнз. и подумал: «А он хладнокровный, этот Герцог».

— Все в порядке, сэр, — сказал Хэллек.

Герцог кивнул, наблюдая за тем, как взмыл последний споттер из эскорта. Он включил зажигание, бросив взгляд на крылья и приборы и ввел в действие реактивный двигатель.

В момент взлета Герцога и Кайнза вжало глубоко в кресла, а людей сзади прижало друг к другу. Кайнз наблюдал за тем, как Герцог управляется с приборами — уверенно и спокойно. Теперь машина уже полностью оторвалась от земли и Герцог внимательно следил за показаниями приборов.

— Машина очень перегружена, сэр, — сказал Хэллек.

— Это в пределах допустимого, — ответил Герцог. — Ты не верил, что я рискну, Гурни?

— Если только самую малость, сэр.

Герцог пустил корабль в легкое парение над краулером. Пол, вжавшись в угол у окна, не отрываясь, смотрел вниз, на

неподвижную машину, на песок. Знак червя исчез в четырехстах метрах от краулера, а теперь песок вдруг начал шевелиться у самой фабрики.

— Червь сейчас находится под краулером, — сказал Кайнз. — Скоро вы станете свидетелями того, что редко кому пришлось видеть.

Теперь над песком вокруг краулера заметались фонтаны пыли. Огромная машина начала заваливаться на бок. Справа от нее образовался гигантский вихрь и закрутился все быстрее и быстрее. Воздух стал мутным от песка и пыли.

И потом они это увидели!

В песке возник огромный темный провал. Солнечные лучи играли на блестящих белых остриях, торчащих из него. Диаметр этого провала превышал длину краулера, по крайней мере, в два раза, как прикинул Пол.

Пол проследил за тем, как машина соскользнула в этот провал, окутанная клубами пыли, и все исчезло.

— Боже, что за чудовище! — пробормотал человек возле Пола.

— Сожрало весь заготовленный спайс, — проворчал другой.

— Кому-то придется за это заплатить, — сказал Герцог. — Я вам это обещаю.

Голос прозвучал невыразительно, почти безжизненно и это дало Полу понять, что его отец был в глубоком гневе. Подобная потеря была преступлением!

— Благословен будь Создатель и Его вода, — бормотал Кайнз. — Благословен будь приходящий и уходящий от Него. Пусть путь Его очистит весь мир. Пусть Он поддерживает мир Его народа.

— Что вы там говорите? — спросил Герцог.

Но Кайнз ничего не ответил. Пол посмотрел на сидящих вокруг него людей. Полными страха глазами они смотрели в затылок Кайнза. Один из них прошептал:

— Льет!

Кайнз повернулся, показав нахмуренное лицо. Говоривший смущенно замолчал, стараясь сделаться как можно незаметнее на своем месте.

Другой из спасенных закашлял. Кашель был сухой, раздражающий грудь. Человек с трудом выдохнул.

— Черт бы побрал эту проклятую дыру!

Тот высокий, что последним вышел из краулера, сказал:

— Утихомирься, Кос. Ты сам виноват, что твой кашель стал хуже. — Он повернулся, чтобы видеть Герцога. — Ручаюсь, что ты Герцог Лето, — сказал он. Мы должны высказать вам свою благодарность. Если бы не вы, мы бы все остались там.

— Спокойно, парень, не мешай Герцогу вести машину, — пробормотал Хэллек.

Пол посмотрел на Хэллека. Тот, подобно Полу, тоже заметил в каком напряженном состоянии находится Герцог. В уголках его рта собрались морщины, а это было тогда, когда на Герцога напал дикий гнев.

Лето начал было выводить корабль из виража, когда его внимание привлекло какое-то движение на песке. Червь уже исчез в глубинах песка, и теперь неподалеку от того места, где стоял краулер, виднелись две маленькие фигурки,двигающиеся по песку.

— Кто это там? — крикнул Герцог.

— Двое людей, которые пошли пешком, сэр, — ответил высокий.

— Почему о них ничего не сообщили?

— Они не захотели, сэр.

— Мой господин, — сказал Кайнз, — эти люди знают о том, что мало чем можно помочь людям, пойманным в пустыне в краю червя.

— Мы пошлем за ними корабль с базы, — сказал Герцог.

— Как пожелаете, мой господин, — сказал Кайнз, — но вполне вероятно, что когда корабль прибудет сюда, рисковать будет уже не из-за кого.

— Все равно пришлем корабль, — сказал Герцог.

— Они были как раз в том месте, откуда поднялся червь, — сказал Пол. — Как им удалось спастись?

— Стены или осели, или стали обманчивыми расстояния, — ответил Кайнз.

— Вы зря теряете горючее, сэр, — напомнил Хэллек.

— Молчи, Гурни.

Герцог повел корабль к Защитной Стене. Его эскорт занял свое место по бокам. Пол думал о том, что сказал человек с Дюны и Кайнз. Он чувствовал в их словах полуправду, прикрывающую ложь. Люди шли по поверхности песка так уверенно, что было ясно: они твердо знают свой путь и рассчитывают на то, что червь не явится из своих глубин.

«Свободные! — подумал Пол. — Кто еще может чувствовать себя так уверенно в этих песках? Они знают, как перехитрить червя».

— Что эти Свободные делали на краулере? — спросил Пол.

Кайнз обернулся. Высокий человек смотрел на Пола, широко раскрыв глаза — голубые без белка.

— Кто этот паренек? — спросил он.

Хэллек наклонился к нему.

— Это Пол Атридес, наследник Герцога.

— Почему он говорит, что на нашей машине были Свободные?

— Они подходят по описанию, — ответил Пол.

Кайнз фыркнул.

— Нельзя отличить Свободных с одного взгляда! — Он посмотрел на человека с Дюны. Кто были эти люди?

— Друзья одного из моих людей, — сказал высокий. — Всего лишь друзья из деревни, которые захотели посмотреть на спайсовые пески.

Кайнз отвернулся. Но он вспомнил слова из легенды: «Лизан ал-Гаиб увидит все, несмотря на увертки».

— Вполне вероятно, что им скоро придется умереть. Не следует говорить о них недружелюбно, — сказал человек с Дюны.

Но Пол услышал в их голосах фальш и почувствовал угрозу, заставившую Хэллека насторожиться. Пол сухо проговорил:

— Смерть придет к ним в ужасном месте.

Не оборачиваясь, Кайнз сказал:

— Когда Бог выбирает кому в каком месте умереть, он хочет, чтобы желания этого человека указали ему то место.

Герцог бросил на Кайнза жестокий взгляд. И Кайнз, тоже посмотрев на него, обнаружил, что его тронуло то, свидетелем чего он стал: «Этот Герцог беспокоится о людях больше, чем о спайсе. Он рисковал своей жизнью и жизнью своего сына. Он пошел на потерю краулера. Угроза человеческим жизням вызвала в нем участие. Такому вождю служат с фанатической преданностью. Его трудно победить».

И вопреки желанию, перечеркивая все прежние сведения, Кайнз, вынужден был признать, что ему нравится этот Герцог.

* * *

«Величие мимолетно. В нем нет никакой последовательности. Частично оно зависит от склонности человека верить в мифы. Человек, которому удалось испытать на себе, что такое величие, должен понимать, какому мифу он этим обязан. Он должен отражать тот свет, который направлен на него. И ему должно быть присуще сардоническое чувство. Оно будет охранять его от веры в собственную претенциозность. Сардоническое чувство позволит человеку продолжить внутреннее развитие. Не обладай человек этим качеством, его уничтожит даже случайное величие».

*Собрание высказываний Муад
Дибба, принцессы Ирулен.*

В обеденном холле большого арракинского дворца свет суспензерных ламп рассеивал полумрак ранних сумерек. Их лучи были направлены вверх, на верную бычью голову и темный портрет старого Герцога.

Под этими талисманами отливало белым светом серебро Атридесов, расставленное в строго определенном порядке. Классический подсвечник в центре стола оставался незажженным.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть приготовления, он покачал головой. Возле каждой тарелки на длинном столе стоял флакон с водой. Воды на этом столе достаточно, подумал Герцог, чтобы поить бедную семью с Арраки в течение года.

Сбоку от дверей находились большие раковины для умывания, отделанные желтым кафелем. Возле каждой раковины висели полотенца. Существовал обычай, объяснила ему домоправительница, согласно которому гости при входе должны погружать руки в раковину, стряхивая несколько капель воды на пол, осушать руки полотенцем, повешенным у входной двери. После обеда

у входа собирались нищие и собирали воду, капающую с полотенца.

Как типично для поместья Харконненов, подумал Герцог. Все оттенки деградации, которые можно себе представить. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как напрягаются мышцы от поднимающегося гнева.

— На этом обычай прекратится, — прошептал он.

Он увидел, что женщина-прислужница, одна из тех старых нескладных женщин, которых рекомендовала домоправительница, нерешительно топчется у дверей на кухню, Она вышла из тени.

— Что желаете, мой господин? — Она не поднимала головы, глаза ее были полуприкрыты.

Он показал на раковины.

— Но... Высокородный... — Она подняла голову, ее рот приоткрылся.

— Я знаю обычай! — крикнул он. — Убери эти раковины. Пока мы едим и до тех пор, пока не кончим, каждый подошедший нищий может сделать глоток воды. Понятно?

Ее морщинистое лицо выразило наплыв разнообразных чувств: ужаса, злобы...

Внезапно озарение подсказало Герцогу, что она могла рассчитывать на продажу воды, капающей с полотенца, и тем самым получить немного денег. Возможно, это тоже было обычаем.

Его лицо потемнело, и он проворчал:

— Я поставлю часового, чтобы он проследил за этим.

Он круто повернулся и пошел по проходу в большой холл. Воспоминания теснились в его голове несвязно и походили на те, что намекала женщина с беззубым ртом. Он вспомнил волны травы и воду вместо песка, теплые летние дни, что пронеслись мимо него, как опавшие листья. Все ушло, я старею, подумал он. Я ощутил холод своей смерти. И в чем? В алчности старой женщины.

В большом холле леди Джессика была центром стоящей группы у камина. В камине потрескивал огонь, бросая яркие блики оранжевого света на драгоценности и кружева дорогих нарядов. Он узнал в толпе костюм мануфактурщика с Картага, экспортера электронного оборудования, грузоотправителя воды, чей особняк был вблизи его фабрики, представителя банка Союза, торговца шахтным оборудованием для спайса, худую с твердым лицом женщину, чья служба по охране внепланетных поселений служила прикрытием для различных контрабандных операций.

Большая часть женщин принадлежала к специфическому типу — живописные, причудливо наряженные, они странно сочетали в себе нетронутость и чувственность.

Даже если бы не положение хозяйки, Джессика должна была возглавить эту группу, подумал он. Она не надела драгоценностей.

Ее длинное платье было того же цвета, что и охватывающая ее бронзовые волосы лента ярко-коричневого цвета.

Он почувствовал, что это был тонкий вызов с ее стороны, упрек за ту порцию холодности, которую она сегодня от него получила. Ему было хорошо известно о том, что она больше всего нравилась ему, одетая в эти цвета.

Неподалеку стоял Дункан Айдахо в блестящей форме. На его плоском лице застыла скука, черные вьющиеся волосы были аккуратно причесаны. Он был вызван от Свободных и получил приказ от Хавата под предлогом охраны держать леди Джессику под постоянным наблюдением.

Герцог оглядел комнату.

В углу ее стоял Пол, окруженный группой юных местных богачей, а поодаль от них три офицера из домашней охраны. Герцог с особым вниманием оглядел молодых женщин. Какая могла быть ловушкой для его наследника? Но Пол общался со всеми одинаково, с видом сдержанного благородства. Он будет с честью носить титул, сказал себе Герцог и внезапно с внутренней дрожью подумал о том, что это еще одна мысль о смерти.

Пол увидел в дверях отца и его избегающий взгляд. Он оглядел группы людей; руки в драгоценностях, сжимающие бокалы с напитками. И внезапно вид этих людей наполнил Пола возмущением. Они были дешевыми масками, за которыми прятались завистливые мысли, а жужжание голосов должно было скрыть ком тяжелого молчания, таящийся в каждой груди. Я в дурном настроении, подумал он и спросил себя, что бы сказал на это Гурни.

Ему был известен источник его настроения. Он не хотел выполнять ту обязанность, которую выполнял сейчас, но его отец был тверд. «У тебя есть определенное место... положение, которое ты должен защищать. Ты достаточно для этого взрослый, ты почти мужчина».

Пол видел, как его отец направился к группе людей, окружающих леди Джессику. Когда Лето подходил к ней, грузоотправитель воды спрашивал:

— Это правда, что Герцог возьмет контроль за погодой?

Герцог ответил:

— Так далеко в наших мыслях мы не заходили, сэр.

Человек обернулся, показав мягкое, круглое, темное до черноты лицо.

— А, Герцог, — сказал он. — Мы вас не заметили.

Лето посмотрел на Джессику.

— Дело требует дела, — сказал он, снова посмотрев на человека. Он объяснил ему свое решение относительно раковины, добавив: насколько это касается меня, со старым обычаем покончено.

— Это герцогский приказ, мой господин? — спросил человек.

— Оставляю это на вашу... э... совесть, — сказал Герцог. Он оглянулся и заметил Кайнза, подходящего к ним.

Одна из женщин сказала:

— Я думаю, что это очень благородный жест — давать воду.

Кто-то остановил ее. Герцог посмотрел на Кайнза и отметил, что на нем старомодная темно-коричневая форма с эполетами им перского сержанта и крошечной золотой капелькой на вороте.

Грузоотправитель воды сердито спросил:

— Герцог намерен критиковать наши обычаи?

— Этот обычай должен быть изменен, — сказал Лето. Он кивнул Кайнзу и, отметив хмурость на лице Джессики, подумал: «Хмурость ей никак не к лицу. но я увеличу слухи о наших разногласиях».

— С разрешения Герцога, — сказал грузоотправитель воды, — я бы хотел продолжить разговор об обычаях.

Герцог услышал маслянистость голоса говорившего, отметил полное молчание их группы, и то, как головы стоявших в комнате начали поворачиваться к ним.

— Разве не настало время обеда? — спросила Джессика.

— Но у наших гостей есть кое-какие вопросы, — сказал Герцог. Он обернулся к грузоотправителю воды и, глядя на его круглое лицо с большими глазами и толстыми губами, вспомнил меморандум Хавата: «Запомните его имя: Лингар Вьют. Харконневы использовали его, но никогда полностью не контролировали».

— Обычаи, связанные с водой, так интересны, — сказал Вьют и на его лице возникла улыбка. — Я хотел бы знать, что вы намерены сделать с находящейся в этом доме оранжереей. Вы намерены продолжать щеголять ею... мой господин?

С трудом сдерживая гнев, Герцог смотрел на этого человека. Мысли вихрем проносились в его голове. Было храбрым поступком бросить ему вызов в его собственном замке. Особенно теперь, когда у них имелась его подпись на контракте о верности. Этот поступок, кроме того, требовал знания собственной силы. Вода действительно была здесь силой. Если, к примеру, средства подачи воды были заминированы, чтобы быть уничтоженными... Этот человек был способен на подобный поступок. Уменьшение эффективности приспособлений для подачи воды вполне может уничтожить Арраки. Это вполне могло быть тем козырем, который этот Вьют использовал против Харконненов.

— Мой господин, у нас с Герцогом были другие планы в отношении этой оранжереи, — сказала Джессика. Она улыбнулась Лето. — Мы намерены оставить ее, конечно, но лишь для того, чтобы сохранить ее для людей Арраки. Мы мечтали о том, чтобы климат планеты мог быть изменен, так, чтобы подобная оранжерея могла существовать на открытом месте.

— Благослови ее Боже! — подумал Лето. — Пусть этот человек это проглотит».

— Ваш интерес к воде и контролю над погодой очевиден, — сказал Герцог, — Я бы посоветовал вам разнообразить ваши вложения. Однажды вода перестанет быть ценностью на Арраки.

И он подумал: «Хават должен удвоить свои усилия по выявлению организации этого Вьюта. И мы должны немедленно начать работы по сооружению запасных приспособлений для подачи воды. Ни один человек не должен иметь козырь против меня».

Вьют кивнул, по-прежнему улыбаясь.

— Похвальная мечта, мой господин, — сказал он и отошел в сторону.

Внимание Лето привлекло выражение лица Кайнза. Он пристально смотрел на Джессику. Казалось, он ничего вокруг не видел и не слышал, как влюбленный... или человек, погруженный в религиозный транс.

Кайнз же был ошеломлен всплывшей в его памяти легендой: «... и они разделят ваши самые сокровенные мечты». Он проговорил, обращаясь к Джессике:

— Вы знаете кратчайший путь?

— А, доктор Кайнз, — сказал Вьют. — Вы вернулись из поездки со своей бандой Свободных? Как это мило с вашей стороны.

Едва скользнув по нему взглядом, Кайнз проговорил:

— В пустыне говорят, что владение большим количеством воды может сделать человека беззаботным.

— У тех, кто живет в пустыне, много странных поговорок, — сказал Вьют, но голос выдал его тревогу.

Джессика подошла к Лето и взяла его под локоть, выжидая того момента, когда к ней придет спокойствие. Кайнз сказал: «Кратчайший путь». На старом языке эта фраза означала Квизац Хадерах. Станный вопрос планетолога, казалось, остался не замеченным для других, и теперь Кайнз стоял, склонившись к одной из женщин; и слушал ее тихий кокетливый голос.

Квизац Хадерах, подумала Джессика. Она обратилась мыслями к своей тайной надежде в отношении Пола. Он мог бы быть Квизац Хадерахом. Он мог бы.

Представитель банка Союза вступил в разговор с грузоотправителем воды и голос Вьюта послышался, заглушая все голоса.

— Многие пытались изменить Арраки.

Герцог увидел, как эти слова как будто пронзили Кайнза, заставив его выпрямиться и отвернуться от женщины. В наступившем молчании раздался голос охранника:

— Обед подан, мой господин.

Герцог вопросительно посмотрел на Джессику.

— Согласно существующему здесь обычаю, хозяин и хозяй-

ка должны вести своих гостей к столу, — сказала она. — Мы изменим и этот обычай, мой господин?

Он холодно проговорил:

— Обычай кажется весьма нужным. Воспользуемся им прямо сейчас.

Иллюзия того, что я подозреваю ее в предательстве, должна все увеличиваться, подумал он. Он посмотрел на своих гостей, Кто из вас верит в эту ложь?

Джессика, чувствуя, как он снова отдалился от нее, задумалась над этим, как часто бывало с ним за последнюю неделю. Он действует как человек, борющийся сам с собой, подумала она. Из-за того, что я так быстро устроила этот обед? Но он же знает как важно сейчас смешивать новых офицеров с людьми, занимающими важное положение в обществе. И ничто не принесет на этом пути большей пользы, чем подобная встреча.

Лето, наблюдая за проходящими гостями, вспомнил, что сказал об этом Зуфир Хават:

— Сэр! Я это запрещаю!

Губы Герцога дрогнули в угрюмой усмешке. Что это была за сцена! И когда Герцог остался непреклонным в отношении обеда, Хават покачал головой.

— У меня плохие предчувствия насчет этого, — сказал он. — События на Арраки развиваются слишком быстро. Это не похоже на Харконненов. Совсем на них не похоже.

Пол прошел мимо отца, ведя молодую женщину, которая была выше его на пол-головы. Он бросил на отца обиженный взгляд и кивнул на какое-то замечание.

— Ее отец производил стилсьюты, — сказала Джессика. — Мне сказали, что только дурак может отправиться в пустыню в одном из костюмов этого человека.

— Кто этот человек с лицом в шрамах, идущий впереди Пола? — спросил Герцог. — Я его не припомню.

— Позднее добавление к списку, — прошептала она. — Гурни устроил приглашение. Контрабандист.

— Гурни?

— По моей просьбе. Она была согласована с Хаватом, хотя он был чересчур неуступчив. Контрабандиста зовут Туек Эсмар Туек. Он сила среди людей подобного рода. Его здесь все знают. Он обедает во многих домах.

— Почему он здесь?

— Любой задаст этот вопрос, — сказала она. — Одним своим присутствием Туек сеет сомнения и подозрения. Он также будет формально извещен о том, что ты готовишься настоять на своем приказе, направленном против взяточничества, насильных поборов среди контрабандистов. Это кажется очень понравилось Хавату.

— Я не уверен, что мне это нравится. — Он кивнул прошедшей мимо паре и отметил, что лишь нескольким гостям осталось пройти мимо них. — Почему ты не пригласила кого-нибудь из Свободных?

— Здесь Кайнз, — сказала она.

— Да, здесь Кайнз, — повторил он. — У тебя есть еще сюрприз для меня? — Он повел ее вслед за гостями.

— Все остальное главным образом условности, — сказала она, а про себя подумала: «Дорогой мой, неужели ты не понимаешь, что этот контрабандист располагает быстрыми кораблями и его можно подкупить! Мы должны иметь запасной выход, путь к побегу с Арраки, если здесь станет невозможно находиться!»

Когда они вошли в столовую, она высвободила свою руку, позволяя усадить себя. Он подошел к своему месту. Лакей отставил перед ним стул. Остальные разместились, шелестя одеждой и скрипя стульями, но Герцог остался стоять. Он сделал знак и лакеи отступили.

В комнате повисло тревожное молчание.

Джессика, посмотрев на Лето, увидела слабое дрожание в уголках его рта и румянец, заливший его щеки. Что его рассердило? — спросила она себя. Конечно же, не мое приглашение контрабандиста.

— Некоторые из вас рассматривали меня в связи с раковинами, — сказал Лето. — Этот инцидент сообщит вам, что измениться должно многое.

Молчание, нависшее над столом, сделалось смущенным. Они думают, что он пьян, — подумала Джессика.

Лето, поднял свой бокал.

— Сейчас, как кавалер Империи, я хочу предложить вам тост, — сказал он.

Все подняли свои бокалы и посмотрели на Герцога.

— Я здесь и я здесь останусь! — крикнул он. Многие уже почти приложили бокалы к своим губам, но напрасно: им пришлось снова опустить их, так как Герцог предупреждающе поднял руку. — Мой тост: дело двигает прогресс. Счастье можно найти повсюду!

Он сделал глоток. Остальные последовали его примеру, поднимая друг на друга.

— Гурни! — позвал Герцог.

Из алькова, находящегося в другом конце комнаты, что был ближе к Герцогу, раздался голос Хэллека:

— Я здесь, мой господин.

— Поиграй нам, Гурни.

Из алькова раздался звук бализета. Повинуясь знаку Герцога, слуги начали разносить блюда с едой и расставлять их на столе. Герцог все еще продолжал стоять. Потом он сказал:

— В старые времена в обязанности хозяина входило развлекать гостей, используя свои таланты, — Костяшки его пальцев побелели, так крепко он сжал бокал. — Я не умею петь, но я скажу вам слова песни Гурни. Считайте их следующим тостом— тостом в память тех, кто умер, создавая для нас эту станцию.

Сидящие за столом обменялись тревожным шепотом. Джессика опустила взгляд и оглядела сидящих гостей.

Герцог нараспев заговорил:

Смотрите все —
Проходят тени древних войск,
Презревших боль и денег звон
Идут полки.
И серебром, как и на наших формах,
Сверкают тускло их воротники.
Смотрите все —
Проходят тени древних войск,
Не знавших подлости, измен
Полки идут.
И пронеся его через столетья,
Соблазн удач они с собой несут.
Смотрите все —
Проходят тени древних войск,
Солдаты-призраки идут своим путем.
Друзья! Когда для нас придет черед,
Соблазн удач в дорогу мы возьмем!

Герцог возвысил голос на последних словах, сделал большой глоток из бокала и с силой поставил его на стол. Содержимое бокала пролилось на стол.

Остальные выпили в смущенном молчании. И снова Герцог поднял свой бокал и на этот раз вылил его содержимое на пол, зная, что остальные должны последовать его примеру.

Первой это сделала Джессика. После минутного молчания остальные тоже последовали ее примеру, Джессика видела, что Пол, сидящий рядом с отцом, изучает реакцию окружающих его людей. Она тоже не могла заставить себя не делать этого и наблюдала, особенно за женщинами.

С наибольшим интересом она наблюдала за Кайнзом. Планетолог заколебался, потом вылил содержимое бокала в сосуд у себя под пиджаком. Заметив, что Джессика смотрит на него, он улыбнулся и поднял пустой бокал в молчаливом тосте. Казалось, все эти действия ни мало его не смутили.

Музыка Хэллека все еще доносилась из алькова, но она перешла на мажорный лад и была теперь веселой и живой, как будто он пытался поднять настроение тех, кто его слушал.

— Давайте приступим к обеду, — сказал Герцог и сел.

Он сердит и неуверен в себе, подумала Джессика. Потеря этой фабрики—краулера задела его гораздо глубже, чем было на самом деле. Должно быть, это гораздо большая потеря. Он ведет себя как человек, находящийся в отчаянии. Она взяла вилку, надеясь, что этим скроет собственное чувство горечи, внезапно нахлынувшее на нее. Почему нет? Он действительно в отчаянном положении.

Вначале медленно, потом все более оживляясь, обед шел своим чередом. Фабрикант стилсьютов сделал Джессике комплимент по поводу обеда.

— Это мы все привезли с Келадана, — ответила она.

— Великолепно! — проговорил он, пробуя еду. — Просто великолепно! И никакого намека на меланж. Так устаешь от того, что во всем чувствуешь спайс.

Представитель банка Союза посмотрел на Кайнза.

— Насколько я понимаю, доктор Кайнз, червь разрушил еще одну фабрику?

— Новости разносятся быстро, — сказал Герцог.

— Так это правда? — спросил банкир, обращаясь к Лето.

— Конечно, правда! — рявкнул Лето. — Проклятая машина исчезла. Кажется невозможным, что такая громадина может исчезнуть.

— Когда появился червь, ничто не могло спасти краулера, — сказал Кайнз.

— Просто невозможно, — повторил Герцог.

— И никто не видел исчезновения машины? — спросил банкир.

— Наблюдатели обычно следят за песком, — сказал Кайнз, — Их в первую очередь интересует появление червя. Штат машины обычно состоит из четырех человек: двух водителей и двух помощников. Если один или даже двое были в числе тех, кому платят враги Герцога...

— А-а-а, понятно, — протянул банкир. — И вы, судя по изменениям, в этом сомневаетесь?

— Я буду вынужден тщательно обдумать свое предположение, — ответил Кайнз. — И уж, конечно, не буду обсуждать этот вопрос за столом. — И он подумал: «Скелет обглоданный! Ему известно, что я получил инструкцию не обращать внимания на подобного рода нарушения».

Банкир улыбнулся и вернулся к еде.

Джессика сидела, вспоминая один урок в школе. Темой урока был шпионаж и контршпионаж. Учительницей была пухлая с довольным лицом Преподобная Мать, и ее жизнерадостный голос удивительным образом противоречил теме урока.

«Главное, что следует запомнить относительно школы шпионажа и контршпионажа — это модель простой основной реакции всех ее окончивших. Любая завершенная дисциплина имеет свои штампы, свои модели, свое влияние. Данная модель легко поддается анализу и прогнозу. Итак, основные образчики среди всех шпионов-агентов должны иметь одинаковые простые реакции. Иначе говоря, имеются определенные типы мотивов, которые просты, несмотря на разницу школ или противоположность целей. Вначале вы узнаете, как выделить этот элемент для вашего анализа, затем следует близкое изучение мысленной ориентации тех, кто находится под наблюдением. Вы обнаружите, что определить корни языков ваших подозреваемых — дело весьма несложное, если, конечно, опираться при этом как на его интонации так и на манеру речи».

Теперь, сидя рядом со своим сыном, Герцогом и гостями и слушая представителя банка Союза, Джессика почувствовала, как ее кольнула игла сознания: человек был агентом Харконнегов. Она читала его мысли так свободно, как будто он объяснял их вслух.

Означает ли это, что сам Союз выступает против Дома Аттридесов? — спросила она себя. Эта мысль потрясла ее и она скрыла свое чувство, потребовав новое блюдо, продолжая слушать человека, выдающего свои мысли. Он повернет теперь разговор на что-нибудь невинное, окрасив его зловещими обертонами. Это его модель.

Банкир отпил вина, улыбнулся сидевшей рядом женщине, потом, казалось, прислушался к тому, как один из сидевших за столом объяснял Герцогу, что растения с Арраки не имеют шипов.

— Мне доставляет огромное удовольствие наблюдать здесь за полетами птиц, — сказал банкир, обращаясь к Джессике. — Конечно, все наши птицы питаются падалью, а многие, существуя без воды, становятся кровопийцами.

Дочь фабриканта стилисьюта, сидящая на другом конце стола, между Полом и его отцом, нахмурила свои хорошенькие брови и сказала:

— О, Су-Су, ты всегда говоришь такие противные вещи.

Банкир улыбнулся.

— Меня называют Су-Су, потому что я являюсь финансовым советником «Союза разносчиков воды». — И поскольку Джессика продолжала смотреть на него, он добавил: — Из-за того, что разносчики кричат Су-Су! — Он так умело воспроизвел этот звук, что все рассмеялись.

Джессика слушала его хвастливый голос, но отметила только намек молодой женщины. Она предоставила банкиру возможность сказать то, что он сказал. Она взглянула на Лингара

Вьюта. Водный магнат нахмурился. Все его внимание было сосредоточено на еде.

Сказанное банкиром для Джессики прозвучало следующим образом: «Я тоже контролирую этот важнейший для Арраки фактор — воду!»

Пол заметил фальш в голосах за столом, увидел, что его мать следит за разговором с напряженностью Бене Гессери. Повинуясь импульсу, он решил подыграть, создать фон, и обратился к банкиру:

— Вы хотите сказать, что эти птицы каннибалы?

— Странный вопрос, молодой мистер, — ответил банкир. — Я просто сказал, что птицы пьют кровь. Она ведь не должна быть кровью их сородичей, не так ли?

— Вопрос вовсе не был странным, — возразил Пол, и Джессика отметила в его голосе то умение замаскировать выпад, которое он получил благодаря ее обучению. Он намеренно подчеркнуто взял вилкой кусок еды с тарелки своего соседа и съел его. — Они едят из одного котла, у них одни и те же потребности.

Банкир окаменел, сердито глядя на Герцога.

— Не делайте ошибки, считая моего сына ребенком, — сказал он и улыбнулся.

Джессика оглядела сидящих за столом и увидела, что Вьют сияет, а Кайнз и контрабандист улыбаются.

— То, что молодой мистер кажется весьма хорошо понимает — правило экологии, — сказал Кайнз. — Борьба между жизненными элементами — это борьба за свободную энергию системы. Кровь — достаточный источник энергии.

Банкир отложил вилку и сердито проговорил:

— Говорят, что у Свободных некоторые подонки пьют кровь своих умерших людей.

Кайнз покачал головой и проговорил:

— Не кровь, сэр. Но вся, до последней капли, кровь человека принадлежит его народу, его племени. Когда живешь возле великой равнины, такое необходимо. Вода там ценна, а человеческое тело на 70% состоит из воды. И мертвому человеку конечно же не нужна вода.

Банкир уперся обеими руками об стол.

Джессика подумала, что он в гневе собирается встать и уйти.

Кайнз поднял взгляд на Джессiku.

— Простите меня, моя леди, что я заговорил за столом о таком отвратительном деле, но вам сказали заведомую ложь и нужно было все прояснить.

— Вы так долго сотрудничали со Свободными, что у вас все чувства притупились, — выдохнул банкир.

Кайнз спокойно посмотрел на него, изучая его бледное и дрожащее лицо.

— Вы бросаете мне вызов, сэр?

Банкир окаменел. Глотнув, он с тревогой сказал:

— Конечно же нет... Я бы не стал так оскорблять ваших хозяев.

Джессика услышала страх в его голосе, увидела этот страх на его лице, в его дыхании, в биении жилки на его виске. Человек был в ужасе от Кайнза.

— Наши хозяева вполне способны сами решить, что их оскорбляет, а что нет, — сказал Кайнз. — Они храбрые люди, знающие, что такое защита чести. Об их храбрости можно судить хотя бы по тому факту, что они здесь... сейчас.. на Арраки..

Джессика видела, что Герцогу понравились эти слова. Большинство же других — нет. Люди сидели в напряженных позах, держа руки под столом. Двумя заметными исключениями были Вьют, который открыто улыбался замещательству банкира, и контрабандист, который, казалось, ждал намека от Кайнза. Джессика заметила, что Пол смотрит на Кайнза с восхищением.

— Итак? — сказал Кайнз.

— Я не собирался никого оскорблять, — пробормотал Банкир. — Если оскорбления были нанесены, прошу принять мои извинения.

— Хорошо, принимается, — сказал Кайнз. Он улыбнулся Джессике, снова принимаясь за еду, как будто ничего не случилось.

Джессика видела, что контрабандист тоже вздохнул свободнее. Она отметила это, что человек был готов по первому зову прийти на помощь Кайнзу. Между ними существовало какое-то соглашение.

Лето играл вилкой, внимательно глядя на Кайнза. Поведение эколога показывало изменение его отношения к Атридесам. Во время их полета над пустыней Кайнз держался гораздо холоднее.

Джессика знаком велела внести новую еду. Постепенно разговор опять оживился, но Джессика различала в нем взволнованность, непрочность, видела, что банкир ест в мрачном молчании. Кайнз бы без колебаний убил его, подумала она. Она увидела в Кайнзе способность к намеренному убийству, и это, как она догадалась, было качеством Свободных.

Джессика повернулась к фабриканту стилсьютов и сказала:

— Вы знаете, я постоянно думаю о том, как важна вода на Арраки.

— Очень важна, — согласился тот. — Что это за блюдо? Оно восхитительно.

— Языки дикого кролика под особым соусом, — сказала она. — Очень старый рецепт.

— Я должен иметь этот рецепт.

Она кивнула.

— Я прослежу за тем, чтобы он у вас был.

Кайнз посмотрел на Джессика и сказал:

— Вновь прибывшие на Арраки часто недопонимают важности воды здесь. Понимаете, ведь вы имеете дело с законом о минимуме.

Услышав испытывающие интонации в его голосе, она сказала:

— Развитие ограничено той необходимостью, которая присутствует в самом малом количестве. И, естественно, мельчайшее благоприятное условие контролирует скорость развития.

— Очень редко встречаешь членов Великого Дома, разбирающихся в планетологических проблемах, — сказал Кайнз. — Вода — наименьшее благоприятное условие для жизни на Арраки. И помните, что само развитие может произвести неблагоприятные условия, если только не обращаться с ними с чрезвычайной осторожностью.

Джессика уловила скрытое послание в словах Кайнза, но поняла, что упустила его смысл.

— Развитие, — сказала она. — Вы имеете в виду, что Арраки может иметь упорядоченный водный баланс для поддержки человеческих жизней при более благоприятных условиях?

— Невозможно! — рявкнул водный магнат.

Джессика посмотрела на Вьюта.

— Невозможно?

— Невозможно на Арраки, — сказал он. — Не слушайте этого мечтателя. Против него результаты лабораторных исследований.

Кайнз посмотрел на Вьюта, и Джессика заметила, что взоры всех присутствующих тоже обратились на них.

— Результаты лабораторных работ тяготеют к тому, чтобы ослепить всех простым фактом, — сказал Кайнз. — Этот факт состоит в следующем: мы здесь имеем дело с веществами, которые берут начало и существуют вне нашего мира, где растения и животные ведут нормальное существование.

— Ненормальное! — фыркнул Вют. — На Арраки нет ничего нормального.

— Совсем напротив, — ответил Кайнз. — Некоторая гармония может установиться и здесь при использовании самоподдерживающихся систем, нужно лишь понять, в чем заключаются лимиты планеты и давление на нее.

— Это никогда не будет возможным, — сказал Вют.

Герцога внезапно озарило: он вспомнил когда Кайнз изменил

свое отношение к ним. Это случилось, когда Джессика сказала о том, что хочет сохранить оранжерею для передачи ее Арраки.

— Что нужно сделать, чтобы установить самоподдерживающуюся систему, доктор Кайнз? — спросил Лето.

— Если мы сможем получить три процента зеленого растительного элемента на Арраки, который идет сейчас только на формирование залежей угля, мы начнем циклическую систему, — сказал Кайнз.

— Вода, — единственная проблема? — спросил Герцог. — Он чувствовал волнение Кайнза, почувствовал и себя захваченным им.

— Вода затмевает все другие проблемы, — сказал Кайнз. — Эта планета располагает большим количеством кислорода без того, что ему обычно сопутствует — разнообразной растительной жизни и двуокиси углерода из таких источников, как действующие вулканы. Здесь, над поверхностью больших территорий, происходят необычные химические изменения.

— Вы располагаете определенным проектом? — спросил Герцог.

— У нас было долгое время для создания эффекта Тансяи — малосвязанные между собой эксперименты на любительской основе, из которых теперь наука может извлечь рабочие факты, — сказал Кайнз.

— Воды недостаточно, — сказал Вьют. — Просто мало воды.

— Мистер Вьют — эксперт по воде, — сказал Кайнз. — Он улыбнулся и вернулся к обеду.

Герцог, резко хлопнув рукой по столу, крикнул:

— Нет! Я хочу ответа! Здесь достаточно воды, доктор Кайнз?

Кайнз не отрывал взгляда от своей тарелки. Джессика наблюдала смену эмоций, выражающих его лицом. Он хорошо умеет маскировать свои мысли, подумала она, но теперь, хорошо его понимая, она читала в его мыслях сожаление о сказанном им.

— Здесь достаточно воды? — настаивал Герцог.

— Здесь... может быть, — ответил он.

Плутует он неуверенно, подумала Джессика. Пользуясь своим удивительным чутьем на правду, Пол ухватил скрытую интонацию, и ему понадобилось все его умение, чтобы скрыть свое волнение. Воды достаточно! Но Кайнз не хочет, чтобы об этом было известно.

— У нашего планетолога много разных фантазий, — сказал Вьют. — Вместе со Свободными он фантазирует о мессиях и проках.

Кое с каких мест послышались смешки. Джессика заметила, кто смеялся: контрабандист, дочь фабриканта стилсьютов, Дункан Айдахо, женщина, связанная с таинственной службой безопасности. Сегодня вечером напряжение распределялось странным

образом, подумала Джессика. Происходит слишком много непонятного мне. Я должна открыть новые источники информации.

Герцог перевел взгляд на Джессику. Он почувствовал странное опустошение, как будто что-то важное прошло мимо него:

— Может быть... — прошептал он.

Кайнз быстро проговорил:

— Возможно нам следует обсудить это в другой раз, мой господин. Здесь так много...

Планетолог замолчал, так как охранник в форме Атридесов торопливо прошел через служебную дверь, прошел мимо охраны и заспешил к Герцогу. Он наклонился и что-то прошептал Лето.

Узнав знак различия отряда Хавата, Джессика почувствовала тревогу. Она обратилась к спутнице фабриканта стилсьютов: крошечной темноволосой женщине с кукольным лицом.

— Вы едва дотронулись до обеда, моя дорогая, — сказала Джессика, — Могу я что-нибудь вам предложить?

Прежде чем ответить, она посмотрела на фабриканта, затем сказала:

— Я не слишком голодна.

Герцог быстро поднялся, встал рядом с военным и резко бросил:

— Оставайтесь все на своих местах. Вам придется простить меня, но ситуация требует моего немедленного ухода. — Он шагнул в сторону. — Пол, займи мое место, прошу тебя.

Пол встал, желая спросить отца, почему тот должен уйти, зная, что должен это проделать с соблюдением соответствующих манер. Подойдя к стулу отца, он сел.

Герцог обернулся к алькову, в котором сидел Хэллек и сказал:

— Гурни, займи, пожалуйста, место Пола за столом. Там не должно быть нечетного количества людей. Когда обед будет закончен, я захочу, может быть, чтобы ты привез Пола на поле С. Р. Жди моего вызова.

Хэллек появился из алькова. На нем была парадная форма, что еще больше подчеркивало его уродство. Он прислонил свой бализет к стене, подошел к стулу, который оставил Пол и сел.

— Для тревоги нет оснований, — сказал Герцог, — но я должен просить вас не покидать своих мест, пока домашняя охрана не сообщит, что дом в безопасности. Пока вы находитесь здесь, вы можете чувствовать себя в полной безопасности, а эта небольшая неприятность скоро разъяснится.

Пол выловил из речи отца кодовые слова: охрана — в безопасности — безопасность — скоро. Речь шла о безопасности, а не о нас с вами. Он видел, что его мать тоже прочла сообщение. Оба с облегчением вздохнули.

Герцог коротко кивнул, повернулся на каблуках и направился к служебной двери за своим солдатом.

Пол сказал:

— Продолжайте, пожалуйста, обедать. Мне помнится, доктор Кайнз обсуждал вопрос о воде?

— Может быть, мы обсудим это в другое время? — спросил Кайнз.

— Вне всяких сомнений, ответил Пол.

Джессика с гордостью заметила, с каким достоинством держался ее сын.

Банкир взял свой бокал и посмотрел на Вьюта.

— Никто из нас, здесь сидящих, не сможет соперничать в цветистости фраз с Лингаром Вьютом. Можно почти увериться в том, что он стремится к статусу Великих Домов. Давайте, мистер Вьют, провозгласите тост.

Возможно у вас найдутся мудрые слова для мальчика, с которым нужно обращаться как с мужчиной.

Под столом Джессика сжала в кулак правую руку. Она видела сигнал, переданный Хэллеком Айдахо, видела, как солдаты из охраны приняли положение максимальной готовности.

Вьют бросил на банкира злобный взгляд.

Пол посмотрел на Хэллека, увидел позу охраны, перевел взгляд на банкира и смотрел на него до тех пор, пока тот не опустил бокал. Тогда он сказал:

— Однажды на Келадане я видел, как откачивали утонувшего рыбака. Он...

— Утонувшего? — это была дочь фабриканта стилсьютов.

— Да, это погружение в воду до тех пор, пока человек не умрет. Утопление, — поколебавшись, сказал Пол.

— Какой интересный способ смерти, — прошептала она.

Улыбка Пола стала почти незаметной. Он опять обратился к банкиру.

— Интересно, что у этого человека были раны на плечах от башмаков другого рыбака. Этот рыбак был одним из нескольких в лодке (лодка — это судно для путешествия по воде), что были найдены потом... затопленными водой. Другой рыбак, помогавший вытаскивать тело, сказал, что он видел подобные раны несколько раз. Они означают, что другой тонущий рыбак пытался встать на плечи своего бедного товарища, стараясь достать до поверхности воды.

— Почему это интересно? — спросил банкир.

— Из-за тех наблюдений, которые произвел мой отец. Он сказал, что тонущего человека можно понять, за исключением тех случаев, когда он карабкается на твои плечи. — Пол помолчал достаточно долго для того, чтобы банкир мог понять, к чему

он клонит, а потом заключил: — И следует мне добавить, когда это происходит за обеденным столом.

В комнате мгновенно воцарилась тишина.

Как неосторожно, подумала Джессика. Банкиру нужно было быть циничным до крайности, чтобы вызвать моего сына на такое. Она видела, как напрягся Айдахо, готовый к немедленному действию. Охрана была в тревоге. Гурни Хэллек не выпускал из вида людей, сидящих напротив.

— Ха-ха-ха! — Это был контрабандист Туек. Откинувшись на спинку стула, он разразился раскатами смеха, не замечая никого вокруг.

На лицах сидящих за столом появились первые улыбки. Вьют усмехнулся. Банкир отодвинувшись от стола, смотрел на Пола.

Кайнз сказал:

— Насмехаться над Атридесами — значит ставить себя под удар.

— Разве у Атридесов есть привычка оскорблять своих гостей? — спросил банкир.

Прежде чем Пол успел ответить, Джессика, подавшись вперед, бросила:

— Сэр! — И она подумала: «Мы должны знать игру этого харконненского отродья. Не для того ли он здесь, чтобы мучить Пола? Есть ли у него помощники?» — Мой сын показывает вам свою лучшую одежду, а вы заявляете, что она прекрасно на вас сидит? — спросила Джессика. — Какое удивительное открытие, — Ее рука скользнула к тому месту на ноге, куда она прикрепила криснож.

Банкир перевел взгляд на Джессику. Он оставил в покое Пола и она видела, что тот сел посвободнее, готовя себя к действию. Он сконцентрировался на кодовом слове «одежда».

Кайнз сделал знак контрабандисту. Тот вскочил на ноги и поднял свой бокал.

— Я скажу вам тост, — сказал он. — За юного Пола Атридеса, все еще паренька по своим взглядам, но мужчину по поступкам.

«Почему они навязываются?» — спросила себя Джессика.

Теперь банкир смотрел на Кайнза и она увидела, что ужас вновь вернулся на лицо агента. Сидящие за столом начали реагировать на тост. «Куда бы Кайнз не шел, люди следуют за ним, — думала Джессика. — Он сказал нам, что находится на стороне Пола. В чем секрет его власти? Конечно не в том, что он судья по изменениям. Это явление временное. И уж конечно не потому, что он имперский служащий». Она сняла руку с рукоятки крисножа и, глядя на Кайнза, подняла свой бокал. Он ответил тем же.

Только Пол и банкир «Су-Су» — до чего же идиотская кличка, подумала Джессика — остались неподвижными. Внимание банкира по-прежнему было приковано к Кайнзу. Пол смотрел в свою тарелку.

«Я верно вел дело, — думал Пол. — Почему же они вмешиваются?» — Он искоса посмотрел на сидящих напротив него гостей.

— В нашем обществе не следует людям быть быстрыми в обидах. Часто это равносильно самоубийству. — Он посмотрел на дочь фабриканта стилсьютов. — Разве вы не думаете так, мисс?

— О, да, да. Конечно, да, — ответила она. — Слишком много насилия. Я просто болеваю от этого. Часто при этом никого не думают обижать, но люди умирают повсюду. В этом нет смысла.

— Конечно, нет, — сказал Хэллек.

Джессика, наблюдая за почти безупречными действиями девушки, думала: «Это вовсе не маленькая пустоголовая особа». Она различала смысл угрозы и поняла, что Хэллек тоже уловил его. Они намеревались соблазнить Пола, с облегчением заключила Джессика. Возможно, ее сын первым это понял.

Кайнз сказал банкиру:

— Разве не требуется еще одно извинение?

Банкир кривой усмешкой повернулся к Джессике и сказал:

— Моя госпожа, боюсь, что я злоупотребляю вашими винами. Вы подали крепкие напитки, а я к ним не привык.

Джессика слышала за его смиренными словами злобу, но любезно сказала:

— Когда встречаются чужие, следует делать огромные скидки на разницу в привычках и обычаях.

— Благодарю вас, моя госпожа.

Темноволосая спутница фабриканта стилсьютов, наклонившись к Джессике, сказала:

— Герцог сказал о том, что мы здесь в безопасности. Я так на это надеюсь.

Ей было приказано направить разговор в это русло, подумала Джессика.

— Вполне возможно, что все окажется не таким уж важным, — сказала Джессика. — Но пока слишком многие детали требуют непосредственного внимания Герцога. До тех пор, пока не прекратится борьба между Атридесами и Харконненами, никакие меры нельзя считать слишком большой осторожностью. Герцог поклялся, что не оставит ни одного агента Харконненов на Арраки. — Она посмотрела на представителя банка Союза. — И Конвент естественно поддержит его. — Она обратилась к Кайнзу: — Разве не так, доктор Кайнз?

— Конечно, — ответил тот.

Фабрикант стилсьютов мягким жестом коснулся спины своей спутницы. Та посмотрела на него и сказала:

— Мне кажется, что сейчас я что-нибудь бы съела. Я бы с удовольствием попробовала того блюда из дичи, которое вы приказывали подать раньше.

Сделав знак лакею, Джессика повернулась к банкиру.

— А вы, сэр, говорили о птицах и привычках. Я узнаю об Арраки так много интересного. Расскажите мне, где находят спайс? Приходится ли охотникам углубляться в пустыню?

— О, нет, моя госпожа, — сказал он. — В сердце пустыни его находят очень редко, а в южных районах почти никогда.

— Существует легенда о том, что Великая Матушка Лод спайса была найдена на юге, — сказал Кайнз. — Но я подозреваю, что это выдумка, а изобретена она была, чтобы сложить песню. Некоторые отдельные охотники за спайсом проникали в сердце пустыни, но это чрезвычайно опасно. Там нет определенных маршрутов и часто бывают бури. Чем дальше от Защитной стены ты находишься, тем больше вероятность таких случайностей. Проникновение слишком далеко считается нежелательным. Возможно, если бы у нас был спутник погоды...

Вьют поднял голову и, хотя его рот был набит едой, проговорил:

— Говорят, что Свободные там путешествуют и даже охотятся за соуками и сипвелами в южных широтах.

— Соуки и сипвелы? — спросила Джессика.

Кайнз поспешно проговорил:

— Нелепые слухи, моя госпожа. На других планетах так бывает, но только не на Арраки. Соук — это место, где вода выходит на поверхность или проходит близко от нее, так что руководствуясь определенными знаниями можно до нее докопаться. Сипвел — это такая форма соука, при которой человек может вытаскивать воду через соломинку... по крайней мере, так говорят.

В его словах таится ложь, подумала Джессика. Почему он лжет? — удивился Пол.

— До чего же интересно, — сказала Джессика, а про себя подумала: «Так говорят... До чего же у них здесь любопытная форма речи, как она раскрывает их зависимость в сложных ситуациях».

— Я слышал, что у вас есть поговорка, что лоск приходит из городов, а мудрость из пустыни.

— На Арраки есть много поговорок, — ответил Кайнз.

Прежде чем Джессика обдумала новый вопрос, к ней приблизился слуга с запиской. Она вскрыла ее и, увидев кодовые знаки и почерк Герцога, так и впилась в нее.

— Вы будете рады узнать, — сказала она, — что ваш Герцог посылает вам свои заверения. Дело, из-за которого он был вынужден уйти, уже улажено. Исчезнувший карриол найден. Находящийся на его борту агент Харконненов сумел совладать над остальными и перебросить машину на контрабандистскую базу с надеждой продать его. И человек, и карриол уже в наших руках. — Она кивнула Туеку. Тот ответил ей в ответ. Джессика снова сложила записку и убрала ее в рукав.

— Я рад, что дело не дошло до открытого столкновения, — сказал банкир. — Люди так надеются, что Атридесы принесут им мир и процветание.

— Особенно процветание, — сказал Вьют.

— Не отведаем ли теперь десерта, — сказала Джессика. — Сладкое наш повар приготовил на Келадане.

— Звучит восхитительно, — сказал фабрикант стилсьютов. — Нельзя ли мне получить рецепт?

— Любой рецепт, какой пожелаете, — ответила Джессика, регистрируя ответ для отчета Хавату. Фабрикант был мелким трусливым карьеристом и его вполне можно было подчинить себе. Разговор вокруг нее становился все громче.

— Такая прелестная ткань...

— Мы могли бы добиться того, что урожай в следующем квартале увеличится...

Джессика смотрела в тарелку, думая о кодовой части записки Герцога: «Харконнены пытались захватить груз ласганов. Мы захватили их в плен. Это может означать, что с другими грузами им удалось больше. И это, конечно, означает, что они нам оставили небольшой запас защитных полей. Примите меры предосторожности».

Джессика мыслями сосредоточилась на ласганах, размышляя. Прочные белые лучи ласганов могли рассеять любую известную субстанцию, если только она не была окружена защитным полем. Тот факт, что ласган и защитное поле могли взорваться одновременно, не беспокоил Харконненов. Почему? Взрыв мог быть более мощным, чем атомный, он мог убить и того, кто целился, и того, кто защищался защитным полем. Такая нелепость наполнила ее тревогой.

— А я и не сомневался в том, что мы найдем карриол. Раз мой отец взялся разрешить эту проблему, он ее разрешит. Это факт, который начинает становиться фактом и для Харконненов.

Он хвастает, подумала Джессика. Не стоит этого делать. Ни один человек, который ради меры предосторожности против ласганов будет спать этой ночью ниже уровня земли, не имеет права хвастать.

«Побег невозможен — мы платили за жестокость наших предков».

Собрание поговорок Муад Дибя, принцессы Ируген.

Услышав звуки возни в большом холле, Джессика включила свет у кровати. Часы еще не были переведены на местное время и ей пришлось вычесть 21 минуту, чтобы определить, что уже около двух часов ночи. Звуки возни были громкими и бессвязными.

Не нападение ли Харконненов? — подумала она. Она выскользнула из постели и проверила экран монитора, желая узнать, где ее семья. Экран показал Пола спящим в глубоком погребке, который они с неохотой превратили в спальню для него. Шум явно исходил не оттуда. В комнате Герцога никого не было. Кровать его была неразобрана. Был ли он на поле С. Р.? Другие помещения дома еще не просматривались.

Слышался один громкий бессвязный голос. Она слышала, как кто-то позвал доктора Уйе. Джессика запахнула халат и вышла в холл. И снова ее поразила мысль: «Что, если что-то случилось с Лето?».

Она торопилась и путь через коридоры показался ей бесконечным. Повернув под арку, она прошла в столовую, а потом по проходу в большой холл и нашла его ярко освещенным.

Справа от нее, возле главного входа, стояли двое охранников, держа под руки Дункана Айдахо. Голова его упала на грудь и все внезапно погрузилось в тишину.

Один из охранников с упреком обратился к Айдахо:

— Видите, что вы наделали? Вы разбудили госпожу Джессика.

Огромные драпировки за спиной людей качнулись и оказалось, что входная дверь открыта. Никаких следов Герцога или Уйе не было видно. У одного из косяков, холодно глядя на Айдахо, стояла Шадоут. На ней было длинное платье с извилистым рисунком, на ногах — неуместные здесь ботинки для пустыни.

— Значит, я разбудил госпожу Джессику? — пробормотал Айдахо. Он поднял лицо к потолку и рявкнул: — Первой моей клятвой было служить Грамману!

— Мать Божья! Да он пьян! — подумала Джессика.

Айдахо был пьян. Его круглое лицо было мрачно, кудрявые волосы были измазаны. Туника была порвана и сквозь большую дыру торчала нарядная рубашка, в которой он был за обедом. Джессика подошла к нему. Один из охранников кивнул ей, не выпуская Айдахо.

— Мы не знали, что с ним делать, моя госпожа. Он бушевал перед входом и отказывался войти в дом. Мы боялись, что местные могут подойти и увидеть. Это совершенно не годилось, так како нас пошла бы недобрая молва.

— Где он был? — спросила Джессика.

— Он провожал одну молодую леди после обеда, моя госпожа. Это приказ Хавата.

— Какую молодую леди?

— Одну из женщин. Вы понимаете, моя госпожа? — Посмотрев на Шадоут, он понизил голос. — Ему всегда дают особые задания насчет леди.

Джессика подумала: «Да, это так. Но почему он пьян?» Нахмурившись, она повернулась к Шадоут.

— Шадоут, принеси стимулянт. Я предлагаю кофеин. Возможно, остался еще кофе.

Та пожала плечами и направилась в кухню. Ее зашнурованные ботинки звонко шлепали по полу.

Айдахо неуверенно повернул голову и неудобно свесил ее, посмотрев на Джессику.

— У-б-бил для Герцога триста человек, — пробормотал он. — З-за-чем хотел бы я знать, здесь? Не могу жить под землей. Не могу жить без з-зе-мли. Ч-что тут за место, а?

Внимание Джессики привлек звук из бокового коридора. Она обернулась и увидела направляющегося к ним доктора Уйе. С его руки свисала медицинская сумка. Он был полностью одет и выглядел бледным и измученным.

— Д-добрый доктор! — завопил Айдахо. — Ч-то поделываете, доктор? П-пилиите людей? — Он неуклюже повернулся к Джессике. — Из меня дурака делаете, а?

Джессика нахмурилась и ничего не ответила, подумав про себя: «Почему Айдахо пьян? Был ли он подвергнут действию наркотиков?»

— Слишком много пива со спайсом, — сказал Айдахо пытаясь выправиться.

Вернулась Шадоут, с чашкой, над которой поднимался пар, и в нерешительности остановилась за спиной Уйе. Она посмотрела на Джессику и та покачала головой. Уйе поставил сумку, на пол и приветственно кивнул Джессике головой:

— Пиво со спайсом, а?

— Самая проклятая смесь, которую я когда-либо пил, — сказал Айдахо. Он пытался привлечь к себе всеобщее внимание. — Впервые моя шпага иск-к-купалась в крови Граммана? Убил Харкон... Харкон... убил во славу Герцога.

Уйе повернулся, посмотрел на чашку в руке Шадоут.

— Что это?

— Кофеин, — сказала Джессика.

— Выпейте, я приказываю.

Голова Айдахо качнулась в сторону Уйе и он шагнул к нему, увлекая за собой охранников.

— С-сыт мил-лостью Имперской Вселенной, док. Т-теперь буду делать, как хочу.

— После того, как вы это выпьете, — сказал доктор Уйе. — Это всего лишь кофеин.

— Мерзкий, как и все здесь! Чер-р-тово солнце слишком яркое. Ни-че-го в своем свете. Все неверное или...

— Ну-ну, сейчас уже поздно, — сказал доктор. Он говорил нарочно спокойным тоном. — Выпейте это как послушный мальчик. Вам станет лучше.

— Не хочу, чтобы мне стало лучше!

— Мы не можем спорить с ним всю ночь, — сказала Джессика. И подумала: «Такое состояние следует лечить покоем».

— Вам ни к чему здесь оставаться, моя госпожа, — сказал Уйе. — Я могу сам о нем позаботиться.

Джессика покачала головой. Шагнув вперед, она резко ударила Айдахо по щеке. Вместе с охранниками он отступил назад, глядя на нее.

— Нельзя так вести себя в доме вашего Герцога, — сказала она. — А теперь выпейте это! Это приказ!

Айдахо выпрямился, со злобой глядя на нее. Медленно и раздельно он проговорил:

— Я не собираюсь подчиняться приказам проклятой шпионки Харконненов.

Уйе онемел, не отрывая взгляда от лица Джессики.

Ее лицо сразу стало мертвенно-бледным, но она осталась на месте. Все стало ей ясно: неясные намеки, которые она слышала в словах, видела в действиях окружающих ее людей, можно было теперь перевести на понятный язык. Ее охватил такой приступ гнева, что она не могла ничего сказать. Ей понадобилось прибег-

нуть к самым откровенным ее знаниям Бене Гессери, чтобы успокоить свой пульс и выровнять дыхание. И даже тогда перед ее глазами вспыхивали круги. «Айдахо всегда поручали слежку за леди». Она бросила взгляд на Уйе. Доктор опустил глаза.

— Вы знали об этом? — повелительным голосом спросила она.

— Я... слышал слухи, моя госпожа. Но я не хотел усугублять ваше бремя.

— Хават! — крикнула она. — Я хочу, чтобы немедленно привели Зуфира Хавата!

— Но, моя госпожа...

— Немедленно!

Это должен быть Хават, подумала она. Такие подозрения, как эти, могут исходить из другого источника. Иначе они должны быть немедленно отброшены.

Айдахо покачал головой, бормоча.

— Черт бы все побрал.

Джессика перевела взгляд на чашку в своей руке и резко выплеснула ее содержимое в лицо Айдахо.

Заприте его в одной из комнат для гостей в восточном крыле, — сказала она. — Пусть проспит.

Оба охранника уныло посмотрели на нее. Один сказал:

— Может быть, нам стоит отвести его еще куда-нибудь, моя леди. Мы могли бы...

— Ему следует находиться там! — отрезала Джессика. — Для него там есть работа. — В ее голосе звучала горечь. — Он умеет так хорошо наблюдать за леди.

Охранник сглотнул.

— Вам известно, где находится Герцог? — спросила она.

— Он на командном посту, моя госпожа.

— Хават с ним?

— Хават в городе, моя госпожа.

— Вы немедленно приведете ко мне Хавата, — сказала Джессика. — Когда он придет, проводите его в мою гостинную.

— Но, моя госпожа...

— В случае необходимости, я свяжусь с Герцогом, — сказала она. — Надеюсь, такой необходимости не будет. Я не хочу беспокоить его, вмешивая в это дело.

— Да, моя госпожа.

Джессика сунула чашку в руки Шадоут и встретила с вопрошающим взглядом ее голубых глаз.

— Вы можете идти спать, Шадоут.

— Вы уверены, что я вам не нужна?

Джессика мрачно улыбнулась.

— Уверена.

— Возможно с этим можно подождать до утра, — сказал Уйе. — Я могу дать вам снотворное и...

— Возвращайтесь к себе и оставьте это дело для меня. Я сама решу, что делать, — сказала она. Чтобы смягчить суровость своего тона, она потрепала его по руке. — Это единственный путь.

Высоко подняв голову, она резко повернулась и направилась к себе. Холодные стены... коридоры... знакомая дверь. Она рванула ее на себя, вошла и захлопнула ее за собой. Остановившись возле двери, она замерла, глядя на закрытые защитным полем двери и окна своей гостиной. «Хават? Может ли он быть одним из тех, кого удалось подкупить Харконненам? Что ж, посмотрим...»

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу под вышитым чехлом и повернула его так, чтобы можно было сидеть лицом к двери. Внезапно она вспомнила о крисноже, прикрепленном в ножнах к ее ноге. Она сняла ножны и зажала кинжал в руке. Еще раз она внимательно оглядела комнату, впечатывая в памяти каждую мелочь: стул в углу, стулья с прямыми спинками у двери в спальню.

Суспензерные лампы заливали комнату бледно-розовым светом. Она притушила их, села в кресло и, потерев обивку, оценила ее прочность.

А теперь пусть приходит, подумала она. Увидим, что будет. И она принялась готовить себя к встрече, как это делали Бене Гессери: собрать терпение, наполнить себя силой.

Раньше, чем она ожидала, в дверь постучали и появился Хават. Она наблюдала за ним. Слезящиеся глаза Хавата блестели. Освещение комнаты придавало его морщинистой коже желтоватый оттенок, на рукаве виднелось мокрое пятно.

Она поняла, что это кровь. Указав на один из стульев с высокой спинкой, она сказала:

— Сядь на этот стул лицом ко мне, — велела она. Хават поклонился и сделал так, как она сказала. «Этот пьяный дурак Айдахо», — подумал он. Он изучал лицо Джессики, удивляясь ее твердости.

— Нужно много времени, чтобы все между нами объяснить, — сказала Джессика.

— Что вас беспокоит, моя госпожа? — Он сел, положив руки на колени.

— Не играйте со мной в прятки! — крикнула она. — Если Уйе не сказал вам, зачем вас вызвали, то это должен был сделать один из ваших охранников. Можем мы быть по крайней мере честными друг с другом?

— Как пожелаете, моя госпожа.

— Прежде всего ты ответишь мне на один вопрос, — сказала она. — Являешься ли ты агентом Харконненов?

Хават сорвался со своего стула, его лицо потемнело от гнева. Он резко бросил:

— Вы осмелились меня обвинить в этом?

— Сядьте, — сказала она. — Ты тоже осмелился меня обвинить в этом.

Он медленно опустился на стул. А Джессика, читая его мысли, с облегчением подумала: «Это не Хават».

— Теперь я знаю, что ты хранишь верность моему Герцогу, — сказала она. — Поэтому я готова простить тебе мою обиду.

— А есть что прощать?

Джессика нахмурилась, размышляя: «Сказать ли ему о моем козыре? Сказать о дочери Герцога, которую я уже несколько недель ношу под сердцем? Нет... Сам Лего еще не знает об этом. Это только осложнит его жизнь, рассеет его внимание в то время, как он должен сосредоточить все свои силы на борьбу за нашу жизнь. Еще не пришло время об этом говорить».

— Знающий правду разрешил бы этот наш спор, — сказала она, — но у нас нет такого человека.

— Как скажете. У нас нет человека, знающего правду.

— Среди нас есть предатель? — спросила она. — Я изучила наших людей с огромным вниманием. Кто это может быть? Не Гурни, и, конечно, не Дункан. Их лейтенанты недостаточно опытные, чтобы решать серьезные дела. Это не вы, Зуфир. Это не может быть Пол. Я знаю, что это не я. Тогда доктор Уйе. Следует ли мне позвать его и устроить ему испытание?

— Вы знаете, что это напрасный жест, — сказал Хават. — Он был воспитан Высшим Колледжем. Это я знаю наверняка.

— Без упоминания того, что его жена была убита Харконненными и она была Бене Гессери, — сказала Джессика.

— Так вот, что с ней случилось, — сказал Хават.

— Разве вы не слышите ненависти в его голосе, когда он говорит о Харконненах?

— Что заставило вас подозревать меня? — спросила она.

Хават нахмурился.

— Моя госпожа ставит своего слугу в неудобное положение. Мой первый хозяин — Герцог.

— За это я готова тебе многое простить.

— И снова я должен спросить: есть ли что прощать?

— Безвыходное положение? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Давай тогда обсудим что-нибудь еще, — сказала она. — Например, Дункана Айдахо, великолепного воина, чьи способности к охране и наблюдению заслуживают глубокого уважения. Сегодня вечером он переусердствовал кое в чем, носящем назва-

ние пиво со спайсом. Я слышала, что и другие среди наших людей были одурманены этой смесью. Это верно?

— У вас есть собственные источники информации, моя госпожа?

— Да, есть. Неужели вы не рассматриваете это пьянство, как симптом, Зуфир?

— Моя госпожа говорит загадками.

— Напрягите свои способности ментата! — крикнула она. — В чем причина того, что происходит с Дунканом и остальными? Могут ответить вам: у них нет дома.

Он указал пальцем на пол:

— Арраки — вот их дом.

— Арраки для них — неизвестная земля. Их домом был Келадан, но мы лишились этого дома. У них нет дома и они боятся, что Герцог их покинет.

Он окаменел.

— Если бы так заговорил один из наших людей, то это можно было счесть...

— Ах, прекратите, Зуфир. Разве доктор, поставивший правильный диагноз, совершает предательство? Разве можно его за это считать пораженцем? Единственное мое намерение — это вылечить болезнь.

— Герцог доверяет мне в этих вещах.

— Но вы должны понимать, что у меня есть единственный опыт в лечении таких болезней, — сказала она. — И, возможно, ты согласишься, что у меня есть некоторые возможности для этого.

«Придется ли мне ввести его в более жестокий шок? — спросила она себя. — Он нуждался в встряске, в чем-то, что выбьет его из состояния рутины».

— У вашего умения может быть много интерпретаций, — сказал Хават и пожал плечами.

— Вы уже вынесли мне обвинительный приговор?

— Конечно, нет, моя госпожа. Но я должен обратить внимание на любую возможность, и события покажут, насколько они верны.

— Угроза моему сыну прошла здесь, в этом доме, незамеченная вами, — сказала она. — Кто воспользовался этой возможностью?

Его лицо потемнело.

— Я принес свои сожаления Герцogu.

— Но сказали ли вы свои сожаления мне... или Полу?

Теперь он сердился уже открыто, выдавая свое состояние быстротой дыхания, и раздувающимися ноздрями, горящим взглядом. Она видела, как бьется жилка на его виске.

— Я — человек Герцога, — произнес он, раздельно выговаривая слова.

— Это не предательство, — сказала она. — Угроза в чем-то другом. Возможно, это имеет отношение к ласганам. Возможно, они рискнут поставить в нескольких ласганах часовые механизмы, нацеленные на домашние защитные поля.

— И кто сможет сказать после взрыва, не был ли он атомным? — спросил он. — Нет, моя госпожа, они не пойдут на нечто, настолько нелегальное. Радиация рассеивается долго и улики слишком серьезные. Нет, большая часть форм действия для них закрыта. Ставка должна делаться на предательство.

— Вы — человек Герцога, — фыркнула она. — Могли бы вы уничтожить его в попытке спасти?

Он глубоко вдохнул воздух, потом сказал

— Если вы не виновны, я принесу вам самые унижительные извинения.

— Посмотрите на себя, Зуфир, — сказала она. — Люди живут лучше всего тогда, когда каждый из них имеет собственное место, когда каждый знает, что он делает, в обществе. Уничтожьте это место — погибнет и человек. Мы с вами, Зуфир, из всех тех, кто любит Герцога, лучше всего подходим для того, чтобы уничтожить его место. Разве не могла я нашептать о вас Герцогу ночью? Когда лучше всего западают в голову подобные подозрения? Следует ли мне говорить яснее?

— Вы мне угрожаете? — проворчал он.

— Конечно нет. Я просто веду к тому, что кто-то действует против нас, используя для этого основное устройство нашей жизни. Это умно, по-дьявольски умно. Я предлагаю отразить эту атаку, организовав наши жизни так, чтобы подобные клинья некуда было вбить.

— Вы обвиняете меня в распространении беспочвенных подозрений?

— Беспочвенных — да.

— Вас больше устраивают собственные подозрения?

— Это твоя жизнь состоит из подозрений, не моя.

— Значит, вы ставите под сомнения мои возможности?

Она вздохнула.

— Зуфир, я хочу от тебя, чтобы ты исследовал мою эмоциональную вовлеченность в это дело. Настоящий человек — просто животное без логики. Твое представление о логике во всех делах неестественное, но продолжает оставаться таким. Ты — воплощение логики. Ментат. И все же решение твоих проблем во всех делах неестественное, но продолжает оставаться таким. Решение твоих проблем строится на том, что в самом прямом смысле этих слов, образуется вне тебя, требует всестороннего изучения и рассмотрения, деятельного исследования со всех сторон.

— Вы решили поучить меня моему ремеслу? — спросил он, не скрывая презрения.

— Все, что находится вне тебя, ты можешь видеть, и ко всему применить логику, — сказала она. — Но такова сущность человека, что сталкиваешься с личными проблемами. Мы тем не охотнее обращаемся к их изучению, чем более глубокими они являются. Мы склонны барахтаться на поверхности, обвиняя все, что угодно, только не то истинное, что действительно мучает нас.

— Вы, конечно, пытаетесь разрушить мою веру в способности ментата, — раздраженно бросил он. — Где бы я не обнаружил наших людей за попыткой саботировать любое оружие в нашем арсенале, я бы без колебаний обвинил их в измене и уничтожил.

— Хорошие ментаты питают здоровое уважение к ошибке в своих расчетах, — сказала она.

— Я никогда не утверждал обратного.

— Тогда направь свое внимание на симптомы, видимые нами обоими: пьянство среди мужчин, ссоры — они болтают и рассказывают друг другу нелепые слухи об Арраки, они игнорируют самые простые...

— Безделье, только и всего, — сказал он. — Не пытайтесь отвлечь мое внимание, превращая простое в таинственное.

Она смотрела на него, думая о людях Герцога, напивающихся в барах до такой степени, что от них сильно несло.

— Почему ты никогда не использовал мои возможности для службы Герцогу? — спросила она. — Боишься соперника?

Он пристально посмотрел на нее и в его старческих глазах вспыхнул огонь.

— Мне известны некоторые приемы, которые дают вам Бене Гессери... — Он умолк нахмурившись.

— Продолжайте, — сказала она.

— Ведьма Бене Гессери. Мне известно кое-что об истинных приемах, которые они вам дали, — сказал он. — Я наблюдал их у Пола. Я не ошибусь в том, что говорит людям ваша школа: ты существуешь только для того, чтобы служить.

Шок должен быть жестоким и он почти готов его принять, подумала она.

— Ты с уважением слушал меня в Совете, сказала она, — и все же ты редко внимал моим советам. Почему?

— Я не доверял вашим побуждениям как Бене Гессери, — сказал он. — Вы думаете, что видите человека насквозь, что можете человека заставить делать то, что вы...

— Да ты просто дурак, Зуфир, — с силой выдохнула она.

Он нахмурился и откинулся на спинку стула.

— Какие бы слухи о наших школах не ходили, — сказала она, — правда гораздо более величественна. Если бы я хотела

уничтожить Герцога... или тебя, или любое другое лицо в пределах моего влияния, ты не мог бы меня остановить.

Она подумала: «Почему я позволяю гордости извлекать из себя такие слова? Меня не так учили. Я не этим должна его поразить?»

Хават скользнул рукой в разрез туники, туда, где он держал крошечный металлический прибор с отравленными стрелами. «Она не окружена полем, — подумал он. — Неужели это лишь хвастовство с ее стороны? Я мог бы убить ее сейчас же, ну а ответственность, если я ошибаюсь?»

Джессика заметила его взгляд и сказала:

— Будем молиться о том, чтобы насилие никогда не встало между нами.

— Достойная молитва, — сказал он.

— Между тем непонимание между нами все растет и растет, — сказала она. — Я снова должна спросить тебя: разве не было бы более разумным предположить, что Харконнены рассчитали, что это подозрение восстановит между нами вражду.

— Похоже, что мы снова вернулись к мертвой точке, — сказал он.

Она вздохнула, думая: «Он почти готов к этому».

— Мы с Герцогом должны заменить нашему народу отца и мать, — сказала она. — Ваше положение...

— Он на вас не женился, — сказал Хават

Она с трудом заставила себя быть спокойной, думая про себя: «Хороший ответный выпад».

— Но он не женился и ни на ком другом, — сказала она. — И не женится, пока я жива. И потом, я сказала, разрушить естественное положение вещей, внести в них путаницу, сумятицу, разрыв — какая еще цель может быть полезна Харконненам.

Он понял, к чему она клонит, и нахмурился.

— Герцог? — спросила она. — Привлекательная цель, но никто другой, за исключением Пола, не охраняется так тщательно. Я? Это, конечно, покушение, но они должны знать, что я Бене Гессери, — труднодоступная цель. И есть лучшая цель — человек, чьи обязанности создадут непременно чудовищное слепое пятно. Человек, для которого подозрение естественно так же, как дыхание. Человек, который всю свою жизнь строит на подозрениях и тайне. — Она резким жестом выбросила вперед правую руку. — Ты!

Хават начал было вставать.

— Я не отпускала тебя, Зуфир! — вспыхнула она.

Старый ментат почти рухнул на стул, так быстро расслабились его мускулы. Она улыбнулась, но в ее улыбке не было радости.

— Теперь ты знаешь кое-что о настоящих приемах, которым нас научили, — сказала она.

Хават пытался глотнуть пересохшим горлом. Ее приказ был категоричен. И тон, и манера, которым он был сделан, не допускали ничего, кроме безоговорочного подчинения. Его тело повиновалось ему раньше, чем он успел обдумать приказ. Ничто не могло бы предотвратить его реакцию — ни логика, ни страстный гнев... ничто. То, что она могла сделать, говорило о в высокой чувствительности, тонком знании людей и глубоком контроле, о которых он раньше и не мечтал.

— Я уже говорила вам, — сказала она. — Что нам следовало понять друг друга раньше. Я имею в виду, что тебе следовало понять меня. Я тебя уже поняла. И теперь я должна сказать тебе, что твоя лояльность по отношению к Герцогу полностью гарантирует тебе безопасность по отношению со мной.

Он не отрывал от нее взгляда, водя языком по пересохшим губам.

— Если бы я нуждалась в этом, Герцог бы женился на мне, — сказала она. — Он даже мог бы подумать, что делает это по собственной воле.

Хават опустил голову. Лишь самый строгий контроль над собой мешал ему позвать охрану. Контроль... и неуверенность в том, позволит ли эта женщина сделать ему это. В каждой клеточке его тела жили воспоминания о том, как она взяла его под контроль. В эту минуту колебаний она могла вытащить оружие и убить его.

Есть ли у каждого человека такое слепое пятно? — удивлялся он. Может ли каждый человек подчиниться приказу, прежде чем он сможет сопротивляться? Эта мысль ошеломила его. Кто может остановить лицо, обладающее такой властью?

— Мы мельком заглянули в тайну Бене Гессери, — сказала она. — А то, что я сделала, относительно несложная вещь. Все го моего арсенала вы не видели.

— Почему же вы не уничтожили врагов Герцога? — спросил он.

— Кого бы вы хотели, чтобы я уничтожила? — спросила она. — Вы бы хотели, чтобы я сделала нашего Герцога слабым, заставив его во всем опираться на меня?

— Но с такой властью...

— Власть — палка о двух концах, Зуфир, — сказала она. — Ты думаешь, до чего же ей легко ковать оружие, которое может стать смертельным для врага. Это верно, Зуфир, даже для тебя. Но чего я достигну? Если бы все Бене Гессерит так поступали, то не стали бы мы все подозрительными в глазах людей?

Мы не хотим этого, Зуфир. Мы не намерены разрушить сами себя. — Она кивнула. Мы действительно существуем, чтобы служить.

— Я не могу вам ответить, — сказал он. — Вы знаете, что я не могу.

— Ты никому ничего не расскажешь о случившемся здесь, Зуфир, — сказала она. Я знаю тебя.

— Моя госпожа... — И снова старик пытался глотнуть пересошим ртом.

Он подумал: «Да, у нее огромная власть. Но разве это не делает ее еще более ценным инструментом для Харконненов?»

— Герцог мог бы быть уничтожен его друзьями так же быстро, как и врагами, — сказала она. — Теперь я верю в то, что ты проникнешь в тайну подозрения и разгадаешь ее.

— Если это докажет его необоснованность, — сказал Хават.

— Если, — фыркнула она.

— Если! — сказал он.

— Ты очень упрям, — сказала Джессика.

— Осторожен, — сказал он. — и знаю, что такое ошибка.

— Тогда предложу тебе еще один вопрос, — сказала она: — что означает для тебя тот факт, что ты стоишь перед другим человеком, связанный и беспомощный, а другой человек держит нож у твоего горла и все же отказывается убить тебя, освобождает тебя от оков и отдает нож в твое пользование?

Она встала и повернулась к нему спиной.

— Теперь ты можешь идти, Зуфир.

Старый ментат, колеблясь, встал. Его рука скользнула в отверстие туники за смертоносным оружием. Он вспомнил о кольце быка, об отце Герцога (который был храбрым человеком, каковы бы ни были другие его качества) и об одном дне корриды: свирепое черное чудовище стояло, наклонив голову, смущенное и неподвижное. Старый герцог стоял, перекинув огненный плащ через руку под одобрительный гул толпы.

Я бык, а она матадор, подумал Хават. Он убрал руку с оружия и посмотрел на капли пота, блестящие на его ладони.

Он знал, что как бы не закончилось это дело, он всегда будет вспоминать эту минуту, и никогда не потеряет чувства глубокого восхищения перед превосходством леди Джессики.

Он повернулся и спокойно вышел из комнаты.

Джессика отвела взгляд от окна, обернулась и посмотрела на закрытую дверь.

— Теперь будем ждать нужного действия, — прошептала она.

*«Вы боретесь со скалами.
Вы сражаетесь с тенями,
Вы охвачены
Какой-то дремотой?
Время отошло.
Ваша жизнь украдена.
Вы увязли в пустяках
Жертвы собственной
Глупости».*

*Погребальная из песни Муад
Дибя, принцессы Ирулен.*

Лето стоял в фойе своего дома, изучая записку при свете единственной лампы. До рассвета было еще несколько часов, и он почувствовал усталость. Посланник Свободных только что передал эту записку одному из солдат наружной охраны. Герцог как раз вернулся с командного поста. В записке было: «Столб дыма днем, сноп огня ночью». Подписи не было. Что это могло означать? — думал он.

Посланник ушел раньше, не дожидаясь ответа. Он растаял в ночи.

Лето сунул записку в карман туники, думая позже показать ее Хавату. Откинув со лба прядь волос, он глубоко вздохнул. Таблетки против усталости начинали терять остроту действия. Прошли два долгих дня со званного обеда и еще больше времени с тех пор, когда он спал.

Больше всех проблем его утомило беспокойное совещание с Хаватом, отчет о встрече его с Джессикой.

Следует ли мне объяснить ей все? — думал он. Нет больше смысла играть с ней в таинственность. Или есть? Черт бы побрал этого Дункана Айдахо.

Он покачал головой. Нет, не Дункана. Я ошибся в самом на

чале, не оказав ей полного доверия. Я должен что-то сделать, пока не случилось еще какой-нибудь беды.

Приняв это решение, он почувствовал себя бодрым и торопливо направился к Большому Холлу, потом по коридору к семейному крылу.

На повороте, который вел в комнаты слуг, он остановился. Из одного коридора доносились странные мяукающие звуки. Лето поднес руку к выключателю защитного пояса и схватился за рукоятку кинжала. Это вернуло ему чувство уверенности, так как эти звуки вызывали в нем дрожь.

Он тихо двинулся по проходу, ругая плохое освещение. Самые маленькие из ламп были расположены примерно в восьми метрах друг от друга и поставлены на минимальное освещение. Темные каменные стены поглощали свет.

Из царящего впереди мрака, вырисовывались неясные очертания шара, лежащего на полу.

Лето заколебался, почти уже активизировал защитное поле, но в последний момент все же передумал, потому что это ограничило бы его подвижность, его слуховые возможности... и потому, что захват корабля с ласганами наполнил его сомнениями.

Очень осторожно он двинулся к шару и увидел, что это человеческая фигура. Кто-то лежал на камне лицом вниз. Не отнимая руки от рукоятки ножа, Лето ногой повернул человека и наклонился над ним, вглядываясь в лицо при тусклом свете лампы. Это был контрабандист Туек. На его груди темнело мокрое пятно. Широко раскрытые мертвые глаза напоминали два пустых темных провала. Лето тронул его руку — она была еще теплая.

— Как мог этот человек оказаться здесь мертвым? — спросил себя Лето. — Кто убил его?

Звук, напоминающий мяуканье, послышался громче. Он доносился спереди, из бокового коридора, ведущего в комнату, где был установлен главный генератор защитного поля.

Держа одну руку на выключателе защитного поля, а другую на рукоятке кинжала, Лето перешагнул через труп, скользнул дальше по коридору, завернул за угол и направился к комнате с генератором.

На полу, в нескольких шагах от него, виднелась еще одна гряда, и он сразу понял, что это был источник шума. Тот, кто лежал на полу, медленно пополз к нему, задыхаясь и что-то бормоча.

Подавив внезапный приступ страха, Лето бросился вперед и наклонился над распростертой фигурой. Это была Шадоут — домоправительница из Свободных. Волосы падали ей на лицо, одежда была в беспорядке. Темная дорожка виднелась на ее боку

и спине. Он тронул ее за плечо, и она приподнялась на локтях; устремив на него глаза, которые уже заволакивались темнотой.

— Это вы, выдохнула она. — Убит... охранник... послали Туек... побег... моя госпожа... вы... вы... здесь... нет... — она упала головой вперед и ударилась о камень.

Лето пощупал пульс у нее на виске. Его не было. Он посмотрел на рану. Ее ударили ножом в спину. Кто? Мысли лихорадочно бились в его мозгу. Хотела ли она сказать, что убили охранника? Туек? Послала ли за ним Джессика? Почему?

Он начал выпрямляться. Его предупредило какое-то шестое чувство. Он схватился за выключатель защитного поля. Слишком поздно. На его руку обрушился страшный удар. Почувствовав боль, он увидел торчащий в руке дротик. Рука в месте удара онемела и это онемение распространялось дальше. С огромным усилием он выпрямился и посмотрел вглубь коридора.

В открытой двери генераторной стоял Уйе. Его лицо казалось желтым в свете яркого света над дверью. В комнате за его спиной царил тишина — никакого шума работающего генератора.

Уйе, подумал он. Он вывел из строя генератор. Мы совершенно беспомощны!

Уйе кинулся к нему, убирая в карман пистолет-метатель. Обнаружив, что он еще может говорить, Лето крикнул:

— Уйе! Предатель! — Потом паралич достиг его ног, он скользнул на пол и остался сидеть, прислонив голову к стене.

Лицо Уйе было печально, когда он наклонился над Герцогом и потрогал его лоб. Лето мог ощутить его прикосновение, но оно казалось таким далеким, исчезающим.

— Наркотик на стреле селективный, — сказал Уйе. — Вы можете говорить, но я бы не советовал вам этого делать. — Он оглядел коридор, потом снова наклонился над Лето, вытащил стрелу и отбросил ее. Стук дротика о каменный пол отозвался в ушах Герцога отдаленным шумом.

Невозможно, чтобы это был Уйе, подумал Герцог. — Он ведь воспитывался в высшем колледже.

— Как? — прошептал Лето.

— Мне очень жаль, мой бедный Герцог, но есть вещи более ценные, чем это. — Он тронул татуировку у себя на лбу. — Я сам считаю ее могущественной; невзирая на ее лихорадочное состояние, но я всей душой желаю убить человека. Да, я действительно этого желаю. Я останавлиюсь тогда, когда сделать это будет невозможно. — Он посмотрел на Герцога. — Не вас, мой дорогой Герцог. Я хочу убить Барона Харконнена.

— Барона Хар...

— Пожалуйста, успокойтесь, мой бедный Герцог. У вас немного времени. Зуб, который я вам вставил вместо выдернутого — этот зуб должен быть заменен. Я на мгновение ввергну вас в бес-

сознательное состояние и замену зуб. — Он разжал руку, глядя на свою ладонь. — Хотя этот зуб и является точной копией первого, он сделан в высшей степени тщательнее. Он недоступен излучению с помощью детекторов и даже телеразвертки. Но если вы с силой надавите на него, покрытие разрушится. Потом с силой втянете в себя воздух и ваш рот наполнится ядовитым газом — самым смертельным из всех.

Лето смотрел на Уйе и видел безумие в его глазах, капли испарины над бровями и на подбородке.

— Вы все равно должны умереть, мой бедный Герцог, — сказал Уйе., — Но прежде, чем умереть, вы можете очутиться в непосредственной близости от Барона. Он будет уверен в том, что вы оглушены наркотиком и не сможете напасть на него. И вы будете оглушены, но попытайтесь. Нападение может принимать странные формы. Вы будете помнить про зуб, Герцог Лето Атридес. Вы будете помнить про зуб.

Старый доктор наклонялся все ниже и ниже, пока его свисающие усы окончательно не заслонили от Лето свет.

— Зуб, — прошептал Уйе.

— Почему? — пробормотал Лето.

Уйе встал возле Герцога на колено.

— Я заключил дьявольскую сделку с Бароном. И я должен быть уверен в том, что он выполнит свое условие. Я узнаю об этом, когда увижу его. Я буду знать, как только посмотрю на него. Но если я не заплачу свою цену, то я никогда его не увижу. Цена — это вы, мой бедный Герцог. Моя бедная Ванна научила меня многому, и одно из того, чему она меня научила это ясно видеть правду, когда стресс велик. Я не могу это делать всегда, но когда я увижу Барона, тогда я буду знать.

Лето попытался перевести взгляд на зуб в руках Уйе. Все происходящее казалось ему кошмаром — этого просто не могло быть.

Губы Уйе скривились в гримасе.

— Мне не удастся подойти к Барону достаточно близко, иначе бы я сделал это сам. Нет, меня удержат на безопасном расстоянии. Но вы... а, вот оно: Вы самое лучшее мое оружие! Он захочет, чтобы вы были возле него, чтобы позлорадствовать и похвастаться.

Лето никак не мог оторвать взгляда от мускула на левой стороне подбородка Уйе. Когда тот говорил, мускул дергался.

— А вы, мой добрый Герцог, мой несравненный Герцог, должны помнить об этом зубе. — Он держал теперь его в своих пальцах. — Это все, что будет напоминать вам обо мне.

Губы Лето шевелились, но слов не получалось. Наконец, он смог выговорить:

— ...отказываюсь.

— А, нет! Вы не должны отказываться, потому что в обмен на эту маленькую услугу я спасу вашего сына и вашу женщину. Никто другой этого сделать не сможет. Их можно переправить туда, где ни один Харконнен до них не доберется.

— Как... спасти... их? — прошептал Лето.

— Создав видимость их смерти, спрятать их среди людей, которые хватаются за нож при одном упоминании имени Харконненов. — Он потрогал подбородок Лето. — Вы чувствуете, что-нибудь в этом месте?

Герцог обнаружил, что не способен ответить. Он чувствовал еле заметное подергивание, видел руку Уйе с герцогской печатью на пальце.

— Ради Пола, — сказал Уйе. — Сейчас вы потеряете сознание. Прощайте, мой бедный Герцог. При следующей нашей встрече у нас уже не будет времени для разговоров.

Холодная волна пробежала по лицу Лето. Все окружающее погрузилось во тьму.

— Помните о зубе, — прошипел Уйе. — Зуб!!

* * *

«Следовало бы создать науку о неудовлетворенности. Народы нуждаются в тяжелых временах и угнетении для физического развития мускул».

Коллекция поговорок Муад Дибба, принцессы Ирулен.

Джессика проснулась в темноте, чувствуя, что спокойствие вокруг нее нарушено. Она не могла понять, откуда такая вялость в ее мозгу и теле. Страх током ударил по нервам, заставил ее похолодеть. Она подумала, не сесть ли ей и включить свет, но было нечто, что требовало решения. Странное ощущение... во рту. Потом послышался звук. Отдаленный звук. В темноте трудно было понять, откуда он идет. Она ждала, чувствуя, как тянутся секунды.

Наконец, она ощутила свое тело и поняла, что кисти ее рук и лодыжки связаны, а в рот вставлен кляп. Она лежала на боку, а руки были связаны за спиной. Она попробовала пути и убедилась, что это веревка, которая при натяжении лишь сильнее затягивается. И теперь она вспомнила,

В темноте ее спальни было какое-то движение, что-то сырое и едко пахнущее упало ей на лицо, забило рот, какие-то руки схватили ее. Она задохнулась, чувствуя, что этим сырым и едким был наркотик. Сознание отступило, оставляя ее в полной ужаса темноте.

Совершилось, подумала она. Каким простым делом оказалось покорить Бене Гессери. Для этого понадобилось только предательство. Хават был прав.

Она заставила себя не тянуть веревку.

«Это не моя спальня, — подумала она. — Меня куда-то перенесли». Медленно ей удалось добиться контроля над собой и внутреннего спокойствия. Она смогла ощутить несвежий запах собственного пота с примесью страха в нем. «Где Пол, — подумала она. — Что с ним сделали?»

Она заставила себя успокоиться с помощью древних приемов. Но ужас оставался совсем рядом. Лето? Где ты, Лето.

Она почувствовала изменения в окружающей ее темноте. Они начались с появлением теней. Теперь она могла полнее использовать свои ощущения. Белое. Полоса под дверью. Я на полу.

Подходили люди. Она чувствовала это по дрожанию пола. Воспоминание вернуло Джессику к пережитому ужасу. Я должна оставаться спокойной. Я должна быть готова. Можеть быть, у меня будет только один шанс. И снова она заставила себя успокоиться. Неритмичное биение ее пульса выровнялось, она закрыла глаза, сконцентрировалась на приближающихся шагах. Четверо людей.

Она уловила разницу в их шагах. Я должна сделать вид, что все еще нахожусь под действием наркотика. Она заставила тело расслабиться на холодном полу, ощутила его готовность, услышала как открылась дверь, почувствовала сквозь сжатые веки, что стало светлее.

Шаги приблизились, кто-то наклонился над ней.

— Ты проснулась! — прогремел бас. — Не притворяйся.

Она открыла глаза.

Над ней стоял Барон Владимир Харконнен. Она узнала комнату, где спал Пол, увидела его пустую кровать. Охранники остались стоять возле открытой двери, держа в руках зажженные лампы. Из холла бил яркий свет, причиняя боль глазам.

Она посмотрела на Барона. На нем была темная фуражка, толстые щеки вздымались красными холмами над паучьими темными глазами.

— Наркотик действует определенное время, — прогремел он. — Нам до минуты было известно, когда он кончит на тебя действовать.

— Какая жалость, что ты должна оставаться с кляпом, — сказал Барон. — У нас бы мог получиться такой интересный разговор.

Только Уйе мог знать, какой наркотик на меня действует. Только он, подумала она. Но как?

Барон оглянулся на дверь.

— Войди, Питер.

Того, кто вошел и остановился за спиной Барона, она никогда не видела, но его лицо и сам человек был ей известен: Питер де Бриз. Ментат-убийца. Она изучала его ястребное лицо, чернильно-синие глаза, заставляющие предположить, что он родился на Арраки, хотя утонченность его движений и манеры говорили об

обратном. И его плоть была слишком хорошо сформирована водой. Он был высокий и стройный, но что-то в нем указывало на изнеженность.

— Какая жалость, что мы не можем с тобой поговорить, дорогая госпожа Джессика, — сказал Барон. — Тем не менее, мне известно о ваших возможностях. — Он посмотрел на Ментата. — Не так ли, Питер?

— Как скажете, Барон, — ответил тот. У него был тенор. Звуки его голоса отдались в ней холодом. Она никогда не слышала такого пронзительного голоса. Для нее этот голос кричал, что он убийца.

— У меня есть сюрприз для Питера. — сказал Барон. — Он думает, что пришел получить свою награду — вас, леди Джессика. Но я должен продемонстрировать одно обстоятельство, а именно, хочет ли он вас на самом деле.

— Вы со мной играете, Барон? — спросил Питер и улыбнулся. Видя эту улыбку, Джессика удивилась тому, что Барон не отскочил в сторону, пытаясь защититься от этого Питера. Но потом она поправила себя. Барон не мог прочесть смысла этой улыбки. Он не знал учения.

— Во многих вопросах Питер наивен, — сказал Барон. — Он не представляет себе, какая вы удивительная и сложная натура, леди Джессика. Я бы показал ему, но рисковать трудно и глупо. — Барон улыбнулся Питеру, чье лицо превратилось в маску ожидания. — Я знаю, чего Питер жаждет на самом деле Питер жаждет власти.

— Вы обещали, что я смогу ее получить, — сказал Питер. Его голос потерял часть своей спокойной сдержанности.

Джессика слышала, что лежало на дне этого голоса, и внутренне вздрогнула. Как мог Барон сделать ментата из такого животного?

— Я предлагаю тебе выбор, Питер, — сказал Барон.

— Какой выбор?

Барон щелкнул толстыми пальцами.

— Эта женщина и изгнание из Империи или Герцогство Атридас на Арраки и твоё управление по собственному усмотрению и под моим именем.

Джессика следила за тем, как его паучьи глаза изучают Питера.

— Вы можете быть здесь Герцогом во всем, кроме имени, — сказал Барон

«Значит, мой Лето умер?» — спросила себя Джессика. Она почувствовала, что в ее груди растет молчаливый вопль.

Барон продолжал изучение ментата.

—Пойми, Питер, ты хочешь ее потому, что она была женщиной Герцога, символом его власти — красивая, полезная, в высшей степени вышколенная для своей роли. Но целое Герцогство, Питер! Это больше, чем символ. Это реальность. С ним ты можешь иметь много женщин... и еще больше.

— Вы смеетесь над Питером?

Барон повернулся к свету лампы и он осветил его лицо.

— Смеюсь? Я? Вспомни: я отказался от мальчика. Ты слышал, что сказал предатель об умении парня. Они похожи — мать и сын — безумно похожи. — Барон улыбнулся. — Теперь я должен идти. Я пришлю охранника, которого я специально приберег для этой минуты. Он глух, как камень. Ему будет приказано стать твоей правой рукой в твоём изгнании. Он услышит эту женщину, когда увидит, что она берет над тобой контроль. Он не позволит тебе вынуть клык из ее рта до тех пор, пока вы не покинете Арраки. Если ты останешься, он получит другие приказы.

— Вы можете не уходить, — сказал Питер. — Я выбрал.

— Ха-ха! — хихикнул Барон. — Подобная быстрота решения может означать только одно.

— Я возьму Герцогство, — сказал Питер.

Джессика подумала: «Неужели Питер не знает, что Барон лжет ему? Но... как он может знать? Он — испорченный ментат».

Барон посмотрел на Джессику.

— Ну, не удивительно ли, что я так хорошо знаю Питера? Я держу пари, что выбор будет именно таким. Ха-ха! Что, теперь я ухожу. Так гораздо лучше. Вы понимаете, леди Джессика? Я не питаю к вам злобы. Меня вынуждает необходимость. Так гораздо лучше. Да. И я не отдавал никаких приказов о вашем уничтожении. Когда меня спросят, что с вами случилось, я смогу с полным основанием пожать плечами.

— Значит, вы оставляете ее мне? — спросил Питер.

— Охрана, которую я тебе оставляю, будет следовать твоим приказам, — сказал Барон. — Что бы ни следовало сделать, я оставляю на тебя. — Он посмотрел на Питера. — Да, здесь мои руки не обогрятся кровью. Решение принадлежит тебе. Да, я ничего об этом не знаю. Прежде чем ты сделаешь то, что надо сделать, ты подождешь моего отъезда. Да, так будет лучше.

Он боится вопросов Видящей Правду, подумала Джессика. Кто это? А, Преподобная Мать, конечно же! Если ему известно, он должен пройти процедуру вопросов, а потом этим для верности, займется Император. А, бедный мой Лето!

Взглянув в последний раз на Джессику, Барон повернулся и вышел. Она проследила за ним взглядом, думая: «Как и предугреждала Преподобная Мать, слишком могущественный враг».

Вошли двое солдат Харконненов. Еще один, с ласковым наго-

тове, застыл в дверях. Тот глухой, подумала Джессика, изучая покрытое временем лицо. Барону известно, что я могу испробовать Голос на любом человеке. Охранник обратился к Питеру:

— Мальчик у входа на носилках. Какие будут ваши приказания?

Питер обратился к Джессике:

— Я думал связать вас угрозой, обращенной на вашего сына, но теперь вижу, что это бесполезно. Причина, связанная с эмоциями — плохая политика для ментата. — Он посмотрел на своих солдат и, повернувшись так, чтобы глухой мог видеть его губы, сказал: — отведите их в пустыню, как это предлагал для мальчика предатель. Его план хорош. Черви уничтожат все следы. Их тела никогда не должны быть найдены.

— Вы не хотите отослать их сами? — спросил тот, кто был со шрамом.

— Я следую примеру моего Барона, — сказал Питер. — Отведите их туда, куда сказал предатель.

Джессика тоже поняла по его тону, что он держит себя под жестким контролем и подумала: «Он тоже боится Видящей Правду».

Питер пожал плечами, повернулся и двинулся к двери. Там он в нерешительности остановился, и Джессика подумала, что он хочет оглянуться, чтобы посмотреть на нее в последний раз, но он вышел, не оглядываясь.

— Что до меня, то после такой работы я бы не хотел стоять лицом к лицу с Видящей Правду, — сказал покрытый шрамами ветеран.

— Вряд ли тебе придется повстречаться с этой ведьмой, — сказал один охранник. Он подошел к Джессике и наклонился над ней, глядя ей в лицо. — Хватит болтать. Работа сама не делается. Бери ее за ноги и...

— Почему бы нам не убить ее здесь?

— Слишком грязная работа, если только ты не хочешь их задушить? Что касается меня, то я люблю, когда все просто. Положим их в пустыне и оставь улики червям. После этого убирать будет нечего.

— Да... думаю, ты прав... — сказал охранник со шрамом.

Джессика слушала, наблюдала и отмечала. Но кляп не давал ей говорить.

Охранник со шрамом убрал ласган в кобуру и взял ее за ноги. Они подняли ее как мешок с зерном, вынесли из комнаты и положили на носилки рядом с другой связанной фигурой. Когда они ее перевернули, она увидела, что это был Пол. Он был связан, но во рту у него не было кляпа. Его лицо находилось не более чем в десяти сантиметрах от ее лица, глаза были закрыты, дыхание ровное.

«Находится ли он под действием наркотиков?» — подумала она. Охранники подняли носилки и глаза Пола чуть приоткрылись.

Он не должен пробовать Голос, — взмолилась она.

Глаза Пола закрылись. Он использовал познающее дыхание, успокаивая свой разум, слушал своих тюремщиков. Глухой являл собой проблему, но Пол не поддавался отчаянию. Успокаивающая разум система, которой научила его мать, держала его в равновесии, готовая возобладать над любой возможностью.

Пол позволил себе еще раз изучить лицо своей матери под полуприкрытыми веками. Она, казалось, была в сознании, но ее рот был закрыт кляпом. Собственное пленение было похожим: капсула, пробуждение со связанными руками и ногами на носилках. Возможно, подобное произошло и с ней. Логика подсказывала, что предателем был Уйе, но он оттягивал окончательное решение. Такое трудно было представить: Сак-доктор и предатель.

Солдаты Харконненов пронесли носилки в открытую дверь и они скользнули в звездную ночь. Носилки поставили на землю. Над головами пленников вращались крылья топтера, закрывая звезды.

Глаза Пола привыкли к слабому освещению. Он узнал глухого тюремщика, когда тот открывал дверь люка.

— Мы на нем должны лететь? — спросил он и оглянулся, чтобы проследить за движениями губ своих спутников.

— Это тот, который по словам предателя, предназначен для работы в пустыне, — сказал другой.

Охранник со шрамом кивнул.

— Но он используется для связи. Здесь хватит места только для них и двоих из нас.

— Двоих достаточно, — сказал другой. — Теперь мы сами позаботимся о них, Кинт.

— Барон велел мне быть уверенным во всем, что случится с этими двумя, — сказал охранник со шрамами.

— Что это ты так беспокоишься? — подал голос третий из охранников.

— Она ведьма — Бене Гессери, сказал глухой. — У них большая власть.

— А-а-а... — Тот, что направлял носилки, покрутил пальцем вокруг лба: — Из этих? Знаю я таких.

Его товарищ усмехнулся.

— Однако они скоро превратятся в мясо для червя. Не думаю, что даже она имеет власть над червем, а, Гжиго?

— Угу, — ответил тот. Он повернулся к носилкам и тронул Джессику за плечо.

— Иди сюда, Кинт. Можешь сам лететь, коли хочешь быть уверенным во всем.

— Очень мило с твоей стороны, Гжиго, взять меня, — сказал глухой.

Джессика почувствовала, что ее поднимают. Ее протолкнули через заднюю дверцу, чьи-то пальцы тщательно ощупали веревку и поправили ее. Пола положили рядом с ней, его пути тоже были тщательно осмотрены, и она отметила, что он был связан простой веревкой.

Человек со шрамами, глухой, которого они называли Кинтом, занял место впереди. Тот, кто направлял носилки и которого звали Гжиго, занял другое переднее место.

Кинт закрыл дверцу и склонился над приборами. Винт топпера заработал, судно оторвалось от земли и взяло курс на юг, к Защитной Стене. Гжиго тронул своего спутника за плечо и спросил:

— Почему бы тебе не понаблюдать за теми двумя?

— Ты уверен, что знаешь, куда лететь?

— Я слышал слова приятеля также, как и ты.

Кинт повернулся, и Джессика увидела в его руке ласган. Овещение в кабине было достаточное, но лицо охранника все же оставалось в тени. Джессика попробовала натяжение ремня своего сидения и обнаружила, что тот плохо натянут. Ощувив шершавость в ремне у левой руки, она почувствовала, что он почти порвался и лопнет при рывке. Был ли здесь кто-нибудь раньше, готовя его для нас? Кто? Она медленно согнула ногу на виду у Пола.

— Просто стыдно вот так зря пускать в расход такую красивую женщину, как эта. У тебя были когда-нибудь такие высокородные штучки? — Охранник со шрамом обернулся и посмотрел на пилота.

— Бене Гессери вовсе не высокородные, — ответил пилот. — Но по виду да.

Он может видеть меня достаточно ясно, — подумала Джессика. Она подняла связанные ноги на сидение и согнула их, глядя на охранника.

— Она правда очень хорошенькая, — сказал Кинт. Он облизал губы языком. — Просто жаль так терять. — Он посмотрел на Гжиго.

— Ты думаешь, что я думаю о том же?

— Кто знает? — Кинт пожал плечами. — В конце концов, у меня таких никогда не было. Может такого рода шанс никогда больше не представится.

— Не смей так говорить о матери! — раздраженно сказал Пол.

— Ха! — рассмеялся пилот. — Щенок залаял. Думаю, ему не удастся никого укусить.

А Джессика подумала: «Пол дал своему голосу слишком высокий тон». И все же может сработать».

Они продолжали полет в молчании.

Какие же они глупцы, думала Джессика, изучая своих охранников и вспоминая слова Барона. Они будут убиты, как только отчитаются в выполнении задания. Барон не станет оставлять свидетелей.

Топтер скользнул над южной оконечностью Защитной Стены и Джессика увидела внизу, под ними, залитые луной песчаные просторы.

— Далеко это должно быть, — сказал пилот. — Предатель велел опустить их на песок где-нибудь поблизости от Защитной Стены. — Он стремительно направил судно вниз, выравнивая его лишь над поверхностью пустыни.

Джессика увидела, что Пол начинает упражнение, успокаивающее дыхание. Он закрыл глаза, потом опять открыл. Джессика следила за ним, не имея возможности ему помочь. Он еще не овладел искусством голоса, подумала она. Если ему не удастся...

Топтер, мягко накренившись, коснулся песка. Джессика, посмотрев назад, к северу, на Защитную Стену, увидела тень мелькнувших и пропавших крыльев. Кто-то преследует нас! Но кто? — думала она. Те, кого Барон послал следить за этой парой? А за ними будут следить и другие наблюдатели?

Гжиге выключил двигатель. Все погрузилось в тишину. Джессика повернула голову. Из окна из-за головы охранника со шрамами был виден тусклый свет поднимающейся луны и облитый ее холодным светом край скалы, возвышавшийся над пустыней. По обеим сторонам вздымались волны песка.

Пол прочистил горло.

Пилот сказал:

— Ну что, Кинт?

— Я не знаю, Гжиге.

— А-а-а, смотри. — Он потянулся к юбке Джессики.

— Вытащи у нее кляп! — скомандовал Пол.

Джессика почувствовала, как повисли в воздухе его слова. Тон и тембр были выбраны превосходно — повелительные, очень резкие. Сказанные чуть громче, они были бы еще доходчивее, но и так она чувствовала, они попали в спектр человека.

Гжиге развязал ленту, которой был обвязан рот Джессики, и потянул за конец кляпа.

— Оставь! — приказал Кинт.

— А, заткни свой клапан, — сказал Гжиге. — У нее ведь руки связаны. — Он вытащил кляп, жадно взгляделся в Джессику и его глаза заблестели.

Кинт положил руку на локоть Гжиге.

— Слушай, Гжиге, — не нужно...

Повернув шею, Джессика выплюнула кляп. Она настроила свой голос на низкий повелительный тон:

— Джентльмены! Не нужно бороться за меня. — В то же время она изогнулась так, чтобы Кинт мог видеть ее лицо.

Она видела, как они напряглись, зная, что в это мгновение они оба убедились в необходимости драться за нее. Их несогласие не нуждалось ни в каких причинах. Мысленно они уже за нее боролись.

Она повыше подняла голову, чтобы быть уверенной в том, что Кинт видит движения ее губ, и сказала:

— Вы не должны спорить. Разве есть женщина, которая стоит борьбы? — спросила она.

И своим тоном, и своим присутствием она утверждала обратное: да, она стоит борьбы.

Пол плотно сжал губы, с силой вынуждая себя молчать. Для успеха его Голоса был лишь один шанс. Теперь все зависело от его матери, чей опыт был несравненно выше его.

— Угу, — сказал охранник со шрамами. — Зачем бороться...

Его руки взметнулись над шеей пилота. Удар был встречен вспышкой металлического предмета, вонзенного в руку Кинта, и тут же поразившего его в грудь.

Охранник со шрамами застонал и сполз на пол.

— Он думал, что я болван. Незнакомый с этим трюком, — сказал Гжиго. Он вытащил нож и его лезвие блеснуло в свете луны. — А теперь займемся щенком, — сказал он и подался вперед, к Полу.

— В этом нет нужды, — прошептала Джессика.

Гжиго колебался.

— Разве я не помогла тебе? — спросила Джессика. — Дай мальчику еще шанс. — Ее губы изогнулись в усмешке. — Очень маленький шанс в этих песках. Дай ему его и... — Она улыбнулась. — Ты получишь хорошую награду.

Гжиго посмотрел по сторонам, потом снова на Джессику.

— Мне приходилось слышать, что может случиться с человеком в этой пустыне, — сказал он.

— Разве я прошу слишком много? — пожаловалась Джессика.

— Ты пытаешься меня надуть, — пробормотал Гжиго.

— Я не хочу видеть, как мой сын умирает, — сказала она. — Разве это значит «надуть»?

Гжиго подвинулся назад, локтем пробуя задвижку двери. Он схватил Пола, перетащил его через сидение, наполовину пропихнул в дверь и взялся за нож...

— Ну что, молокосос, теперь перерезать твою веревку?

— Он уйдет отсюда немедленно и направится к тем скалам, — сказала Джессика.

— Ты так сделаешь, молокосос? — спросил Гжиго.

— Намеренно кислым голосом Пол ответил:

— Да.

Пол почувствовал, как рука за его спиной швыряет его на песок, сделал вид, будто зацепился за дверцу, повернулся, словно желая освободиться, и с силой выбросил вперед правую ногу. Носок ботинка был нацелен точно, делая честь долгим годам учения, как будто все полученные знания слились в этот удар. Он вложил в него движения почти всех мускулов своего тела. Удар пришелся в мягкую часть брюшины Гжиги. Хрипло вскрикнув, охранник повалился на сидение.

Пол неспособный помочь себе руками, продолжал свое падение, но приземлился на песок так искусно, что ему понадобилось лишь одно движение, чтобы снова оказаться на ногах. Он нырнул в кабину, нашел нож и, держа его в зубах, помог матери освободиться от пут.

— Мне лучше следовало бы с ним договориться, — сказал Пол. — Он должен был бы перерезать мои путы. Смешно так рисковать. Но я увидел возможность и использовал ее.

Она поняла по его голосу, под каким жестоким контролем он себя держит, и сказала:

— На потолке кабины символ Уйе.

Он посмотрел на потолок и увидел извилистое изображение символа.

— Выходи и давай осмотрим корабль, — сказала она. — Под сидением пилота лежит какой-то предмет. Я почувствовала это, когда нас сюда вносили.

— Бомба?

— Сомневаюсь. Здесь есть какая-то странность.

Пол спрыгнул на песок. Джессика последовала за ним. Обернувшись, она потянулась за странным предметом, увидела ногу Гжиги совсем рядом с собой, почувствовала сырость на пакете, когда доставала его, и обнаружила, что этой сыростью была кровь пилота.

Напрасная трата влаги, подумала она, сознавая, что эта мысль была мыслью арракинки.

Пол огляделся и увидел утес, возвышающийся среди пустыни. В тот момент, когда его мать вытаскивала пакет из кабины, он повернулся и увидел, что она смотрит на дюны в сторону Защитной стены. Проследив направление ее взгляда, он увидел другой топтер, приближающийся к ним, и понял, что у них нет времени для побега.

— Беги, Пол! — закричала Джессика. — Это Харконнены!

«Арраки учит философии ножа: отрубай то, что не имеет завершения, и говорит: «Теперь оно завершено, потому что здесь его конец».

Собрание поговорок Муад Дибба, принцессы Ирулен.

Человек в форме Харконненов остановился в конце холла, посмотрел на Уйе, бросил взгляд на тело Шадоут, на лежащего на полу Герцога. В правой руке человек держал ласган. В нем было нечто такое грубое и жестокое, он казался таким уверенным в себе, что Уйе невольно вздрогнул.

Сардукар, подумал Уйе. Возможно из собственного войска Императора, присланный сюда для слежки. Неважно, какая на нем форма, их не замаскируешь.

— Вы Уйе, — сказал вошедший. Он пристально посмотрел на обруч Сак-школы на голове доктора, перевел взгляд на бриллиантовую татуировку и только потом встретился с ним взглядом.

— Да, — ответил доктор.

— Можете успокоиться, Уйе, — сказал человек. — Когда вы выключили защитное поле, мы сразу же вошли в дом. Теперь все под нашим контролем. Это Герцог?

— Да.

— Мертв?

— Без сознания. Предлагаю вам связать его.

— А что нужно остальным? — он оглянулся и посмотрел туда, где лежало тело домоправительницы.

— Только жалость, — пробормотал Уйе.

— Жалость! — фыркнул сардукар. Он шагнул вперед и посмотрел на Герцога.

Если бы у меня оставались сомнения на этот счет, то им бы сейчас пришел конец, подумал Уйе. Только император называл Атридеса Красным Герцогом.

Сардукар протянул руку и сорвал с формы Герцога изображение ястреба.

— Маленький сувенир, — сказал он. — Где кольцо с герцогской печатью? — спросил он.

— Его на нем не было, — сказал Уйе.

— Это мы еще посмотрим! — рявкнул сардукар.

Уйе окаменел. Если они прижмут меня и сделают очную ставку с Видящей Правду, то им станет известно и о кольце, и о приговоренном мной топтере — и тогда все пропало.

— Иногда Герцог посылал кольцо с посыльным, чтобы дать знать, что приказ исходит лично от него, — сказал Уйе.

— Нужно чертовски доверять таким посланцам, — пробурчал сардукар.

— Разве вы не собираетесь его связывать? — решил спросить Уйе.

— Сколько он пробудет без сознания?

— Примерно два часа. Его данные мною изучены так же тщательно, как данные женщины и мальчика.

Сардукар ткнул Герцога носком ботинка.

— Даже когда он проснется, бояться нечего. Когда проснутся женщина и мальчик?

— Примерно через десять минут.

— Так скоро?

— Мне сказали, что Барон прибудет вслед за своими людьми.

— Так и будет. Вы будете ждать снаружи, Уйе. — Он бросил на Уйе жесткий взгляд. — Идите немедленно.

Уйе посмотрел на Лето.

— А как же...

— Он будет доставлен к Барону тщательно связанным. — Сардукар снова посмотрел на татуировку на лбу Уйе. — Вас знают. В холлах вам будет безопаснее. У вас нет больше времени для болтовни, предатель. Я слышу приближающихся людей.

Предатель, подумал Уйе. Опустив взгляд, он прошел мимо сардукара, зная, что он услышал те слова, которыми заклеят его история: Уйе — предатель...

На пути ко входу ему попались другие тела, лежащие на полу, и он со страхом взгляделся в них, боясь увидеть Джессику или Пола. Все это были люди из охраны Дома или Харконнены.

Солдаты из охраны Харконненов насторожились, когда он пошел ко входной двери, пристально глядя на него.

— Это предатель, — сказал кто-то.

— Барон скоро захочет вас видеть, — сказал другой.

Я должен идти к топтеру, подумал Уйе. Я должен спрятать

герцогскую печать туда, где ее найдет Пол. И его пронзил страх: «Если Айдахо заподозрит меня или потеряет терпение, если он не дожидается и не отправится туда, куда ему я велел, Джессика и Пол не будут спасены. Мне не удастся даже в малой степени смягчить сделанное мною».

Охранник Харконненов отпустил его руку и сказал:

— Ждите там, в сторонке.

— Внезапно Уйе увидел себя со стороны, одного среди чужих, никому не нужного, ни в ком не вызывающего жалости. Айдахо не должен подвести. Другой охранник подтолкнул его и рывкнул:

— Убирайтесь с дороги, вы!

— Даже воспользовавшись мною, они презирают меня, подумал Уйе. Он выпрямился, сохраняя остатки достоинства.

— Ждите Барона! — крикнул офицер.

Уйе кивнул, с вынужденной непринужденностью прошел вдоль фасада дома и повернул за угол, куда не достигал свет пламени от горящих факелов. Быстро, так, что каждый шаг вызывал его беспокойство, Уйе прошел на задний двор, за оранжерею, где был оставлен топтер, который должен был увезти Джессику и Пола.

В открытых задних дверях дома стоял охранник, его внимание было направлено на освещенный холл и сновавших там людей, которые обыскивали комнаты.

* * *

«Существует легенда, что в тот момент, когда Герцог Лето Атридес умер, метеор прорезал небо над его родной планетой Келадан».

*Предисловие к истории детства
Муад Дибя. принцессы Ирулен*

Барон Владимир Харконнен стоял у обозревателя на лихтере, который он выбрал своим командным пунктом. Обозреватель открывал перед ним картину пылающей арракинской ночи. Его внимание привлекла виднеющаяся в отдалении Защитная Стена, где делало свою работу его тайное оружие, взрывающиеся снаряды. Орудия били по пещерам, где нашли свое убежище войска Герцога. Тщательно отмеренные дозы оранжевого огня, град камней и пыли при краткой вспышке и люди Герцога были замурованы и обречены на голодную смерть, пойманные как животные в своих норах. Сквозь толщу металла до него долетал отдаленный гул.

Кто додумался обратиться к артиллерии в наш век защитных полей? — усмехнулся он. Но было ясно одно, что люди Герцога бросятся именно в эти пещеры. И Император оценит то, как умело я сохранил нашу живую силу.

Он отрегулировал один из маленьких суспензеров, предохраняющих его тело от полного действия притяжения. Губы его разошлись в улыбке, подбородок дрогнул.

Жаль терять таких солдат, как люди Герцога, подумал он. Его улыбка стала еще шире, он рассмеялся про себя. Жалости следует быть жестокой! Он кивнул. Ошибки исправлять нельзя. Вся вселенная лежит здесь, открытая человеку, который умеет принимать правильные решения. Неуверенных в себе кроликов следует выявлять, осаждать в их норах. Как же иначе взять их

под контроль? Он представил своих солдат медведями, гоняющимися за кроликами. И он подумал: «Хорош тот день, когда вокруг тебя жужжат много пчел, работающих на тебя».

Дверь за его спиной открылась. Прежде чем повернуться, Барон изучил отражение вошедшего в стекле. В комнату вошел Питер де Бриз. За ним шагал Уйман Куду, капитан личной охраны Барона. Среди охранников, стоящих за дверью, произошло движение, которое они всегда принимали в его присутствии.

Барон обернулся. Питер поднес руку к пряди волос на лбу в насмешливом приветствии.

— Хорошие новости, мой господин. — Сардукар захватил Герцога.

— А как же иначе, — фыркнул Барон.

Он изучал подлую маску, застывшую на лице Питера. И его глаза. Скоро я должен буду его убрать, подумал Барон. Он почти исчерпал свою полезность, достиг той точки, когда человек становится личной опасностью для меня. Тем не менее, он должен заставить народ Арраки ненавидеть его. А потом они с радостью встретят моего Фейда-Рауса в качестве правителя.

Барон перевел взгляд на капитана охраны: мощная фигура, кожа как подошва. Этому человеку можно было доверять. его хватка была всем известна.

— Прежде всего, где предатель, выдавший Герцога? — спросил Барон. — Я должен вручить его награду.

Питер повернулся и кивнул охране, стоявшей около дверей. Они расступились и вперед вышел Уйе. Его движения были медленными и точными. Усы уныло свисали над красными губами. Одни глаза, казалось, жили на мертвом лице. Уйе сделал три шага и остановился, повинаясь движению руки Питера. Он стоял и глядел на Барона.

— А, доктор Уйе.

— Это я, мой господин Харконнен.

— Я слышал, вы выдали нам Герцога.

— Я выполнил свою часть сделки, мой господин.

Барон посмотрел на Питера. Тот кивнул.

Барон снова посмотрел на Уйе.

— Часть сделки? А... — Он продолжал, отчеканивая каждое слово — Что я должен сделать в обмен?

— Вы хорошо это помните, мой господин.

Теперь Уйе позволил себе обдумать услышанное. Он видел в поведении Барона коварство и предательство. Ванна действительно была мертва — они не могли до нее достать, в противном случае Барон бы не упустил возможности поиграть на слабости доктора. Поведение Барона показывало, что такой возможности не существовало, все было кончено.

— Помню? — спросил Барон.

— Вы обещали освободить мою Ванну от страданий.

Барон кивнул.

— Ах, да. Теперь я тоже вспомнил. Так я и сделаю. Это было моим обещанием. Что ж, Владимир Харконнен всегда держит свои обещания. Я сказал, что избавлю ее от страданий и позволю вам соединиться. Пусть так и будет. — Он махнул рукой Питеру.

Голубые глаза Питера остекленели. Его движения приобрели кошачью вкрадчивость. Нож в его руке сверкнул, когда он вонзил его в спину доктора Уйе.

Старик окаменел, не сводя взгляда с Барона.

— Так соединитесь с ней! — выплюнул Барон.

Уйе стоял, качаясь. Его губы шевельнулись, и он произнес, заботливо выговаривая каждое слово:

— Вы... думаете... что... победили... меня... думаете... я... не знаю... что... купил... для моей... Ванны...

Он упал, не крелясь и не сгибаясь. Упал как срубленное дерево.

— Так соединись с ней, — повторил Барон, но его слова прозвучали тихо.

Все случившееся наполнило его дурными предчувствиями. Он посмотрел на Питера, наблюдая, как тот вытирает свой нож, и заметил удовлетворение в его глазах.

Так вот как он убивает своей рукой, — подумал Барон. — Неплохо это было узнать.

— Он действительно выдал нам Герцога?

— Вне всяких сомнений, мой господин.

— Тогда приведи его сюда.

Питер посмотрел на капитана охраны и тот отправился выполнять приказ. Барон посмотрел на Уйе. Судя по его падению, можно было предположить, что у него дубовые колья вместо костей.

— Никогда не мог себя заставить доверять предателям, — сказал Барон, — даже предателю, созданному мною.

Он посмотрел в темноту за окном. Орудия больше не стреляли. Норы-ловушки были герметично закрыты. Совершенно неожиданно Барона охватило очарование этой красотой за окном. Но сомнения все еще были в нем. Что он имел в виду? Конечно, ему следовало знать, что с ним будет в конце. Но эта его фраза: «Вы думаете, что победили меня?» Что он имел в виду?

В комнату вошел Герцог Лето Атридес. Его руки были скованы цепью, на худом лице была грязь. Его форма была разорвана в том месте, где кто-то сорвал знак отличия. Ключья висели и на груди — очевидно, защитный пояс сорвали с него, не расстегнув. Глаза Герцога горели безумным огнем.

— Та-а-ак, — протянул Барон. — Он колебался, глубоко вдыхая в себя воздух. Он понимал, что произнес это чересчур громко. Будь этот проклятый доктор проклят на веки веков!

— Полагаю, добрый Герцог находитесь под действием наркотика, — сказал Питер. — Поэтому Уйе удалось сохранить его для вас. — Питер повернулся к Герцогу: — Вас опоили наркотиками, мой добрый Герцог?

Голос прозвучал далеко-далеко. Лето почувствовал тяжесть цепей, боль в мускулах, потрескавшихся губах и опаленных щеках, сухой вкус жажды, от которого, казалось, распухли щеки. Но звуки были тусклыми, как будто скрыты одеялом. И силуэты предметов были тусклыми и неясными.

— Что насчет женщины и мальчика, Питер? — спросил Барон. — Есть сообщение?

С молниеносной быстротой Питер провел кончиком языка по губам.

— Ты что-то слышал? — рявкнул Барон. — Что?

Питер посмотрел на капитана охраны и снова на Барона.

— Люди, которым вы поручили эту работу, были найдены...

— Так они сообщили что-нибудь удовлетворительное?

— Они мертвы, мой господин.

— Конечно, а как же иначе. Я хочу знать вот что...

— Они были найдены мертвыми, мой господин.

Лицо Барона стало мертвенно-бледным.

— А женщина и мальчик?

— Никаких следов, мой господин, но там побывал червь. Он прошел, когда изучалось место происхождения. Возможно так, как мы надеялись, несчастный случай. Возможно...

— Мы не занимаемся возможностями, Питер. Как насчет исчезнувшего топтера? Это что-нибудь говорит моему ментату?

— Очевидно на нем бежал один из людей Герцога, мой господин. Убил нашего пилота и бежал.

— Кто он?

— Убийство было сделано тихо и чисто, мой господин. Может быть, Хават или Хэллек. Возможно Айдахо, или лейтенант из приближенных.

— Возможно, — пробормотал Барон. Он посмотрел на слегка покачивающуюся фигуру Герцога.

— Мы хозяева положения, мой господин. — сказал Питер.

— Нет, совсем нет! Где этот глупый планетолог? Где человек по имени Кайнз?

— Нам дали знать, где его можно найти, и за ним уже послали...

— Мне совсем не нравится то, как помогает нам слуга Императора, — пробормотал Барон.

Некоторые слова неясно достигли слуха Лето. «Женщина и мальчик — никаких следов». Пол и Джессика бежали. А судьба Хавата, Хэллека и Айдахо оставалась неизвестной. Надежда все еще была.

— Где герцогское кольцо с печатью? На его пальце его нет.

— Сардукар сказал, что когда он забрал его, кольца на нем не было, мой господин, — ответил капитан охраны.

— Ты слишком поспешно убил доктора, — сказал Барон. — Это было ошибкой. Тебе бы следовало предупредить меня, Питер, Твои стремительные действия не пошли нам на пользу. — Он нахмурился. — Возможности...

В голове Лето была только одна мысль: «Пол и Джессика бежали». И еще что-то застряло в его памяти: сделка. Теперь он почти вспомнил. Зуб! Часть ее он уже помнил твердо: «В искусственный зуб запрятан отравляющий газ». Кто-то велел ему помнить о зубе. Он был у него во рту. Он мог почувствовать его форму, проведя по нему языком. Все, что нужно было сделать, это резко надавить на него. Еще нет! Кто-то велел ему подождать, пока он не окажется вблизи Барона. Но кто? Он не мог вспомнить.

— Сколько времени он будет оставаться в этом состоянии? — спросил Барон.

— Возможно еще час, мой господин.

— Возможно, — пробормотал Барон. Он отвернулся к окну. — Я голоден.

Это Барон, вон та неясная фигура в серой маске, думал Лето. Маска двигалась туда-сюда, пританцовывая и покачиваясь вместе с комнатой. А комната то расширялась, то сужалась. Она делалась то светлее, то темнее. Она то погружалась в туман, то становилась прозрачной. Время представлялось Герцогу пластинами, и он двигался сквозь них.

«Я должен ждать».

Там был стол. Лето видел его достаточно ясно. А за столом сидел огромный толстый человек и перед ним были остатки еды. Лето чувствовал себя сидящим на стуле напротив толстого человека, почувствовал тяжесть ремней, цепей, удерживающих на стуле его качающееся тело.

Он сознавал, что какой-то промежуток времени выпал из его сознания, но какой — этого он не знал.

— Мне кажется, он приходит в себя, Барон.

Какой вкрадчивый голос. Это Питер.

— Мне тоже так кажется.

Громыхающий бас. Это Барон.

Лето почувствовал увеличивающуюся определенность во всем, что его окружало. Стул под ним приобрел твердость, оковы — тяжесть и остроту. И теперь он ясно видел Барона. Лето наблюдал за движениями его рук, очарованный их движением.

— Вы можете меня слышать, Герцог Лето, — сказал Барон. — Я знаю, что вы можете меня слышать. Мы хотим, чтобы вы сказали нам, где ваша наложница и ребенок, которого вы с ней произвели.

От внимания Лето не ускользнула ни одна деталь, но слова вселили в него спокойствие: «Значит, это правда, они не получили Пола и Джессику».

— Мы здесь не в детские игры играем, — прогромыхал Барон. — Я хочу, чтобы вы это знали. — Он подался к Лето, изучая его лицо. То, что вопрос не мог быть разрешен между ними с глазу на глаз, наполняло Барона сожалением.

Лето чувствовал, как возвращаются к нему силы. И теперь воспоминание о зубе встало в его памяти. Он вспомнил, кто вставил в его рот это смертоносное оружие. Уйе!

В голове его возникло воспоминание, затуманенное наркотиками, как мимо протасили его безжизненное тело. Это был Уйе. теперь он это знал.

— Вы слышите этот шум, Герцог Лето?

До сознания Лето дошел какой-то отдаленный шум, чьи-то мучительные стоны.

— Мы схватили одного из ваших людей, переодетого Свободным, — сказал Барон. — Нам очень легко было распознать его, как вы понимаете, его подвели глаза. Он настаивает, что был послан к Свободным, чтобы шпионить за ними. Я некоторое время жил на этой планете, мой дорогой кузен. За этими мерзавцами никто не шпионит. Скажите мне, вы купили их помощь? Вы ото-слали к ним женщину и сына?

Лето почувствовал, как страх сдавил его грудь. «Если он ото-слал их в пустыню, поиски их не прекратятся до тех пор, пока их не найдут».

— Ну же, ну же, — сказал Барон. — У нас мало времени, а боль близка. Не доводите, пожалуйста, до этого, мой дорогой Герцог.

Барон посмотрел на Питера, стоявшего рядом с Лето.

— У Питера не все инструменты с собой, но он, полагаю, сумеет что-нибудь придумать.

— Иногда импровизация, — самое лучшее, Барон.

Этот вкрадчивый, предрекающий голос. Лето чувствовал, как назойливо он лезет в уши.

— У вас был аварийный план, — сказал Барон. — Куда вы ото-слали женщину и ребенка? — Он посмотрел на Лето. — Ваше кольцо исчезло. Оно у мальчика? — Барон поднял голову и посмотрел Герцогу в глаза. Вы не отвечаете, — сказал он. — Вы хотите вынудить меня делать то, чего я не хочу? Питер исполь-

зует простые и прямые методы. Я согласен, что это не самое лучшее, но иногда и это помогает.

— Горячий жар на спину или на веки, — сказал Питер. А может и на другие части тела. Особенно это хорошо действует, когда человек не знает, куда будет положена следующая порция. Метод хорош, а эти гнойные белые раны на теле даже красивы, а, Барон?

— Великолепны, — подтвердил Барон, но голос его прозвучал сердито.

Звуки чых-то мук производили на Герцога гнетущее впечатление. Кого они схватили? — думал он. Может ли это быть Ай-дахо?

— Верьте, мой дорогой кузен, — сказал Барон, — я не хочу, чтобы до этого дошло.

— Вы ждете помощи, которой не будет, — сказал Питер. — Здесь все дело в артистизме, вы же знаете.

— Ты превосходный художник, — проворчал Барон, — но теперь тебе лучше помолчать.

Внезапно Лето вспомнил слова Хэллека, сказанные им, когда он смотрел на портрет Барона: «И стоял я на песке у моря и увидел тварь, появляющуюся из воды...»

— Мы теряем время, Барон, — сказал Питер.

— Возможно. — Барон кивнул. — Знаете, мой дорогой Лето, в конце концов, вы скажете, где они. Если уровень боли превысит тот, который вы можете выдержать..

Он совершенно прав, подумал Лето. Вот только если бы не зуб.. и тот факт, что я абсолютно не знаю, где они.

Барон взял кусочек мяса, медленно прожевал его и проглотил. Нужно изменить тактику, подумал он.

— Посмотри на этого пленника, Питер, отрицающего, что он обычный наемник, — сказал Барон. — Посмотри.

Потом леденящие душу звуки умолкли. Барон увидел капитана охраны. Тот появился в дверях и покачал головой. Пленник не дал никаких сведений. Еще один промах. Лишь зря потрачено время на уговоры этого дурака Герцога, этого глупого мягкотелого дурака, не понимающего, какой ад находится всего лишь в двух шагах от него.

Эта мысль успокоила Барона, напомнив ему, что он хозяин положения, хозяин чужой боли. Он вдруг представил себя хирургом, занимающимся бесконечными операциями.

Лето смотрел на него, удивляясь, почему он медлит. Зуб быстро положил бы конец всему. И все же... как хороша была большая часть его жизни. Он вспомнил воздушного змея, летающего в небе Келадана, и Пола, хохочущего от радости при виде этого зрелища. И он вспомнил восход солнца здесь, на Арра-

ки — выцветший силуэт защитной стены в обрамлении пыльной дымки.

— Плохо, очень плохо, — пробормотал Барон. Он встал из-за стола, легко выпрямился и заколебался, видя происшедшую перемену в Герцоге. Он видел, как тот глубоко вобрал в себя воздух, как напрягся его подбородок, потом рот Герцога широко раскрылся.

Как он меня боится! — подумал Барон.

Охваченный диким испугом, что Барон может ускользнуть от него, Лето изо всей силы надавил на зуб-капсулу и почувствовал, как тот сломался. Он открыл рот, выпуская смертоносный газ, вкус которого он уже ощутил. Барон сделался совсем маленьким, как будто переместился в конец длинного туннеля. Чей-то хрип достиг ушей Лето. Питер. И это тоже.

— Питер? В чем дело?

Рокошущий голос доносился откуда-то издалека. Все виденное пронеслось в голове Лето несвязным хороводом: комната, стол Барон, пара наполненных ужасом глаз. Появился какой-то человек с подбородком как подметка, вот он упал. У него был сломанный, скошенный влево нос. Лето услышал звон разбитой посуды, такой далекий шум в ушах, не больше. Его разум стал бездонным, он вобрал в себя все, все, что когда либо было, каждый крик, каждый шепот, каждое молчание. Лишь одна мысль не покинула его. Лето видел ее среди бесформенного хаоса: «День создает плоть, а плоть камень». Эта мысль наполнила его полнотой, которую нельзя объяснить. Потом тишина.

Барон стоял у двери своей комнаты под защитой поля. Он сумел включить его в этой комнате, полной мертвых людей. Чутье не подвело его. «Не вдохнул ли и я? — спрашивал он себя. — Что бы это ни было, не прошло ли оно в меня?»

К нему вернулась способность различать звуки... и способность здраво рассуждать. Он услышал чьи-то громкие приказы: «Противогазы... не открывать дверь... специалистов сюда».

Остальные упали сразу, думал он. Я еще стою, я еще дышу. Беспощадный яд! Как ты был близок!

Теперь он мог все обдумать. Его защитное поле действовало не в полную силу, но все же достаточно, чтобы замедлить проникновение молекул через барьер поля. И он оттолкнулся от стола с такой силой, что отлетел прочь... это и крик Питера, заставивший капитана охраны метнуться навстречу собственной судьбе. Предупреждения в хрипе умирающего — они и спасли его.

Барон не чувствовал никакой жалости к Питеру. Дурак позволил себя убить. А этот глупый капитан охраны! Он еще утверждал, что тщательно обследует каждого, кого допускает ко встрече с ним! Но как это удалось Герцогу? Никаких предупре-

ждающих сигналов. Даже со стороны уловителя на столе—во всяком случае до того, как стало слишком поздно. Как? Ладно, теперь это неважно, подумал Барон, чувствуя себя гораздо увереннее. Следующий капитан охраны начнет с поисков ответа на эти вопросы.

Судя по шуму, деятельность в холле у дверей в комнату смерти сделалась еще активнее. Барон отошел от двери, изучая реакцию толпящихся вокруг него лакеев. Они молча смотрели на него, ожидая, как поведет себя Барон.

И до его сознания вдруг дошло, что всего лишь несколько секунд прошло с тех пор, как он вылетел из этой ужасной комнаты.

Кое-кто из охранников держал наготове оружие, направив его на дверь. Некоторые обратили его в сторону холла, откуда доносились звуки возни.

Из-за угла холла поспешно вышел человек в противогазе с прикрепленными к нему уловителями: У человека были желтые волосы и плоское лицо с зелеными глазами. Вокруг рта с толстыми губами—глубокие морщины. Он походил на существо, поднявшееся из морских глубин.

Барон вспомнил его. Это был Нефуд, капрал охраны. Человек остановился перед Бароном и приветствовал его.

— Коридор чист, мой господин. Я наблюдал снаружи и понял, что должен быть отравляющий газ. Вентиляторы вашей комнаты вытягивали воздух из этих коридоров. — Он посмотрел поверх головы Барона. — Никто из персонала не бежал. Теперь мы должны очистить комнату. Какие будут указания?

Он расторопный, этот капрал, подумал он.

— Разве они все мертвые? — спросил Барон.

— Да, мой господин.

Что ж, займемся делами, подумал Барон.

— Прежде всего, позволь мне поздравить тебя, Нефуд. Ты — новый капитан моей охраны. И я надеюсь, что роковая ошибка твоего предшественника послужит тебе хорошим уроком.

Барон наблюдал, как сказанное им овладевает сознанием вновь испеченного капитана охраны. Нефуд кивнул.

— Мой господин знает, что я всецело отдаю себя в его власть.

— Хорошо... Теперь я должен перейти к делам. Я подозреваю, что Герцог скрывал что-то во рту у себя. Ты обнаружишь, что это такое, как оно действовало и кто ему помог в этом. Примешь все возможные меры предосторожности...

Он замолчал, цепь его мыслей была разрушена шумом в коридоре за его спиной: охранники, стоявшие у лифта, пытались задержать высокого полковника, только что появившегося из лифта.

Барон не мог вспомнить лицо полковника: тонкое, с ртом как лезвие бритвы и чернильными пятнами глаз.

— Прочь руки! — гремел человек, расталкивая охрану.

А, один из сардукаров, подумал Барон.

Полковник стремительно направился к Барону, чьи глаза зажглись пониманием. Вид сардукара наполнил его тревогой. Все они казались похожими на Герцога... покойного Герцога. И как они вели себя с Бароном!

Полковник остановился в полушаге от Барона. Охрана нерешительно мялась за его спиной.

Барон отдал честь на манер сардукаров, его тревога все возрастала. Здесь был только один легион — десять бригад — подерживающих легионы Харконненов, но Барон не обманывал себя. Этот легион вполне мог взять верх над войсками Барона и подчинить их себе.

— Скажите вашим людям, чтобы они оставили меня в покое, Барон, — сердито сказал сардукар. — Мои люди передали вам Герцога Атридеса раньше, чем я успел обсудить с вами его судьбу. Мы обсудим ее сейчас.

Я не должен терять своего достоинства перед своими людьми, подумал Барон.

— Итак? — точно рассчитанная гордость прозвучала в этом.

— Мой Император уполномочил меня проследить за тем, чтобы его королевский кузен умер легко, без мучений, — сказал полковник.

— Такой же точно приказ я получил от Императора, — согласился Барон. — Неужели вы думаете, что я его нарушил?

— Я должен сообщить моему Императору о том, что видел собственными глазами, — сказал полковник.

— Герцог уже умер, — рявкнул Барон и махнул рукой, отпуская своего собеседника.

Полковник продолжал неподвижно стоять, глядя на Барона. Ни блеском глаз, ни движением мускулов он не дал понять, что понял знак, как относящийся к нему.

— Как? — спросил он.

Вот оно! — подумал Барон. Это уже чересчур!

— От своей собственной руки, если это вам нужно знать, — сказал Барон. — Он принял яд.

— Я немедленно осмотрю тело. — сказал полковник.

Барон в деланном раздражении поднял глаза к потолку, в то же время мысли его лихорадочно работали «Проклятье! Этот глазастый сардукар увидит комнату раньше, чем там будет наведен порядок!»

— Я хочу немедленно его осмотреть, — проворчал сардукар.

Ничего не поделаешь, подумал Барон. Сардукар все равно все увидит. Он узнает, что Герцог убил людей Харконнена... что сам Барон, вероятно, чудом избежал той же участи. Уликой тому слу-

жили остатки еды на столе, мертвый Герцог и мертвые тела на полу. Ничего не поделаешь.

— Я не хочу откладывать, — рявкнул полковник.

— Вам ничего не придется откладывать, — сказал Барон и посмотрел прямо в глаза сардукару. — Я ничего не скрываю от моего Императора. — Он кивнул Нефуду. — Полковник должен увидеть все и немедленно. Пропусти его в комнату.

— Сюда, сэр, — сказал Нефуд.

Медленно и торжественно офицер прошел мимо Барона и охранника.

Невыносимо, подумал Барон. Теперь Император узнает о моей ошибке. Он примет это как знак моей слабости. Особенно мучителен был тот факт, что в Императоре, как и в его сардукарах, жило презрение к слабости. Барон покусал нижнюю губу, утешая себя тем, что Императору, по крайней мере, неизвестно о налете Атридесов на Гади Прайм и уничтожения там спайсовых отрядов Харконненов. Черт бы побрал этого увертливого Герцога.

Барон смотрел вслед удаляющейся фигуре сардукара. Мы должны все уладить. Нужно немедленно поставить на этой планете Раббана. Никаких ограничений. Я должен потратить нашу собственную кровь, чтобы сделать Арраки пригодной для Фейда-Рауса. Черт бы побрал этого Питера! Он позволил убить себя раньше, чем я его использовал!

Барон вздохнул. И я должен послать в Трейлах за новым ментатом. Теперь у них без сомнения есть новый ментат, пригодный для меня.

Один из стоящих возле него охранников кашлянул.

Барон обернулся к нему.

— Я голоден.

— Да, мой господин.

— И я хочу, чтобы меня развлекали, пока вы не уберете комнату и проникнете в тайну Герцога, — прогремел Барон.

Охранник опустил глаза.

— Каких развлечений вы желаете, мой господин?

— Я буду в своих покоях, — сказал Барон. — Приведите ко мне того паренька, которого мы захватили на Гамоне. того, с чудесными глазами. Да хорошенько накачайте его наркотиками. Я не хочу борьбы.

— Да, мой господин.

Барон повернулся и двинулся вихляющей походкой в свои покои.

Да, подумал он, того, с чудесными глазами, который так похож на юного Пола Атридеса.

*«О, моря Келадана,
О, люди Герцога Лето.
Цитадель Лето пала.
Пала навсегда...»*

*Песня Муад Диб, принцессы
Ирулен.*

Полу казалось, что все его прошлое, все узнанное им до этой ночи, стало песком, струящимся в песочных часах. Он сидел возле своей матери, охватив руками колени, внутри маленького сооружения из ткани и пластика, которое было таким же, как и одежда Свободных.

Пол посмотрел через прозрачный край палатки на освещенные луной скалы, скрывающие место, куда их спрятал Айдахо.

Прячусь как ребенок, подумал Пол, а ведь теперь я Герцог. Злоба обуяла его при этой мысли, он не мог отрицать мудрость сделанного.

За эту ночь что-то произошло с его сознанием, с обостренной ясностью он видел каждое событие, каждую деталь случившегося. Он чувствовал, что не способен остановить приток сведений или изменить ту холодность оценки, с которой добавлялось к его знаниям каждая деталь и велся счет полученным знаниям. Это была сила ментата и даже больше того.

Пол вернулся мыслями к тому моменту бессильного гнева, когда странный топтер вынырнул прямо на них. То, что произошло с сознанием Пола, случилось именно тогда. Топтер приземлился и покотил по песку вдоль песчаных гребней к бегущим фигурам — его матери и ему. Пол вспомнил как ударил им прямо в лицо запах горячей серы от смазки колес топтера.

Его мать, он знал это, повернулась, чтобы встретить вспышку ласгана, направленного на нее наемником Харконненов, но

увидела Дункана Айдахо, который высунулся из открытой дверцы, крича:

— Скорее! Южнее вас знак червя!

Но Пол, оборачиваясь, знал, кто ведет топтер. Маневр полета, стремительная посадка, знаки, такие незначительные, что даже его мать не смогла их различить, безошибочно сказали ему, кто сидит за рулем.

Джессика, сидевшая рядом с ним, сказала:

— Объяснение может быть одно. Харконнены держали жену Уйе. Он ненавидел их! Я не могу в этом ошибиться. Ты читал его записку? Но почему он спас нас от расправы?

Она только теперь поняла это. Как плохо, подумал Пол. Эта мысль удивила его. Сам он понял это как бы между прочим, во время чтения записки, к которой была приложена герцогская печать в пакете.

«Не пытайтесь меня простить, — писал Уйе. — Я не хочу вашего прощения. Бремя мое и без того велико. То, что я сделал, было сделано без злобы и без надежды на понимание. Это мое последнее испытание. Я посылаю вам герцогскую печать, как знак моей искренности. К тому времени, как вы прочтете эту записку, Герцог Лето будет мертв. Но поверьте мне, он умер не один. Тот, кто ненавистен вам больше всего на свете, уйдет вместе с ним»

Ни подписи, ни адреса не было, но почерк не вызывал сомнений: Уйе.

Вспомнив записку, Пол снова испытал горечь той минуты нечто острое и странное, что казалось происходило вне его новой духовной бдительности. Он прочел то, что отец его умер. Он знал, что это правда, но узнанное им было не больше, чем еще одним фактом, полученным и используемым его разумом.

Я любил отца, подумал Пол. Он знал, что это было действительно так. Я должен был бы оплакать его. Я должен был что-то почувствовать. Но он не чувствовал ничего, кроме того, что это важное сведение. Сведение — одно из многих других. И все время в его мозгу перекрещивались процессы сравнения, экстраполяции, подсчета.

Пол вспомнил слова Хавата: «Настроение — забава для скота и в любви. Дерешься, когда в этом возникает необходимость, а не когда в тебе говорит настроение»

Возможно именно это, подумал Пол. Я оплачу своего отца, когда для этого наступит время.

Он чувствовал, что холодность оценки не покидает его. И он чувствовал, что это новое знание было только началом, что оно росло. Ощущение ужасной цели, полученное им впервые при испытании его Преподобной Матерью, вновь охватило его. В его

правой руке—той, что помнила боль — возникло чувство покалывания и подергивания.

«То ли это самое, что они называют Квизац Хадерахом?» — спрашивал он себя.

— Какое-то время я думала, не подвел ли нас Хават, — сказала Джессика. — Я думала, что может Уйе не был сак-доктором.

— Он был всем, что мы о нем думали... и даже больше, — сказал Пол, подумав: «Почему до нее так медленно доходят такие вещи! Затем он добавил: — Если Айдахо не свяжется с Кайнзом, мы будем...

— Он не единственная наша надежда, — сказала она.

— Я этого не утверждал, — сказал Пол.

Она услышала в его голосе сталь, резкость приказа, пристально посмотрела в его сторону.

— Многие люди твоего отца бежали, — сказала она. — Мы должны снова найти их и собрать...

— Мы сможем полагаться только на себя, — сказал он. — Первоочередная работа — это атомные бомбы нашей семьи. Мы должны забрать их раньше, чем Харконнены сумеют их разыскать.

— Вряд ли они будут найдены, — сказала она, — учитывая то, как они были спрятаны.

— Нельзя оставлять никакой возможности.

Джессика подумала: «Шантаж атомным оружием нашей семьи всей планете и ее спайсу—вот о чем он думает. Но все, на что он может надеяться в таком случае, это укрытие за чужим именем».

Слова его матери вызвали в мозгу Пола еще одну цепь мыслей: «Герцог должен позаботиться обо всех этих людях, которым суждено было спастись этой ночью. Люди — истинная сила Великого Дома», — подумал Пол, вспоминая слова Хавата.

— Они пользуются помощью сардукаров, — сказала Джессика, — Мы должны подождать, пока они не будут отозваны.

— Они думают, что могут загнать нас между пустыней и сардукарами, — сказал Пол. — Они убеждены в том, что у Атридесов здесь нет последователей — они все уничтожены. Те, что сбежали, не считаются.

— Они не осмелятся продолжать, рискуя вызвать при этом гнев Императора.

— Не осмелятся?

— Ведь некоторые из наших людей могут убежать.

— Смогут ли?

Джессика отвернулась испуганная силой горечи, которая слышалась в голосе сына. Она чувствовала, что его разум опережает ее, что во многих вопросах он сделался дальновиднее,

чем она. Она сама сделала все, что могла, для того, чтобы он стал таким, но теперь ее обуял страх. Она обратилась мыслями к своему Герцогу, потерянному ею убежищу, и слезы навернулись ей на глаза.

«Так все и должно было быть, Лето, — подумала она. — Время любви и время скорби». Она положила руку на живот, сосредоточившись мыслями на покоящемся там зародыше. Во мне дочь Атридеса, которую мне приказано произвести на свет, но Преподобная Мать ошиблась: дочь не спасла бы Герцога. Этот ребенок только нить в будущее среди моря смерти. Я зачала, повинувшись инстинкту, но не ради послушания.

— Попробуй еще раз включить передатчик, — сказал Пол. Наш разум продолжает работать, независимо от того, сдерживаем мы его или нет, подумала Джессика.

Она нашла крошечный приемник, оставленный Айдахо, и включила его. На панели загорелся крошечный зеленый огонек. Из динамика вырвался негромкий шум. Она усилила звук и начала поворачивать ручку настройки. Под тентом зазвучал голос, говоривший на языке Атридесов:

«...назад и снова сплотиться у хребта. По сообщениям, оставшиеся в живых не были обнаружены ни в Картаге, ни в банке Союза».

«Картаг! — подумала Джессика. — Рассадник Харконненов!»

— Они — сардукары, — сказал голос. — Ищите сардукаров в форме Атридесов. Они...

Шум перекрыл голос говорившего, потом наступила тишина;

— Ты понимаешь, что это означает? — спросила Джессика.

— Я этого ожидал. Они хотят, чтобы Союз обвинил нас в разрушении их банка. Пока Союз против нас, мы заперты на Арраки. Поищи другую волну.

Она повторила про себя его слова: «Я этого ожидал». Что с ним случилось? Джессика вновь повернулась к приемнику. Она повернула ручку настройки и они поймали обрывки фраз, выкрикиваемые на боевом языке Атридесов: «...назад. попробуем сплотиться... пойманные в пещере...»

Победные же тарабарщины Харконненов не вызывали сомнений. Резкие слова команд, приказы. Слов было слишком много, чтобы Джессика могла понять их смысл, но тон был очевидным. Победа Харконненов.

Пол трахнул лежащий рядом пакет и услышал бульканье воды. Глубоко вздохнув, он посмотрел сквозь прозрачный кусок тента на скалу, чей силуэт ясно вырисовывался на фоне звездного неба. Левой рукой он тронул плотно закрытый вход в тент.

— Скоро рассвет, — сказал он. — Мы можем ждать Айдахо целый день, но не следующую ночь. В пустыне можно путешествовать ночью, а днем прятаться в тень.

В памяти Джессики всплыли слова: «Человек, прячущийся в пустыне в тени без стилсьюта, нуждается в день в пяти литрах воды, чтобы поддерживать вес своего тела». Она почувствовала мягкое прикосновение ткани стилсьюта к телу и подумала о том, что их жизнь зависит от этих приспособлений.

— Если мы уйдем отсюда, Айдахо не сможет нас найти,— сказала она.

— Есть способ, который заставит заговорить любого человека, — сказал Пол. — Если Айдахо не вернется на заре, мы должны рассмотреть возможность его поимки. Как ты думаешь, сколько он сможет продержаться?

Ответа на свой вопрос он не получил. Наступила тишина.

Пол снял обертку с пакета и вытащил крошечный микроучебник с фиксатором и увеличительным стеклом. Зеленые и оранжевые буквы выступали на страницах. Сколько всего нужно знать, чтобы выжить в пустыне. Он отложил учебник в сторону.

— Куда бы мы могли пойти? — спросила Джессика.

— Мой отец говорил мне о «власти над пустыней», — сказал Пол. — Харконнены не могут править на этой планете, не могут иметь ее. Им никогда не удавалось это раньше, не удастся и впредь. Даже с десятью тысячами легионов сардукаров.

— Пол, не можешь ты думать, что...

— В наших руках все улики, — сказал он. — Мы знаем, что Союз добивается запрещения продажи спутников определения погоды. Мы знаем, что...

Джессика кивнула, не способная говорить.

— Однажды, — сказал Пол, — мой отец попросил меня передать тебе кое-что, если с ним что-нибудь случится. Он боялся, что ты можешь поверить в то, что он тебе не доверял.

Это бесполезное подозрение, подумала она.

— Он хотел, чтобы ты знала, что он никогда не подозревал тебя. Он хотел, чтобы ты знала, что он всегда полностью тебе доверял, всегда любил и заботился о тебе. Он сказал, что скорее усомнился бы в себе, и что сожалеет лишь об одном, о том, что не сделал тебя Герцогиней.

Страхивая с себя струившиеся слезы, Джессика подумала: «Какая глупая трата воды тела!» Лето, мой Лето, думала она. Как ужасно мы поступаем с теми, кого любим?

Рыдания сотрясли ее тело. А Пол, слыша, как скорбит его мать, чувствовал внутри себя пустоту. Почему? Почему? — думал он. Почему нет скорби во мне? Он чувствовал в себе неспособность к скорби, как и к порыву чувств.

Время получать и время терять, думала Джессика, цитируя про себя слова из Библии: «Время брать и время отбрасывать, время любить и время ненавидеть, время войны и время мира».

Пол все дальше удалялся мыслями по пути холодной до дрожи оценки. Он видел, как перед ним на этой враждебной планете расстилаются дороги. Не прибегнув даже к безопасной призме мечтания, он сосредоточился на своей способности предвидения, видя не только расчет вероятного будущего, но и нечто большее, край тайны как если разум опустился в неподвластные времена.

Неожиданно разум Пола взлетел еще на одну ступень знания. Он почувствовал себя утвердившимся на этом новом уровне и вглядывающимся с этой высоты в даль. Как будто он находился внутри шара, во всех направлениях от которого расходились дороги... и все же подобное сравнение лишь приблизительно передавало испытываемые им ощущения.

Он вспомнил, как видел однажды развевающийся на ветру шарф, и теперь будущее определялось им также, как нечто зыбкое и непостоянное, как этот трепещущийся на ветру шарф.

Он увидел людей. Он ощутил жару и холод бесчисленных возможностей.

Он знал имена и места, ему было хорошо знакомо бесчисленное количество чувств, он читал результаты исследований бескрайнего количества темных пятен. Это было время испытаний и исследований, но не время создания формы. Перед ним расстилался спектр возможностей, соединяющий самое отдаленное прошлое с самым отдаленным будущим. Он видел в бесчисленных вариантах собственную смерть. Он видел новые планеты, новые культуры. Люди. Люди.

Он видел их такими огромными толпами, что их невозможно было сосчитать, и все же он отмечал каждого. Даже людей Союза.

Но мысль о жизни вне его жизни, в поисках разума вперед среди возможного будущего, которая ведет мчащиеся в пространства корабли, ужаснула его. Хотя это был путь. И на встрече с возможным будущим, где были и люди Союза, он узнал его собственную отчужденность.

У меня есть другой вид зрения. Я вижу другую землю: доступные пути. Это знание порождало и уверенность, и тревогу — столько мест на этой другой земле уклонилось от его зрения или избегало его.

Так быстро, как только это было возможно, способность чувствовать оставила его, и он постиг весь опыт, какой способен дать живое пространство.

Да, его собственное, его личное знание было перевернуто, освещено ужасным путем. Он огляделся.

Снаружи все еще была ночь. Все еще слышались рыдания его матери. Он все еще ощущал собственное отсутствие скорби... Это пустынное место отделялось в его сознании, которое продолжало свой уверенный путь вперед, имея данные оценки под

счетов и складывая из них ответы подобным ментату путем.

И теперь он увидел, что обладая богатством окончательных данных, он может понять все, что осознал разумом. Но это создало внутри него пустоту, выносить которую было нелегко. Он чувствовал, что нечто должно разрушиться. Это было похоже на то, как если бы внутри него тикал часовой механизм бомбы. Он продолжал свое дело независимо от того, желает он или нет. От этого немного менялось то, что его окружало: влажность, температура, полет насекомого над крышей их тента, торжественное приближение рассвета на освещенной звездами небесной дороге, видеть которое он мог через прозрачный край стилсьюта.

Пустота была невыносимой. То, что ему было известно, как работал механизм в свое собственное прошлое и увидеть начало процесса — учение, совершенствование талантов, преобладающее влияние извращенных дисциплин, даже временами подвержение сомнению отдельных мест из Библии, и, как последний аккорд, обильное поглощение спайса. И он мог смотреть вперед, в вызывающее наибольший ужас направление, и видеть, куда это ведет.

— Я чудовище! — подумал он. — Урод! Нет. Сказал он себе. — Нет, нет, нет!»

Он поймал себя на том, что стал стучать кулаком по полу тента.

— Пол! — Его мать была подле него, держа его за руку, и ее склонившееся лицо казалось в полутьме серым пятном. — Пол! В чем дело!

— Ты! — сказал он.

— Я здесь, Пол, — сказала она. — Все в порядке.

— Что ты со мной сделала? — закричал он.

Она почувствовала, что этот взрыв искренности имеет под собой основу, и сказала:

— Я дала тебе жизнь.

И инстинкт, и собственные хитроумные знания подсказали ей, что этот ответ — самый верный способ успокоить его. Он почувствовал, как ее руки сжали его, и сосредоточился на ее неясно видимом в полутьме лице.

— Пусти меня, — сказал он.

Уловив в его голосе стальные нотки, она повиновалась.

— Ты не хочешь сказать мне, Пол, в чем дело?

— Ты знала, что делаешь, когда обучала меня? — спросил он.

В его голосе нет больше ничего детского, подумала она. И она сказала:

— Я надеялась, как это свойственно родителям, на то, что ты станешь... вышшим, отличным от других человеком.

— Отличным?

Она услышала горечь в его голосе и сказала:

— Пол, я...

— Ты же хотела сына! — сказал он. — Ты хотела Квизац Хадераха! Ты хотела Бене Гессери мужского пола!

— Но, Пол... — горечь в ее голосе заставила его содрогнуться.

— Ты когда-нибудь советовалась об этом с моим отцом?

Свежесть утраты заставила ее говорить особенно мягко:

— Кто бы ты ни был, Пол, в тебе столько же от меня, сколько и от твоего отца.

— Но не в обучении, — сказал он. — Не в том, что... пробуждает... спящего.

— Спящего?

— Это здесь. — Он приложил руку ко лбу, потом к груди. — Во мне. И это становится все больше, больше и больше, и...

— Пол!

Она услышала в своем голосе истерические нотки.

— Послушай меня, — сказал он. — Ты хотела, чтобы Преподобная Мать услышала о моих снах? Теперь ты слушай меня вместо нее. Я только что видел сон наяву. Знаешь почему?

— Ты должен успокоиться, — сказала она. Если это...

— Спайс, — сказал он. — Он здесь во всем: в воздухе, земле, еде. Он подобен наркотику. Это яд?

Она окаменела.

Понизив голос, он повторил:

— Яд — такой коварный, проникающий в тебя так незаметно... и так неотвратимо. Он даже не убьет тебя, пока ты не станешь принимать его. Мы не сможем покинуть Арраки если только не возьмем часть ее с собой.

Ужасающий звук его голоса отвергал какие бы то ни было споры.

— Ты и спайс, — сказал Пол. — Спайс изменяет каждого, кто принимает достаточную порцию, но благодаря тебе я смог перенести изменение сознания. Мне не пришлось переходить в бесчувственное состояние, при котором нарушение сознания проходит незамеченным. Я смог его видеть.

— Пол, ты...

— Я это видел! — повторил он.

Она слышала безумие в его голосе и не знала, что делать.

Он заговорил снова, и она услышала по его голосу, что он снова приобрел желанный контроль над собой.

— Мы здесь в ловушке.

Да, в ловушке, согласилась она. И она поняла правдивость его слов... Ни давление Бене Гессери, ни ловкость или искусство не смогут освободить их полностью от Арраки: спайс был пагубной привычкой. Ее тело приняло этот факт задолго до того, как принял разум.

Итак, здесь мы проживем наши жизни, думала она, на этой альской планете. Место уже приготовлено для нас, если только мы сможем уйти от Харконненов. И нет сомнения в моем пути: производительница, сохраняющая важную генетическую линию клана Бене Гессери.

— Я должен рассказать тебе о моем сне наяву, — сказал Пол. Теперь в его голосе была ярость. — Чтобы быть уверенным в том, что ты поверишь в рассказанное мною. Я скажу тебе сначала, что знаю о твоём зачатии дочери, моей сестры, здесь на Арраки.

Джессика уперлась руками в пол палатки и прижалась к стене, унимая страх. Она знала, что ее беременность не могла быть заметна. Лишь ее знание Бене Гессери позволяло прочесть слабые знаки на ее теле, узнать о существовании в нем эмбриона, которому было несколько недель.

— Только служить, — прошептала Джессика, прибегая к девизу Бене Гессери. — Мы существуем лишь для того, чтобы служить.

— Мы обретем дом среди Свободных, — сказал Пол, — где твоя «Миссионерия Протектива» заготовила для нас прочную легенду.

«Для нас приготовлен путь в пустыню, — сказала себе Джессика. Но как он мог узнать о «Миссионерии Протективе?» Ей все труднее было сдерживать ужас перед сверхогромной странностью Пола.

Он взгляделся в ее темный силуэт, видя ее страх и каждую ее реакцию с позиции своего нового знания так же ясно, как будто она была освещена ярким светом. И к нему начало приходить чувство жалости к ней.

— Я не могу начать рассказывать тебе о том, что может здесь произойти, — сказал он. — Я не могу даже начать об этом говорить себе, хотя я это видел. Чувство будущего. Я кажется не имею над ним власти. Просто происходят события. Ближайшее будущее, скажем, год, я могу видеть... Дорога, такая же прямая, как на Келадане. Некоторые места я не вижу... затемненные места, как будто прячутся за холмами. — И он снова подумал о развевающемся шарфе.

Воспоминание о виденном вернулось к нему и он замолчал. Ни видение предвидения, ни опыт его жизни не подготовили его к этому чувству знаний, все увеличивающемуся и увеличивающемуся, наподобие огромного шара... так что время отступило раньше.

Джессика нашла управление спирали накаливания и включила его. Тусклый зеленый свет отогнал тени, ослабив ее страх. Она посмотрела на Пола и увидела его взгляд, обращенный внутрь. И она знала, где видела такой взгляд раньше: на карти-

нах к рассказам о несчастьях детей, испытывших голод и ужасную обиду.

Глаза были похожи на ямы, рот — прямая.

— Э... отступническая ветвь семьи, — сказала она, — это так, не правда ли? Какие-то кузены Харконненов, которые...

— Ты собственная дочь Барона, — сказал он и проследил за тем, как она прижала руку ко рту. — Барон испытывал в юности много удовольствия и однажды позволил себе соблазнить. Но это было сделано для генетических целей Бене Гессерит одной из вас.

То, как он сказал это «вас», хлестнуло ее как пощечина. Но это было сделано для генетических целей Бене Гессери одной из слов. Множество неясностей из ее прошлого вынырнуло на поверхность и выстроилось в одну цепь. Дочь, которую захотели сделать Бене Гессери не для того, чтобы покончить старую смертельную вражду между Атридесами и Харконненами, а для того, чтобы закрепить некий генетический признак в их ветвях. Какой? Она искала ответ. И, как будто читая ее мысли, Пол сказал:

— Они считали, что смогут получить меня. Но я не то, что они ожидали, и я пришел раньше времени. И они не знают об этом.

Джессика прижала руки ко рту.

Великая Мать! Он — Квизац Хадерах!

Она почувствовала себя незащищенной и обнаженной перед ним, и тут же поняла, что он видит ее таким же взглядом, от которого можно скрыть лишь немного. И это, она знала, было причиной ее страха.

— Ты думаешь, что я — Квизац Хадерах. Выбрось из головы это. — Я нечто неожиданное.

«Я должна получить ответ одной из школ», — подумала она.

— Они не узнают об этом до тех пор, пока не станет слишком поздно, — сказал он.

Она попыталась отвлечь его, опустила руки и сказала:

— Мы найдем место среди Свободных?

— У Свободных есть поговорка, которую они приписывают Шан-Хулуд, Старому Отцу Вечности, — сказал он. — Они говорят: «Будь готов к тому, чтобы оценить то, с чем встречаешься».

И он подумал: «Да, матушка моя, среди Свободных ты приобретешь синие глаза и мозоль возле твоего прекрасного носа от воздухофилтравальной трубки твоего стилсьюта... и ты родишь мне сестру».

— Если ты не Квизац Хадерах, — сказала Джессика, — то кто же...

— Тебе, возможно, не следует об этом знать, — сказал он. — Ты не поверишь в это, пока не увидишь сама.

И он подумал: «Я — семя».

Внезапно он увидел, как плодородна почва, на которую он упал, и вместе с этим открытием ужасная цель вошла в него, заполнила собой пустоту внутри, угрожая удушить его скорбью. Он увидел двух человек, связанных лежащим впереди путем. Он посмотрел в глаза одному из них, дьявольскому Барону, и сказал:

— Хэлло, дед. — Мысль об этой тропе и тем, что пролегло вдоль нее, вызвала в нем отвращение.

Другая тропа пролегла среди пятен серой темноты, лишь кое-где высились пики насилия. Он увидел там военную линию, пламя, протянувшееся через Вселенную, зеленое с черным знамя Атридесов, развевающееся над легионами фанатиков, пьяных от спайсового ликера. Гурни Хэллек и несколько других людей его отца — какая жалкая горсть — были среди них, каждый с символом ястреба, как святыми памяти его отца.

— Я не могу идти по этому пути, — пробормотал он. — Это то, чего желают старые ведьмы твоей школы.

— Я не понимаю тебя, — сказала мать.

Он молчал, думая, как семя, которым он был, думая с тем сознанием расы, которое ощутил впервые как ужасную цель. Он обнаружил, что не может ненавидеть теперь ни Бене Гессери, ни Императора, ни Харконненов. Все они находились в плену своей расы, вынужденные заботиться о ее поддержании, скрещивать, смешивать, обновлять свои породы в огромном бассейне новых ген. И раса знала единственный для этого путь — древний путь, испытанный и опробованный путь, все сметающий на своем пути: ДЖИХЕД.

Конечно же, я не могу выбрать этот путь, подумал он.

Но мысленно он все еще видел гробницу своего отца и трепет зеленого с черным знамени Атридесов.

Джессика кашлянула, обеспокоенная его молчанием. Пото сказала:

— Значит, Свободные дадут нам убежище?

Он поднял голову и посмотрел на нее.

— Да, — сказал он. — Это — один из путей. Они назовут меня Муад Дибом: «Тот, кто указывает путь». Да, так они меня называют.

И он закрыл глаза, думая: «Теперь, отец мой, я могу оплакать тебя».

И он почувствовал, как слезы заструились по его щекам.

КИПА «Ереван»
НПКО «Рубин-Универсал»
ТЦП, заказ 1798, тираж 50000.
Цена 3 р. 50 коп.